

Ю
Р244

БЕРТРАН РАССЕЛ

ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ

идея-пресс

ДОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КНИГИ

BERTRAND RUSSELL

ДОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КНИГИ

идея-пресс

THE ART OF PHILOSOPHIZING AND OTHER ESSAYS

by

BERTRAND RUSSELL

NEW YORK 1968

philosophical library inc.

БЕРТРАН РАССЕЛ

ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ

Общая редакция,
составление
и предисловие
О. А. Назаровой

идея-пресс

ДОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КНИГИ
МОСКВА 1999

Данное издание
выпущено в рамках программы
Центрально-Европейского Университета «Translation Project»
при поддержке
Центра по развитию издательской деятельности (OSI — Budapest) и
Института «Открытое общество. Фонд Содействия» (OSIAF — Moscow)

528397

10
P244**РАССЕЛ Бертран**

Р24 **ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ.** Перевод с англ. Козловой Е. Н., Назаровой О. А., Сычевой С. Г. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — 240 с. 2-е изд., испр.

Выбранные для нашей книги лекции, статьи и интервью лорда Рассела достаточно полно характеризуют одну из важных сторон многогранного творчества этого мыслителя — работу в жанре философской публицистики. Впервые Рассел предстанет перед русским читателем не только как выдающийся философ, но и как блестящий популяризатор, гражданин. С этой стороны Рассел почти не известен в нашей стране. Однако именно сейчас — в период потери ориентиров, пропаганды всяческих суеверий — ясная и трезвая позиция мыслителя-рационалиста чрезвычайно актуальна для граждан современной России. Рассел наглядно демонстрирует возможности разума и образования, и свет его мысли и таланта вселяет надежду и уверенность.

ББК 87.3

ISBN 5-733-0007-8

- © Перевод с англ. Коллектив авторов.
- © Общая ред., составл., предисл. Назаровой О. А.
- © Художественное оформление Жегло С., 1999
- © Идея-Пресс, 1999
- © Дом интеллектуальной книги, 1999

Содержание

Предисловие

«Я привык думать о себе как о рационалисте» 7

ИСКУССТВО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

(пер. О. Назаровой)

Лекция 1

ИСКУССТВО РАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ 13

Лекция 2

ИСКУССТВО ДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ. 34

Лекция 3

ИСКУССТВО ВЫЧИСЛЕНИЯ 57

ЛЮДИ — ДУМАЙТЕ!

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ? (пер. Е. Козловой) 83

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНЫМ? (пер. С. Сычевой) 89

«БЕСПОЛЕЗНОЕ» ЗНАНИЕ (пер. Е. Козловой) 98

СУЕВЕРНА ЛИ НАУКА? (пер. Е. Козловой) 110

ЧТО ТАКОЕ ДУША? (пер. Е. Козловой) 119

СТОИЦИЗМ И ДУШЕВНОЕ ЗДОРОВЬЕ (пер. С. Сычевой) 123

О ЮНОШЕСКОМ ЦИНИЗМЕ (пер. С. Сычевой) 132

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ? (пер. Е. Козловой) 141

О ЦЕННОСТИ СКЕПТИЦИЗМА (пер. С. Сычевой) 149

МОРАЛЬНЫЕ ТАБУ (пер. О. Назаровой) 163

ФАНАТИЗМ И ТЕРПИМОСТЬ (пер. Е. Козловой) 171

НАЦИОНАЛИЗМ (пер. Е. Козловой) 178

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА (пер. Е. Козловой) 186

ВЛАСТЬ (пер. О. Назаровой) 205

СВОБОДОМЫСЛИЕ И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА (пер. Е. Козловой) 212

РОЛЬ ИНДИВИДА (пер. Е. Козловой) 233

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Я привык думать о себе как о рационалисте...»

Широко известно, что лорд Бертран Рассел (1872–1970) является выдающимся английским ученым и философом XX века. На первом этапе своего творчества он внес огромный вклад в развитие математической логики, опубликовав вместе с А. Н. Уайтхедом в 1910–1913 гг. капитальный труд «Principia Mathematica», на который опирались все последующие поколения логиков. В более позднем возрасте основное внимание Рассел направил на философию. Он написал ряд крупных работ, посвященных разработке логического атомизма, проблем теории познания, логическому анализу языка и т. п. Его перу принадлежит блистательная «История западной философии», до сих пор не утратившая своей ценности.

Вместе с тем в течение многих лет Бертран Рассел активно выступал с популярными лекциями и статьями, давал интервью, в которых рассказывал о своем понимании философии, ее задач, ее роли в общественной жизни, ценности ее изучения. Мало кто из крупных философов XX века может сравниться с ним в этом отношении. Расселовские популярные статьи, написанные на самые разнообразные темы, в свое время будоражили западное общество, вызывая острейшую полемику.

Выбранные для настоящего сборника лекции, статьи и интервью лорда Рассела, прежде всего, невероятно интересны, в чем читатель имеет возможность убедиться самостоятельно. Они достаточно полно характеризуют одну из важных сторон многогранного творчества этого мыслителя — ра-

боту в жанре философской публицистики. Впервые Рассел предстанет перед русским читателем не только как выдающийся философ, но и как блестящий популяризатор, гражданин. С этой стороны Рассел почти не известен в нашей стране. Однако именно сейчас — в период потери ориентиров, пропаганды всяческих суеверий и т. п. — ясная и трезвая позиция мыслителя-рационалиста чрезвычайно актуальна для граждан современной России.

Представленные в сборнике тексты не только весьма актуальны, но и в какой-то мере символичны. Основу его составили три книги. Во-первых, «Искусство философствования и другие эссе» («The Art of Philosophizing and Other Essays»). New York, Philosophical Library Inc., 1968). Это лекции, написанные и прочитанные Расселом во время Второй мировой войны (1941–1945) студентам различных университетов США. Во-вторых, книга «Люди — думайте!» (по-английски ее название звучит более колоритно и многозначно — «Let the People Think»). Впервые она была опубликована в Лондоне, в серии «Библиотека мыслителя» (The Thinker's Library) в 1941 г., затем переиздавалась в Ассоциации рационалистической прессы (The Rationalist Press Association Ltd.). И в-третьих, книга «Мысли вслух Бертрانا Рассела» («Bertrand Russell Speaks His Mind»). Весной 1959 г. Рассел записал для телевидения 13 интервью с корреспондентом Би-Би-Си Вудро Уайэттом. Эти интервью были живым, спонтанным диалогом, для которого не делалось дублей, потому что Рассел настаивал на том, что он не актер. Его интервью были списаны с телевизионной записи и опубликованы в книге «Мысли вслух Бертрانا Рассела» в 1960 г. в «Мировой издательской компании» (The World Publishing Company) в Лондоне.

Обращает на себя внимание время написания и публикации большинства текстов — это Вторая мировая война, время мировой катастрофы, сумасшествия, очередного крушения идеалов. Мы знаем, что реакция Рассела и на Первую мировую войну была нехарактерной для его круга общения: он не впал в отчаяние, он стал действовать, в частности, включился в пацифистское движение. И эта реакция была обусловлена его позицией философа-рационалиста. Вторую мировую войну Рассел встречает сборником статей «Люди — думайте!» Он никогда не отказывается от рационального взгляда на жизнь и считает разум самым надежным инструментом познания и деятельности. Уехав еще до войны в Соединенные Штаты Америки, Рассел читает лекции студентам, молодым людям, будущему поколению. Лекции посвящены трем столь родным для Рассела, но столь далеким для большин-

ства людей дисциплинам — философии, математике и логике, и Рассел не вдается в профессиональные тонкости логико-математических или философских концепций. На простых и наглядных примерах он старается разъяснить своим читателям смысл глубоких и жизненно важных понятий философии и логики. Поражает разнообразие и адекватность его примеров при разъяснении философских понятий, математических законов или логических умозаключений, а ведь придумать запоминающийся и «работающий» на твою идею пример в философии — дело чрезвычайно сложное. Пожалуй, только пример-миф о пещере Платона стал навечно достоянием культуры и известен многим. Бертран Рассел обладал редким даром — делать близкими и понятными абстрактные вещи и понятия; он был мастером примеров. Эти лекции имели огромное влияние еще и потому, что простота изложения Расселом фундаментальных проблем философского исследования удивительна, как и его способность сформулировать самую суть «вечных» философских проблем и мастерски, шаг за шагом увлекать слушателя в глубины философского анализа.

Иными словами, Рассел наглядно демонстрирует возможности разума и образования, и свет его мысли и таланта вселяет надежду и уверенность.

Не случайно книги Рассела изданы в серии «Библиотека мыслителя» и в трудах Ассоциации рационалистической прессы, ибо они выражают не только его профессиональную, но и гражданскую позиции.

Рассел обращается прежде всего к молодежи, и главная его забота — воспитание свободомыслящего, образованного человека, не зараженного религиозным, политическим или националистическим фанатизмом и не пасующего перед трудностями:

«В юности молодому человеку нужно представить широкий спектр общечеловеческих интересов, и образование должно осуществляться таким образом, чтобы дать ему идею (через предложение, а не путем строгого увещевания) жизни во имя целей, находящихся за пределами его самого. Он должен быть научен выносить несчастье, когда оно случается, через понимание, что еще есть вещи, ради которых стоит жить».

(«Стоицизм и душевное здоровье», 1928)

И в деле воспитания молодежи практическая философия или мораль, по Расселу, играет неоценимую роль. Три статьи он посвящает обсуждению именно моральных аспектов таких широко известных, неоднозначно воспринимаемых и, скажем, весьма популярных и у современной молодежи фи-

лософских направлений (или слов?), как скептицизм, стоицизм, цинизм, только в обсуждении Рассела они приобретают (или восстанавливают?) какой-то вселенский масштаб.

Поскольку на русском языке уже были изданы работы Б. Рассела, посвященные религии, в книге «Почему я не христианин?», в нашу книгу они не включены, хотя в том или ином контексте проблемы религии обсуждаются в ней довольно часто.

Значительная часть размышлений Рассела в данной книге посвящена различным политическим проблемам, таким как власть, взаимоотношение человека и государства, фашизм, национализм, демократия. Его суждения по этим вопросам и ныне весьма актуальны. Например, в 1922 г. он говорил:

«Искусство пропаганды, практикуемое современными политиками и правительствами, имеет своим источником искусство рекламы».

Разве за прошедшие с тех пор 75 лет что-либо изменилось?

Или вот его мнение о демократии:

«Без тщательно отработанной системы обмана в начальной школе было бы невозможно сохранить уловки демократии». («Свободомыслие и официальная пропаганда», 1922)

Одним словом, Вам будет над чем задуматься, когда Вы возьмете в руки эту книгу.

КАНДИДАТ
ФИЛОСОФСКИХ НАУК
О. А. НАЗАРОВА

ИСКУССТВО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

ИСКУССТВО РАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Позвольте начать с краткого ответа на вопрос: «Что такое философия?» Это не конкретное знание, каким является наука. Но это и не безоговорочная вера, характерная для первобытных людей. Философия — нечто находящееся между этими полюсами. Наверное, ее можно назвать «искусством рационального предположения». Согласно такому определению, философия говорит нам, как нужно поступать, если мы хотим найти истину, или же то, что *более* всего на нее *походит*, в тех случаях, когда нельзя с уверенностью знать, что *есть* истина. Искусство рационального предположения весьма полезно в двух различных отношениях. Во-первых, часто наиболее трудным этапом в поиске *истины* является формулирование *правдоподобной* гипотезы; когда гипотеза сформулирована, ее можно проверить, но прежде всего нужен человек, способный ее выдумать. Во-вторых, часто мы вынуждены действовать в условиях неопределенности, поскольку промедление может быть весьма опасным или даже смертельным; в таких случаях полезно воспользоваться искусством, которое поможет нам судить о возможных последствиях. Этим искусством — в том, что касается наиболее общих гипотез, — и

является философия. Конкретные вопросы типа «Будет ли завтра дождь?» не относятся к философским; философия занимается такими общими вопросами, как: «Управляется ли мир механическими законами или развивается согласно заданной космической цели, или же он характеризуется и тем и другим?» Философия исследует все, что может быть сказано относительно подобных общих вопросов.

Первое, что вы должны понять, если хотите стать философом, — это то, что большинство людей живут, обладая мировоззрением, не поддающимся рациональной проверке, и что мировоззрение одного человека может быть несовместимо с мировоззрением другого человека, и они оба могут быть правы. Взгляды людей, в основном, формируются таким образом, чтобы они чувствовали себя комфортно, уютно; а истина их волнует постольку поскольку. Конечно же, вы, дорогие читатели, не имеете предрассудков, но вы должны понять, что этим вы и отличаетесь от большинства людей. Допустим, что вы баптист, проживающий в штате Теннесси. Для вас очевидно, что Америка — это величайшая мировая держава, что Теннесси — самый лучший штат и что только баптизм выражает истинные теологические воззрения. Предположим, что я поддерживаю эти убеждения. Что же я тогда скажу человеку, живущему в другом штате или в другой стране? Как я смогу доказать истины, столь очевидные для вас, католику, живущему во франкоязычной области Канады? Вы можете быть согласны друг с другом по многим другим вопросам, но как вести диалог с мусульманином, индуистом или конфуцианцем? Вы обнаружите, что они подвергают сомнению многое из того, что вы принимаете без обсуждения; и если ваш диалог с ними будет успешным, то вы обнаружите общее далеко за пределами того, что предполагали.

И тем не менее, вы по-прежнему найдете много вещей, относительно которых у вас с мусульманином будет общее мнение. Произошли ли люди от обезьян? Конечно, нет! Является ли человек вершиной мироздания? Конечно, да! Вас объединяет то, что вы оба — люди. Но если однажды с Марса прилетит разумное существо, которое будет превосходить людей настолько же, насколько люди превосходят обезьян, оно может расценить различие между людьми и обезьянами как

незначительное, и общность происхождения людей и обезьян будет для него очевидной. Марсианин будет настолько же уверен в своих утверждениях о Марсе (если он не будет философом), насколько вы уверены в своих утверждениях о Теннесси. Как быть в этом случае?

Если вы хотите стать философом, вы должны изо всех сил пытаться избавиться от воззрений, целиком зависящих от места и времени вашего обучения, от всего того, о чем вам говорят ваши родители и учителя. Никто не может избавиться от них полностью, никто не может быть совершенным философом, но при желании мы все в какой-то мере можем достичь этого. Однако вы можете спросить: «А почему мы должны желать этого?» Есть несколько причин. Одна из них заключается в том, что иррациональные воззрения во многом связаны с войнами и иными формами насилия. Единственным способом, с помощью которого общество смогло бы жить без насилия в течение какого-то времени, является установление социальной справедливости, а социальная справедливость любому человеку покажется несправедливостью, если он будет убежден, что он — превыше остальных. Справедливость в отношениях между классами сложно установить, если существует класс, полагающий, что он имеет право на бóльшую долю власти и общественного богатства. Справедливость в отношениях между нациями возможна только при посредстве нейтральной силы, поскольку каждая нация верит в свою исключительность. Справедливость в отношениях между мировоззрениями и верованиями (*creeds*) — еще более сложная вещь, поскольку каждое воззрение полагает, что обладает монополией на истину во всех ее аспектах. Было бы намного легче мирно и справедливо разрешать конфликты и споры, если бы философское мировоззрение было шире распространено.

Вторая причина, по которой нужно стремиться быть философом, заключается в том, что, как правило, ошибочные взгляды не позволяют нам поставить верные цели. В средние века во время чумы люди толпами валили в церкви молиться о выздоровлении, полагая, что их благочестие заставит Бога простить их. На самом деле, толпы в плохо проветриваемых помещениях создавали идеальные условия для распространения инфекции. Если используемые вами средства соот-

ветствуют поставленным целям, то вы должны обладать знанием, а не просто верой или предчувствием.

Третья причина заключается в том, что истина лучше, чем ложь. Есть нечто бесчестное в том, чтобы последовательно придерживаться точки зрения удобной лжи. Обманутый муж обычно выглядит нелепо; есть нечто смешное или жалкое в том образе счастья, которое основано на обмане.

Если вы хотите стать философом, вы должны тренировать и мышление (*intellect*), и чувства (*emotions*). Эти два вида тренировки тесно взаимосвязаны, но при обсуждении их нужно несколько разграничить. Начну с тренировки мышления.

Тренировка мышления имеет и положительный, и отрицательный аспекты: вы должны учиться тому, во что можно верить (*believe*) и во что нельзя верить. Рассмотрим сначала позитивный аспект.

Несмотря на то, что в конечном счете все в той или иной степени можно подвергнуть сомнению, некоторые вещи настолько несомненны, что в практических целях элементом сомнительности можно пренебречь. Философ должен задавать себе вопрос о том, какого рода знание, по всей видимости, менее сомнительно, чем другие, и почему. В начале своего анализа он может вполне резонно предположить, что наиболее несомненными видами знания являются те, относительно которых менее всего ведется дискуссий. Однако вскоре он обнаружит, что знание или то, что предполагается таковым, не отстаивается в неистовой борьбе. Никто не оспаривает таблицу умножения, но никто и не будет утверждать, что она составляет Священную Истину. Если кто-то будет отрицать истинность таблицы умножения, то его не посадят в тюрьму и не сожгут на костре. Если этого арифметического еретика попросят отречься от его неверия в таблицу умножения, то он сознательно сделает это, потому что его отречение не причинит таблице умножения никакого вреда. Таковы характеристики убеждений, которые неразумно подвергать сомнению.

Тому, кто желает стать философом, было бы неплохо получить солидные знания в области математики. Изучая математику, он узнает, какого рода истины можно открыть в процессе чистого размышле-

ния, безо всяких наблюдений. Он также познакомится с точным мышлением и с теми ошибками, которых не могут избежать даже весьма опытные мыслители. Именно поэтому полезно также изучить историю математики. Например, до Эйнштейна любой человек думал, что мгновенное распространение силы тяжести доказано математически. Однако, согласно теории Эйнштейна, она распространяется со скоростью света. Очевидно, что математики нашли ошибку в аргументации, которая удовлетворяла многие их поколения, и сейчас, если только они не нацисты, они все согласятся, что Эйнштейн оказался прав относительно скорости распространения гравитации. Однако это слишком сложный вопрос, и было бы ошибкой по этому поводу впадать в скептицизм относительно математики. Правильнее было бы сделать следующий вывод: в тех случаях, когда обсуждаемые проблемы более сложны и более связаны с нашей жизнью и чувствами, чем проблемы математики, значительно увеличивается вероятность ошибок в наших рассуждениях. В большей мере это относится к социальным и религиозным проблемам.

Логика полезна философу в ее современной форме, а не в том косном, средневековом облике, которое придали схоластики учению Аристотеля. Главным образом, она полезна для обучения осторожности в умозаключениях и выводах. Люди, не обученные логике, склонны делать необоснованные выводы. Например, если какой-либо класс или нация подвергается насилию со стороны другой, а вы полагаете, что сможете его прекратить, то класс или нация, подвергаемые насилию, будут ожидать от вас признания того, что они обладают большей добродетелью, и будут очень удивлены, если увидят, что вы не испытываете личной симпатии к каждому из них. В этом нет логической взаимосвязи, хотя простой человек думает наоборот. Чем больше ваши познания в области логики, тем меньше выводов будут казаться вам обоснованными, и все реже вам будет казаться последовательным придерживаться сразу двух мнений. Это очень важно с практической точки зрения, поскольку с необходимостью требует установления компромисса и предупреждает принятие полярных воззрений. Такие совокупности воззрений, как католицизм, коммунизм или

фашизм, склонны к преследованию инакомыслящих и практически, по крайней мере отчасти, ложны. Занятия логикой не позволяют с легкостью удовлетворяться такими готовыми мыслительными конструкциями.

Логика и математика — в той мере, в какой они могут быть полезны, — представляют собой единственный вид мыслительной тренировки для философа. Они помогают ему понять, каким образом нужно исследовать мир, но не дают никакой конкретной информации об этом мире. Это алфавит книги природы, но не сама книга.

Если вы решили стать философом, то прежде всего вам нужно научное знание, но не подробности науки, а ее принципиальные результаты, история и в особенности метод научного исследования. Именно наука провела границу между современным миром и миром, существовавшим до XVII в. Именно наука разрушила веру в ведьм, магию и колдовство. Именно наука сделала невозможной веру в старые предрассудки для образованного человека. Именно наука высмеяла предположение о том, что Земля — это центр вселенной, а человек — высшая цель природы. Именно наука показала ложность старого противопоставления души и тела, мышления и материи, коренящегося в религии. Именно наука помогла нам начать понимать нас самих и в какой-то мере увидеть самих себя со стороны как забавные механизмы. Именно наука показала нам метод, посредством которого можно доказать, что гипотеза ошибочна. Научный дух, научный метод, границы научного мира должны быть восприняты любым человеком, желающим иметь современное философское мировоззрение, а не просто почерпнуть в старых книгах антикварную философию. Несомненно, Платон — гений, а Аристотель — человек энциклопедических познаний, но их современные ученики обнаружили бы у них только ошибки. Час беседы с Галилеем или Ньютоном даст вам больше в понимании истинной философии, чем год, проведенный с Платоном и Аристотелем. Конечно же, университетские профессора придерживаются иной точки зрения.

Как я уже отметил, для философа важны результаты развития науки и метод научного исследования. Давайте об этом и поговорим.

Итак, результаты научного развития. Прежде всего, философу важно знать историю мира, его прошлое и будущее. Относительно далекого прошлого и будущего можно высказывать только предположения, однако между ними есть довольно большой отрезок времени, относительно которого можно сделать определенные утверждения. Вероятно, очень давно существовала диффузная туманность, нечто вроде прозрачного тумана, некоторые части которого были плотнее других; в дальнейшем они и стали звездами. Наша звезда Солнце — по причине ли, что недалеко от нее прошла другая звезда, или по другим причинам, — породила множество планет, которые сначала были так же горячи, как и Солнце, но потом остыли. Одна из них, достигнув соответствующей температуры, породила определенные химически сложные структуры, способные придавать такую же структуру соответствующим материальным образованиям. Это свойство называется *жизнью*. Живые структуры, постепенно усложняясь, развивались в растительный и животный миры; наиболее сложной живой структурой является человек. Существование жизни зависит от некоторых химических условий и температуры. Долгое время температура была слишком жаркая для появления жизни; возможно, что в далеком будущем она будет слишком холодной. Однако некоторые астрономы, например сэр Джеймс Джинс, считают, что прежде чем это произойдет, взорвется наше Солнце, и это будет причиной исчезновения нашей Земли и других планет. Так или иначе, но с большой долей уверенности можно сказать, что жизнь на Земле прекратится.

Вселенная безгранична и во времени, и в пространстве. Солнце находится на расстоянии почти 93 миллионов миль от Земли, а его свет достигает Земли за 8 минут. Ближайшие звезды находятся так далеко, что их свет идет до Земли в течение нескольких лет. Все звезды, которые мы видим невооруженным глазом, находятся на Млечном Пути, представляющем собой одну из многочисленных звездных групп. Помимо групп звезд, существуют облачности — нечто вроде миллиона групп, — находящиеся невероятно далеко, настолько далеко, что их свет идет до нас сотни тысяч лет, несмотря на то, что распространяется со скоростью 180 000 миль в секунду. Что касается

временных рамок, то Земля существует миллионы лет, но в сравнении с Солнцем она существует недавно. Когда сэр Джеймс Джинс говорит о возможности взрыва Солнца, можно подумать, что эта катастрофа грозит нам, но он утешает нас, что этого не случится еще в течение миллиона лет. Вселенная, как нам говорят, постепенно развивается к такому состоянию, в котором энергия будет равномерно распространена, и следовательно, не будет служить всем тем целям, в которых она используется сегодня. К тому времени, а может быть и задолго до него, жизнь уже повсюду прекратится, и только чудо сможет ее возродить. Даже наиболее религиозные ученые, кроме католиков, согласны с тем, что это наиболее вероятные выводы, которые можно сделать в соответствии с имеющимися научными данными.

Сравним эту картину с картиной мира, представленной в Библии и в трудах Святых Отцов Церкви и принятой повсеместно христианством до тех пор, пока наука не поставила ее под сомнение. Согласно Библии и учению Отцов Церкви, Вселенная была создана Богом за 6 дней; можно вычислить время создания, и это приблизительно 4004 год до Рождества Христова. Земля находится в центре Вселенной, а создание Адама и Евы было последним творением Бога. Бог запретил им есть плоды конкретного дерева, и когда они все-таки съели их, Он сильно разгневался, несмотря на то, что Он знал, что они не послушаются Его. Он был настолько разгневан, что обрек их на бесконечное наказание: они и их потомки должны будут вечно гореть в огне. Но Сын Господа обрек себя на наказание во имя человечества, страдая на распятии и проведя три дня в аду. Благодаря Его страданиям, сторонники правильных теологических взглядов, выполняющие определенные обряды, попадут в рай. Видимый мир исчезнет по втором пришествии Христа; когда это произойдет, неизвестно. Первые ученики думали, что это будет очень скоро; потом этого ожидали в 1000 г. от Рождества Христова. Некоторые протестанты по-прежнему думают, что это произойдет в течение ближайших лет. По втором пришествии Христа будут существовать только рай и ад, и, как полагают католики, в течение некоторого времени чистилище.

Отметим некоторые различия этих концепций мира. Прежде всего, это различие в размерах: христианский мир мал и кратковремен (за исключением рая и ада), в то время как для научного мира неизвестны начало и конец как во времени, так и в пространстве, и определенно он бесконечен и в пространстве и во времени. В христианском мире все имеет цель и свое место; все четко и ясно, как на кухне у хорошей хозяйки. Другое отличие состоит в том, что христианский мир имеет центром Землю, в то время как научный мир не имеет такого центра вообще; в христианском мире Земля стоит на месте, а звезды вращаются вокруг нее, в то время как в научном мире *все* находится в движении. Христианский мир сделан для человека, в то время как научный мир, если он и имеет какую-то цель, то мы не знаем этой цели. Действительно, практически концепция цели, доминирующая в псевдонаучном мышлении в течение 2000 лет — от Аристотеля и вплоть до XVII в., — исчезла из современного научного объяснения. Почему законы природы таковы, как они есть, вопрос, который наука не задает, поскольку неразумно предполагать, что на него есть ответ. В христианском мировоззрении преобладают моральные концепции, такие как концепция греха и наказания, которым нет места в научном мировоззрении. Христианский мир таков, каким его видел необразованный человек, в то время как научный мир вежливо игнорирует наши предрассудки и надежды, нашу любовь и ненависть.

Помимо всех этих различий, существует еще и разные свидетельства (*evidence*). Для христианского мировоззрения подтверждением является Библия; для научного мировоззрения — это наблюдение и индукция. Наука спрашивает, на каком основании мы должны принимать то, что описано в Библии? Присутствовали ли авторы Пятикнижья при Творении? Ясно, что нет. Можем ли мы поверить, что Бог передал им истину? В этом случае мы столкнемся с большими трудностями. Библия — не единственная Священная Книга; другие религии строят иные космологии. Каким образом беспристрастный исследователь определит, какой из них поверить? Иногда Библия противоречит самой себе: в ней дается два противоречащих друг другу описания сотворения Адама и Евы; в одном месте говорится, что в ковче-

ге было две овцы, в другом — семь. Есть и другие трудности. Иезуит Акоста, живший в Южной Америке, был удивлен, обнаружив животных, обитающих только в этой части света, в то время как все они должны были быть с горы Арарат. Это особенно удивительно в случае с ленивцем, который столь медлителен в своих проявлениях, что вряд ли смог бы достичь Южной Америки за то время, которое прошло после потопа. Конечно, моряки могли завезти разных необычных животных из Старого света, но достопочтенный Отец так не думал, в частности в случае с ужасной акацией, обладающей невыносимым запахом. Кроме того, существует проблема ископаемых, которые, по всей видимости, доказывают, что Земля старше, чем в истории Творения. Постепенно вера в буквальную истинность истории Творения отошла на второй план, и была открыта дорога для принятия научного мировоззрения.

О далеком прошлом во времени и в пространстве наука говорит с осторожностью; она сообщает лишь наиболее вероятное знание, согласующееся с имеющимися данными, но в любой момент могут появиться новые данные, которые позволят сделать новые заключения по тому или иному вопросу. И тем не менее, общая картина навряд ли сильно изменится. Прежде чем наука ослабила авторитет теологии, та сказала свое слово, но совершенно иное: теологические истины провозглашались вечными, неизменными и несомненными. Те же, кто подвергал их сомнению, могли сгореть и на Земле, как Джордано Бруно, и уж точно сгореть, когда настанет конец света. Ни один теолог не повторит этого сегодня, но только потому, что даже непогрешимые догмы должны быть тайно изменены, чтобы выдержать штурм со стороны науки.

Тот, кто хочет стать философом, должен внимательно отнестись к изучению истории науки и, в частности, к истории ее борьбы с теологией. Любая отрасль науки, за исключением чистой математики, вынуждена была начинать с того, чтобы отстаивать свое право на существование. Астрономия была осуждена в лице Галилея, геология — в лице Бюффона. В течение долгого времени занятия научной медициной были невозможны из-за жесткой позиции церкви в отношении

вскрытия трупов. Дарвин выдвинул свою теорию в более позднее время, но католическая церковь и законодательство штата Теннесси до сих пор относятся к идеям эволюции с отвращением. Каждый шаг отвоеван с трудом, и каждый новый нужно будет отвоевывать, как будто поражения в прошлом ничему не учат.

Сегодня новейшая наука психология встречает сопротивление, особенно если она предпринимает опасные попытки переосмыслить концепцию «греха». В любом сообществе некоторые люди ведут себя враждебно по отношению к интересам этого сообщества, и для того чтобы общественная жизнь продолжалась, необходимо найти способы предотвращать такое антисоциальное поведение. Концепция «греха» представляет собой один из таких способов, предложенный церковью. Даже если преступник избежал полиции, ему рано радоваться, поскольку его накажет Бог. Этот метод в некоторых ситуациях действительно эффективен. Однако сегодня нам стало известно, что многие причины антисоциального поведения коренятся в психологии человека, и только лечение, проведенное психологом и устранившее эти причины, может положить конец такому поведению. Как оказалось, многое из того, что огульно называлось «грехом», является по своей природе болезнью, которую надо лечить, а не наказывать. Те же, кто защищает мнение, что некоторые «грехи» нужно лечить, а не наказывать, осуждаются ортодоксами. На самом деле, это старое противостояние науки и религии, исходящей из того факта, что психология еще молодая и незрелая отрасль науки. Но этот обскурантизм существует и в этике. Никто не пострадает от того, что мужчина женится на сестре своей умершей жены, и тем не менее церковь будет шокирована таким безнравственным поведением, поскольку она определяет «грех» не как нечто, что приносит вред, а как то, что осуждается Библией или церковью.

Теперь перейдем к методу научного исследования. Цель науки состоит в открытии общих законов, и факты ее интересуют, в основном, в той мере, в какой они представляют собой свидетельства «за» или «против» этих законов. География и история изучают те факты, которые представляют для них интерес, но ни одна отрасль человеческо-

го знания, по крайней мере до сих пор, не считается наукой, пока в ней не открыты какие-либо общие законы. Нужно понять, что мы могли бы жить в мире, где нет общих законов, в котором сегодня мы будем есть хлеб, а завтра — камни, в котором вода в Ниагаре иногда будет падать вверх, а не вниз, а вода в чайнике будет замерзать вместо того, чтобы закипеть. Все это будет представлять трудности, но такой мир не является логически невозможным. К счастью, наш мир иной. Поразмыслив, мы понимаем, что уже привыкли к определенному рода регулярностям, например, день и ночь, лето и зима, посевная и сбор урожая и т. п. По отношению к таким вещам, которые являются неожиданными, например грозы, можно выдвинуть две гипотезы. Возможно, существуют столь сложные регулярности, что их не так просто открыть; или же подобные явления существуют благодаря капризам каких-то богов. Последняя гипотеза была повсеместно принята первобытными людьми, а также духовенством Бостона вплоть до появления Бенджамина Франклина. Эти достойные мужья полагали, что громоотвод нечестив, это изобретение разгневает Господа, что приведет к разрушительным землетрясениям. Однако мир свидетельствует против них.

Постепенно пришли к точке зрения, что все природные явления управляются общими законами, несмотря на то, что эти законы, по сути, носят статистический характер, как в случае с мельчайшими квантовыми переходами. Иногда открыть общие законы очень трудно, что легко доказывается исследованием солнечной системы. Кеплер доказал, что Марс вращается вокруг Солнца по эллипсоидной орбите, и предположил, но не сделал окончательного вывода, что то же самое верно и для остальных планет. Затем Ньютон открыл закон гравитации, остающийся без изменений в течение более 200 лет. Мелкие несоответствия, обнаруженные Эйнштейном, привели его к практически небольшим изменениям, которые оказались революционными для теории. Закон Ньютона, принятый и сегодня, не совсем верен, несмотря на то, что ошибки в его выводах можно обнаружить только в редких случаях и только с помощью точнейших измерений. Описанное развитие физического знания может послужить примером и

моделью метода научного исследования. Гипотезы и наблюдения чередуются между собой; каждая новая гипотеза требует новых наблюдений и, будучи принятой, должна объяснять факты лучше, чем предыдущая гипотеза. Но всегда остается возможным то, что для объяснения новых наблюдений потребуется новая гипотеза. Принятие новой гипотезы не означает, что предыдущая была ложной; она означает лишь то, что старая гипотеза была лишь не вполне точным приближением (аппроксимацией), а ничего большего от гипотезы и не ожидается.

Философ в поиске знания, обращаясь к общепринятому научному закону, должен рассматривать его как приблизительно верный. Допустить большее было бы безрассудством.

До сих пор я обсуждал положительные аспекты предварительной философской тренировки, теперь перейдем к обсуждению ее отрицательных сторон. Когда мне было лет 15, я решил проанализировать все мои убеждения и отвергнуть их, если окажется, что в их основе лежат лишь мои предрассудки или же традиция. Будучи педантичен, я начинал с этого каждый мой день, и первое, что я подверг анализу, была возможность поражения англичан при Ватерлоо. Размышляя над этой возможностью уйму времени, я сформулировал один аргумент в защиту Наполеона: если бы он победил, то Англия вынуждена была бы ввести метрическую систему мер. Вскоре я перешел к анализу более важных вещей, таких как догмы христианской религии, которые я пытался анализировать беспристрастно, несмотря на все мое желание сохранить свою веру. На мой взгляд, подобные занятия очень полезны для того, кто желает стать философом. Это было легче осуществить, если бы вы не сами изобретали контраргументы в отношении своих предрассудков, а если бы вам их изложил человек, убежденный в этих контраргументах. Было бы замечательно, если бы во всех наших школах обучались мусульмане и буддисты, которые должны были бы защищать свои взгляды среди большинства учеников-христиан. Это могло бы уменьшить силу иррациональной убежденности с обеих сторон.

Другим важным элементом в негативной тренировке философа является история иррациональных верований людей. Аристотель,

будучи женатым мужчиной, утверждал, что у женщины меньше зубов, чем у мужчины. Вплоть до недавнего времени большинство людей думали, что существует животное саламандра, которое живет в огне. Шекспир вторил предрассудку, что в голове у жабы находятся драгоценности. Но эти вопросы не слишком волновали людей; сложнее, если обнаруживались ошибки в вещах, которым люди полностью доверяли. В XVI в. все верили в ведьм; быть может, и те несчастные, которые были осуждены как ведьмы. История говорит о многих хорошо подтвержденных чудесах, в которые не поверит ни один современный человек. Я, конечно, не говорю о чудесах, совершенных святыми католиками, но о других, также хорошо подтвержденных и совершенных арианами, несторианами, еретиками-монофизитами или даже откровенными атеистами. Ничто чудесное не может быть принято на основании исторических данных, если только сами эти данные не обладают необычной убедительностью. Во все времена человек обречен верить тому, что, как показывают последующие столетия, является ложным, и наше время не исключение.

Тренировка чувств так же важна в формировании философа, как и тренировка мышления. Важно научиться рассматривать людей как продукт обстоятельств. Установив, что одни конкретные типы людей предпочтительнее других конкретных типов людей, можно задать вопрос, как сделать более предпочтительные типы людей более распространенными. Ортодоксальная точка зрения состоит в том, что это можно сделать с помощью проповедей, но она с трудом выдерживает проверку практикой. Самые разнообразные причины могут заставить человека вести себя плохо: недостаточное образование, неправильное питание, экономические трудности и т. п. Возмущаться тем, что человек ведет себя плохо, значит попусту тратить свою энергию, это все равно, что возмущаться машиной, которая не едет. Разница состоит лишь в том, что вы можете заставить свою машину въехать в гараж, но вы не сможете заставить Гитлера пойти к психиатру. И тем не менее, вы можете каким-то образом повлиять на молодых потенциальных Гитлеров, существующих в любой стране и являющихся одновременно потенциальными добропо-

рядочными гражданами. Но нет ничего мудрого в том, если вы просто назовете их «грешниками».

Очень важно научиться не возмущаться мнениями, отличными от ваших собственных, и научиться анализировать и стараться понять, каким образом они могли сформироваться. Если поняв их, вы по-прежнему считаете их ложными, вы можете бороться с ними гораздо более эффективно, чем если бы вы просто продолжали возмущаться.

Я не говорю о том, что философ должен обходиться без чувств и эмоций; человек без эмоций, если таковой и существует, ничего не делает и, следовательно, ничего не может достичь. Но никто не может надеяться стать хорошим философом, пока у него не появятся некоторые не столь распространенные чувства. Он должен обладать сильным желанием понять, насколько это возможно, мир; и во имя понимания он должен хотеть преодолеть все те предрассудки и узость мировоззрения, мешающую правильному восприятию. Он должен учиться думать и чувствовать не как представитель той или иной группы, а просто как человек. Если бы он смог, он освободился бы и от тех ограничений, которые накладывает на него человеческая природа. Если бы он смог воспринимать мир, как марсианин или житель Сириуса, если бы он смог видеть мир, как видит его мотылек, живущий только один день, или же как существо, живущее миллионы лет, он был бы лучшим философом. Но это невозможно, так как мы неотъемлемы от нашего тела и человеческих органов восприятия. В какой же мере можно преодолеть эту человеческую субъективность? Можем ли мы вообще что-либо знать о том, *что* такое мир на самом деле, в противовес тому, как он *предстает* перед нами? Именно это и хочет знать философ, и именно к этой цели он стремится в течение столь долгого периода тренировки беспристрастности.

До сих пор я рассматривал вопросы, касающиеся предварительной подготовки философа, и только теперь я перехожу к вопросам собственно философского обучения. Итак, что вы должны делать, закончив свое обучение в области логики и науки, для того чтобы применить свое образование к проблемам, породившим ваше желание стать философом?

Если вы зададите этот вопрос старомодному профессору, то он посоветует вам читать Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, а также философских светил меньшего масштаба: Декарта, Спинозу и Лейбница, и — как грозное предупреждение — Локка, Беркли и Юма. Последовав его совету, вы сможете сдать университетский экзамен по так называемой философии. С огромным трудом вы узнаете множество мыслей этих великих людей по самым различным вопросам. Но если ваш ум спит во время чтения произведений «великих» философов, то вы не задумаетесь над тем, что вы сами думаете об этих философских вопросах. Вам станет ясно, что многое из сказанного этими великими мужами — чепуха, продукт донаучной духовной среды. Отчасти их мнения ошибочны, а отчасти гениальные догадки. Итак, ясно, что если вы хотите получить ответы на свои вопросы, то должны сами их и задать.

Человек может прийти в философию, заинтересовавшись определенного рода проблемами. Рассмотрим только что упомянутую проблему: можем ли мы что-либо знать о том, *что* такое мир на самом деле, в противовес тому, чем он нам *представляется*?

Посмотрим сначала, как эта проблема возникла. Мы смотрим на вещи своими глазами и представляем, до тех пор пока не начинаем размышлять, что вещи таковы, какими мы их видим. Но животные видят по-другому; они не могут оценить картины, хотя, возможно, если бы мы знали как, мы могли бы создать картины, которые они способны были бы оценить, а мы — нет. Мухи имеют весьма необычные глаза, в связи с чем мир выглядит для них совершенно иным, чем для нас. Или взять другой аспект: все, что мы видим и слышим, кажется нам происходящим здесь и сейчас, но мы знаем, что свет и звук распространяются с определенной скоростью. Гром как физическое явление имеет место в то же самое время, что и молния, но слышим мы его позже. Когда вы видите заход Солнца, «на самом деле» оно зашло 8 минут назад. Когда появляется новая звезда, что иногда случается, то это явление, которое вы наблюдаете сейчас, могло иметь место тысячи лет назад. Повторю: физики согласны в том, что цвет — такой, как мы его воспринимаем, — существует только в нашем воспри-

яти; цветам в нашем восприятии во внешнем мире соответствуют поперечные волны, а это нечто совсем иное. Физический мир имеет лишь некоторые определенные точки соприкосновения с миром чувств. Тот мир, который рисуется нам с помощью наших органов чувств, — если предположить, что он существует вне нас, — в значительной мере иллюзия.

Что бы вы сказали, если хотя бы в небольшой мере смогли абстрагироваться от точки зрения здравого смысла (*common sense*)? Вы бы заметили, как и ученый-физик, что, прежде всего, все мы живем в общем мире. Мухи могут иметь странные ощущения, но они летают вокруг бочонка с медом. В каком-то смысле некоторые люди и животные могут воспринимать одно и то же явление, но по-разному. Различия могут быть субъективными; но общее в восприятии всех принадлежит самому явлению и не зависит от наших органов чувств. Именно это, грубо говоря, и предполагает ученый-физик, и это, на наш взгляд, разумная гипотеза. Ее нельзя рассматривать как достоверную гипотезу, поскольку существуют и другие гипотезы, объясняющие все известные факты. Но она обладает достоинством, которое нельзя отрицать и которое не имеет ложных следствий, — она лучше других соответствует нашим наивным убеждениям.

Если вы хотите разобраться во всем, то вы на этом не остановитесь. Вы попытаетесь найти способ формулирования для всех гипотез, согласующихся со всеми известными и проверенными фактами. Все гипотезы должны согласовываться во всех своих *проверяемых* (*verifiable*) следствиях, чтобы, с точки зрения практики, не было различий, какой из этих гипотез вы придерживаетесь. Если вы достигли этого пункта размышлений, то вы сделали все возможное, поскольку, несмотря на то, что вы не пришли к единой теории, которая *должна* быть истинной, вы показали, что это невозможно, и определили все теории, которые *могут* быть истинными. С философа больше и нечего спросить.

Рассмотрим другую философскую проблему: взаимосвязь души и тела или сознания и материи. Здравый смысл воспринимает этот дуализм как само собой разумеющееся; все мы считаем очевидным, что

обладаем телом и сознанием. Однако философам обычно не нравится дуализм; некоторые пытаются устранить его, говоря, что тело — это иллюзия, порожденная сознанием; их называют «идеалистами»; а другие говорят, что сознание — это не что иное, как способ проявления тела, их называют «материалистами». Различие между сознанием и телом существовало не всегда; оно было сформулировано, прежде всего, в интересах религии. Это началось с Платона, считавшего, что душа бессмертна, а тело — нет. Эта точка зрения была воспринята и развита в поздней античности сначала неоплатониками, а потом христианами. Свое всестороннее развитие она получила в трудах Св. Августина. Знаменательно то, что теория, имеющая чисто философское и теологическое происхождение, настолько глубоко проникла в сознание обычного человека, что представляется практически очевидной. И тем не менее, я думаю, что будущему философу было бы полезно проанализировать это различие заново, и тогда, если он сделает это, оно покажется ему гораздо менее очевидным, чем это обычно предполагается.

На первый взгляд, представляется ясным, что когда я думаю, то это явление в моем сознании, а когда движется моя рука, то это явление моего тела. Но что я имею в виду, говоря «мышление»? И что я имею в виду, говоря «движение моей руки»? Ни то ни другое неясно.

Сначала о «мышлении». Я испытываю удовольствие и боль, я вижу, слышу, трогаю вещи, я помню, я хочу, я принимаю решения; все это можно классифицировать как «ментальные» явления, и все это — в широком смысле — может быть названо «мышлением». Конечно, такие явления имеют место, следовательно, мы оправданно называем их мышлением. Однако неоправданно будет сказать далее, как это сделал Декарт, что существует вещь, которая мыслит, и эта вещь есть мое сознание. Предположить, что мыслям необходим мыслитель, — значит совершить грамматическую ошибку (или, скорее, синтаксическую). Мысли могут восприниматься, но мыслитель — нет; он — часть ненужного метафизического хлама.

А что можно сказать о движении моей руки? Все мы думаем, — до тех пор, пока не вникнем в суть вопроса, — что мы знаем, что такое

«движение», и что мы можем видеть движение своих рук. Однако это ошибка. Движение — это физическое явление, и мы должны обратиться к физике, чтобы разобраться с тем, что это такое. Физик расскажет нам невероятно сложную историю, согласно которой, несмотря на то, что изменение имеет место, такой вещи, как движение, не существует, поскольку это предполагает, что «вещь» передвигается, а в квантовой физике «вещи» исчезают. Вместо вещей мы имеем ряд событий, связанных между собой определенным образом; и именно этот ряд событий ошибочно называют «вещью». Относительно движения руки — в том плане, как она предстает в физике, — мы знаем лишь некоторые абстрактные математические законы; мы знаем настолько мало, что не можем сказать, похожи ли события, из которых это движение складывается, на мысли или нет. Таким образом, мы можем сказать лишь следующее: не существует двух «вещей» — моего сознания и моего тела; существуют только ряды событий, называемых «мыслями», таких, что последнее может вспомнить предыдущее; существуют также ряды событий, — если физики не ошибаются, — которые обычно рассматриваются как моя рука; однако похожи ли события в физических рядах на мысли или нет, знать невозможно.

Я не имею в виду, что я уверен в том, что все сказанное мною правильно; я сказал лишь, что считаю это вероятным. Во всяком случае, ясно, что успешное обсуждение проблемы «сознания» и «материи» с помощью традиционных понятий невозможно; необходимо выбрать иные понятия, которые значительно изменят саму проблему. Бессмысленно рассуждать о том, что душа бессмертна, не зная, что мы имеем в виду под понятием «душа». В таком случае необходимыми предпосылками в дискуссиях о предметах, имеющих важное значение, оказываются довольно пустые проблемы.

Возможно, вы скажете: я хотел бы стать философом, потому что я думаю, что философы знают смысл жизни и могут научить меня тому, как я должен жить, а до сих пор вы не могли мне в этом помочь. Есть ли философии что сказать в ответ на это соображение?

Ответ на этот вопрос довольно сложен. Исторически философия была промежуточной ступенью между наукой и религией; для гре-

ков она была «способом жизни», но этот способ жизни был связан, в основном, с развитием знания. Некоторые философы уделяли больше внимания религиозным аспектам философии, другие — научным; но в той или иной мере и те и другие всегда имели место. В целом, философ имеет представление относительно целей, которым можно было бы посвятить жизнь, и в этом смысле он религиозен; но он также и ученый, потому что рассматривает развитие знания как существенную часть лучшей жизни, потому что он считает знание необходимым для получения большинства ценных им вещей. Таким образом, его моральная и интеллектуальная жизнь тесно взаимосвязаны.

Философ должен мыслить посредством общих понятий, потому что интересующие его проблемы имеют общий характер. Кроме того, он должен мыслить беспристрастно, потому что он знает, что только таким способом можно достичь истины. Общность и беспристрастность в мышлении служат совершенно противоположным целям: основные цели настоящего философа касаются человечества в целом. Он не ограничен ни во времени, ни в пространстве; он принимает в расчет любого человека других эпох и других стран. Справедливость в практических делах тесно связана с общим подходом к интеллектуальным вопросам. Если вы выработаете привычку думать о человечестве, то поймете, насколько трудно отдавать предпочтение какой-то части человечества. Стоики развили этот принцип вплоть до осуждения всех конкретных эмоций, но в этом они ошиблись. Если вы не любите конкретного человека, то ваша любовь к человечеству будет абстрактна и холодна. Лишь с помощью конкретных эмоций становится живой и настоящей любовь к человечеству. Если читая о преступлениях, вы представляете, что это может случиться с вашей женой, ребенком или другом, вы почувствуете страх за них, что невозможно испытать человеку, который любит всех людей одинаково. Философ не должен чувствовать меньше, чем любой другой человек, или любить меньше своих друзей или свою страну, но он должен научиться обобщать свои чувства в абстрактных понятиях и приписывать другим людям и другим странам такую же ценность, как и своим родным.

Размышление в масштабе огромных расстояний и больших промежутков времени, к чему философ должен привыкнуть, способно сыграть определенную очищающую роль в отношении эмоций. Некоторые вещи, которым мы склонны приписывать огромную важность, покажутся незначительными, если на них взглянуть с точки зрения Универсума, а другие вещи, кажущиеся сейчас менее важными, представят весьма существенными. Дела людей не обладают космической значимостью, которую им могли приписывать во времена Птолемеевой астрономии, однако только по ним мы можем судить о добре и зле. Возвеличивать собственную личность, как это делали цари царей, смешно, поскольку могущество или слава человека — ничтожная вещь в масштабах Вселенной. Общечеловеческие же цели: попытка познать, насколько это возможно, мир, создать красоту или человеческое счастье — совсем не кажутся смешными, поскольку это лучшее, что мы можем сделать. Именно исходя из осознания собственной незначительности, можно достичь определенного душевного состояния, которое делает нас более счастливыми и в котором мы не будем стремиться к тщетной славе и сможем успешно бороться со злом.

ИСКУССТВО ДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ

Логика можно определить как искусство делать выводы. Каждый человек делает выводы, в каком-то смысле и животные делают выводы. Однако большинство выводов, которые делают люди, поспешны и опрометчивы; в дальнейшем они оказываются неправильными. Логика стремится избегать таких необоснованных выводов, что аналогично отношению к свидетельским показаниям в юриспруденции. Часто вывод не дает определенности, но предоставляет определенного рода вероятность, достаточно высокую для того, чтобы позволить действовать рассуждающему человеку. Правила возможного вывода — наиболее сложная, но и наиболее полезная часть логики.

Логика была изобретена Аристотелем. В течение почти двух тысяч лет его авторитет в области логики был неоспорим. Сегодня учителя в католических институтах не имеют право думать, что в учении о логике Аристотеля есть какие-то недостатки, и любой не католический автор, критикующий это учение, вызывает горячую ненависть католиков. Однажды я выступил с подобной критикой по радио, и организаторы моего выступления были завалены протестами против распространения по радио таких еретических взглядов. Однако чрезмерное уважение доктрины Аристотеля характерно не только для католических учреждений. Во многих университетах логику по-прежнему начинают изучать с бесполезного и сложного учения о силлогиз-

ме, которое препятствует настоящему пониманию логики. Если вы хотите стать логиком, то я хотел бы дать вам один совет, на котором я не могу слишком настаивать, а именно: НЕ изучайте традиционную формальную логику. Во времена Аристотеля это было великое достижение, каким была и Птолемея астрономия. Изучать то или другое в наши дни — это смешной антиквариантизм.

Существует два вида логики: *дедуктивная* и *индуктивная*. Логически корректный дедуктивный вывод придает такую же определенность заключению, что и посылки, в то время как в результате индуктивного вывода, даже при полном соответствии логическим правилам, мы получаем лишь возможное заключение, даже если посылки были совершенно точные.

Дедуктивная логика полезна в том случае, если известны общие посылки, а также если предполагается, как можно проследить, что их следствия согласуются с опытом. Великим примером дедуктивной логики является чистая математика. В чистой математике мы начинаем с общих принципов, а затем делаем из них выводы. Во всех случаях расчетов вы используете дедукцию. Предполагается, что правила арифметики неоспоримы, и вы применяете их к конкретным цифрам ваших расходов и доходов. Чистая математика — это огромная область знаний; даже великие математики знают лишь небольшой фрагмент этой области. Большинство этих знаний имеет практическое применение в навигации, в инженерной и военной сфере и во многих других сферах современной промышленности. Но при практическом использовании математические знания всегда должны согласовываться с другими посылками, полученными посредством индукции. До тех пор, пока математика представляет собой чистое знание, это игра типа шахмат; она отличается от других игр именно тем, что имеет практическое применение.

Математика — не единственный пример дедуктивной логики, хотя и самый важный. Другой пример — право (или закон). Я не имею в виду законодательство, где в основном обсуждают то, каким должен быть закон. Я говорю о судебном процессе, о суде, где практикуют то, что *есть* закон. Действующие законы вытекают из общих принци-

пов, и судьи должны применять их к конкретным обстоятельствам. Иногда логика довольно проста: убийца нужно казнить, этот человек — убийца, поэтому он получает смертный приговор. Однако в более сложных случаях, таких как тонкое финансовое мошенничество, довольно трудно сделать необходимые дедуктивные выводы из существующих законов; если мошенник довольно умен, то может случиться так, что законы к его действиям не будут применимы.

Другое дедуктивное учение — это теология. С логической точки зрения, она весьма похожа на право; законы для юриста имеют такое же значение, что и священные писания для теолога. Иногда просто удивительно, чего можно достичь с помощью чистой дедукции. Из Послания Св. Апостола Павла к Римлянам Св. Августин сделал следующие выводы: люди попадают в рай не в силу добродетельной жизни, а некрещенные дети попадают в ад. Эти рассуждения возможны, и я думаю, что имплицитно эти выводы содержатся в том, что говорил Св. Павел, хотя я сомневаюсь, что Апостол знал об этом. Вероятно, если бы он знал, он бы подумал о том, как избежать таких выводов.

Рассуждения юристов и теологов, несмотря на то, что по сути своей дедуктивны, редко предстают в строгой логической формулировке и обычно используют некоторые эмпирические соображения до и после общих посылок. Если любое чисто дедуктивное рассуждение довести до полного обобщения, то обнаружится, что оно принадлежит чистой математике. Действительно, чистая математика и дедуктивная логика неразделимы.

Я не имею в виду, что каждое дедуктивное *рассуждение* принадлежит чистой математике. Это было бы неправильно, потому что предмет этого рассуждения может находиться за пределами чистой математики. Рассмотрим освященный временем силлогизм: «Все люди смертны; Сократ человек; Следовательно, Сократ смертен». В данном случае слова «Сократ», «человек», «смертен» понятны благодаря нашему обыденному опыту земного существования; они не обладают необходимой для логики и математики универсальностью. Соответствующий принцип чистой логики выглядит следующим образом: «для любых A , B и C , если все A есть B , а C есть A , то C есть B ». Сходным

образом, суждение «2 яблока и 2 яблока — это 4 яблока» не является суждением арифметики, поскольку требует знаний о яблоках. Оно дедуцировано из утверждения арифметики, что $2 \times 2 = 4$. Только такого рода общие утверждения принадлежат логике или математике; и когда мы следуем таким общим утверждениям, мы понимаем, что не существует различий между математикой и дедуктивной логикой. Они представляют собой один предмет, в котором дедуктивная логика — в том виде, как она обычно понимается, — является более ранней частью, а чистая математика — в том виде, как она обычно понимается, — более поздней частью.

Чему вы можете научиться с помощью дедукции? Возможно, если вы достаточно умны, то ничему. Рассмотрим пример из арифметики. Поскольку вы знаете таблицу умножения, вы можете умножить любые два числа, например 24 657 и 35 746. Вы используете правила и умножаете. Но если бы вы были вундеркиндом, то вы просто «видели» бы ответ также, как вы «видите», что $2 \times 2 = 4$. Но на самом деле, даже вундеркинды не могут «видеть» ответ, когда суммы становятся слишком большими. На практике в любом сложном рассуждении мы можем придти к заключению только с помощью дедукции. Истинно, что все, что мы получаем с помощью дедукции, в определенном смысле уже содержится в посылках, а мы только находим то, что содержится в них, с помощью вычислений.

Польза дедуктивной логики велика, но в определенных пределах. Она не скажет вам, каких убеждений нужно придерживаться; она скажет только, что *если* вы придерживаетесь А, вы должны придерживаться В. *Если* вы считаете правильным закон гравитации, вы должны считать правильным то, что нам говорят астрономы о движении планет. *Если* вы считаете, что все люди равны, вы должны выступать против рабства и за право женщин на участие в выборах. (Для того чтобы сделать этот конкретный вывод, человечеству потребовалось почти сто лет.) *Если* вы верите, что Библия в целом истинна, вы должны верить в то, что заяц — жвачное животное. Дедукция говорит вам о том, что следует из ваших посылок, но не говорит ничего об их истинности.

И все же она помогает вам понять, что ваши посылки *ложны*. Это происходит в тех случаях, когда можно опровергнуть следствия из ваших посылок, и тогда ясно, что ваши посылки более или менее неверны. Епископ Коленсо в своих попытках обратить в христианскую веру зулусов перевел Библию на зулусский язык. Те с интересом читали Библию, но когда они прочитали о том, что заяц — жвачное животное, то заявили епископу, что это неправда. Коленсо был книжным червем, незнакомым с привычками зайцев. По настоянию зулусов он понаблюдал за зайцами и понял, что те правы. Все это заставило его «усомниться» в Библии, и в результате церковное руководство лишило его жалования.

Когда выдвигается какая-либо научная теория, то из нее дедуцируют следствия на предмет соответствия наблюдениям, и если хотя бы одно из них окажется неверным, то теория может быть опровергнута. Случается, что теория противоречит сама себе в том смысле, что предполагает некоторые посылки истинными, но дедуктивное рассуждение показывает, что они ложны; это называется *reductio ad absurdum*¹. В подобных процедурах дедукция часто является полезным элементом опровержения.

Дедукция играет более важную роль как элемент индукции в тех случаях, когда она помогает доказать вероятную истинность теории. Но к этому я вернусь позднее.

Аристотель и его последователи рассматривали дедуктивную логику как логику силлогизмов. Силлогизм — это рассуждение, состоящее из двух посылок, по крайней мере одна из которых имеет общий характер, и заключения, сделанного на основании этих посылок. Силлогизм имеет дело с отношениями классов: если даны два класса *A* и *B*, *A* может быть частью *B*, *A* может находиться вне *B*, *A* может пересекаться с *B*, или же часть *A* может быть вне *B*. Силлогизм дедуцирует отношение между *A* и *C* на основе отношений между *A* и *B* и *B* и *C*. Например: Если *A* находится вне *B*, и *B* находится вне *C*, то *A* находится вне *C*. Если часть *A* является частью *B* и *B* полностью является частью *C*, то часть *A* является частью *C*. И т. д. Однако, огромное количе-

¹ Сведение к абсурду (*лат.*) — *Прим. перев.*

ство дедуктивных рассуждений совершенно иного рода. Действительно, математика, по природе своей дедуктивная наука, довольно редко имеет дело с силлогизмами. И тем не менее, традиционные логики никогда этого не замечали. Не замечали они также и того, что существуют более простые, чем силлогизм, виды дедукции, за исключением того случая, который называется «непосредственное умозаключение» типа «Если Джон — отец Джеймса, то Джеймс — сын Джона». Современная теория дедукции приходит к отношениям между классами, пройдя через значительную область логически более простых рассуждений. Следует заметить, что логически более простое — не значит более легкое, как считают начинающие изучать логику.

Итак, я перехожу к индуктивной логике, которая является намного более полезной, чем дедуктивная, но сталкивается с гораздо более серьезными трудностями. Действительно, философия индукции содержит неразрешимые проблемы, которые горячо обсуждались еще со времен Юма. И тем не менее, если вы хотите заниматься индуктивной логикой профессионально, необходимо усвоить определенные технические процедуры. Несомненно, что эти процедуры работают; трудности связаны с тем, *почему* они работают.

Психологически индукция начинается с животной предрасположенности. Животное, столкнувшись с тем, что некоторые явления происходят определенным образом, приспособливает свое поведение, ожидая, что то же самое будет происходить и в следующий раз. Если вы будете ездить на своей лошади довольно часто по одной и той же дороге, она автоматически пойдет по этой дороге, если вы отпустите ее одну, и будет весьма нелегко заставить ее идти по другой дороге. В этом плане лошадь отличается от автомобиля, который никогда не знает, по какой дороге вы обычно едете. Домашние животные вскоре узнают время своей кормежки и ожидают еды от того человека, который обычно их кормит. Конечно, такого рода вещи представляют собой лишь поведенческую привычку животных, а не сформулированное убеждение. Однако, если бы животных можно было бы научить говорить, то они вербализовали бы свои привычки и сказали бы «конечно, такой-то накормит меня, он всегда это делает». Необученный

дикарь может говорить и произносит фразы подобного рода. Впрочем, дети тоже.

Очень многие из наших повседневных убеждений, несмотря на то, что наука может их как-то обосновать, на самом деле основываются именно на этом законе животных привычек. Мы ожидаем, что завтра взойдет солнце, потому оно всходит каждый день. Когда мы собираемся съесть яблоко, то мы ожидаем, что оно будет иметь вкус яблока, а не бифштекса, потому что яблоки всегда имели вкус яблока. Если вы видите переднюю часть лошади, двигающейся на вас из-за угла, то вы ожидаете увидеть заднюю часть лошади, а не коровы, потому что вы никогда не видели животного, у которого передняя часть была от лошади, а задняя — от коровы. Эти ожидания не научны; вы не анализируете сначала свои данные, чтобы прийти к заключению. Если вы упали и ожидаете удара о землю, то вы не рассуждаете о взаимодействии падающего тела и твердой поверхности; ваше ожидание, хотя оно может *иметь причиной* предыдущие падения, с логической точки зрения *не является их следствием*. Весьма вероятно, что опыт способен откладываться в привычках тела и порождать скорее физиологические, чем психологические ожидания. В приведенном выше примере, когда вы видите переднюю часть лошади, вы, возможно, и не имеете никакого *осознанного* ожидания в отношении ее другой части, но если окажется, что другая часть лошади от коровы, вы будете шокированы, показав тем самым, что ожидание имело место, даже в подсознании.

Индуктивная логика представляет собой попытку оправдать, по мере возможности, эту склонность животных к чему-либо. Ее невозможно оправдать в полной мере прежде всего потому, что иногда все же случаются удивительные вещи. Петух может всю свою жизнь получать корм из рук одного и того же человека, но однажды вместо того чтобы покормить, этот человек открутит ему шею. Было бы лучше для петуха, если бы его индуктивный вывод был бы менее грубым. Индуктивная логика стремится показать, какого рода индуктивные выводы меньше всего приведут вас к тому же разочарованию, что и петуха. Возможно, что даже в лучшем случае вы никогда не

будете *уверены*, что индуктивный вывод правилен, но существует множество способов, с помощью которых вы сможете намного уменьшить вероятность ошибки, до тех пор, пока вы не достигнете заключения, которое каждый разумный человек будет рассматривать как достаточно обоснованное для действия. Можно сказать, что вся теория индукции негативна. Дикари делают совершенно опрометчивые индуктивные выводы; цивилизованные люди, но не обученные научным методам рассуждения, также склонны к опрометчивым выводам. Однако человек, изучивший индуктивную логику, позволит себе лишь несколько индуктивных заключений, в отношении которых он испытывает животную предрасположенность. Почему он сделал эти заключения, останется загадкой, но причины, по которым он воздержался от других, совершенно определены.

Самая простая форма индукции — это «простое перечисление». Например: во всех известных мне случаях за *A* всегда следовало (или имело место) *B*; поэтому вероятно, что за следующим *A*, с которым мне придется иметь дело, последует (или будет иметь место) *B*, и менее вероятно, что за *A* всегда будет следовать (или иметь место) *B*. Наши тела и тела животных созданы таким образом, что если мы не испытываем вынужденных ограничений, мы действуем так, как если бы мы верили в справедливость индукций посредством простого перечисления, но, как мы уже видели, подобные действия иногда сбивают нас с истинного пути. За ночью всегда наступал день, поэтому мы естественным образом ожидаем, что так будет всегда. Однако некоторые астрономы говорят, что со временем приливно-отливные трения станут причиной того, что земля навсегда повернется одной стороной к Солнцу, и тогда уже после ночи никогда не наступит день. Один философ-стоик был приглашен на ужин к царю Египта Птолемею. Шутки ради царь угостил его гранатом, сделанным из воска. Философ, опрометчиво откусив кусочек, сделал индуктивный вывод: «Так вот каков на вкус гранат». Если вы дадите дикарю коробку с гиростатом, он подумает, что она заколдована, потому что он не сможет ее открыть. Ведьмовство и колдовство — подходящие понятия для того, чтобы объяснить неправильные индуктивные выводы.

Мы не можем целиком избежать индукции типа простого перечисления, но мы можем значительно усилить ее с помощью общих законов. В этом случае все становится частичкой гораздо более широкого обобщения, чем то обобщение, которое стало отправным пунктом нашего индуктивного рассуждения. Это широкое обобщение поможет нам понять, правильно ли было исходное обобщение, и покажет наличие закономерности там, где, на первый взгляд, ее не наблюдалось. Рассмотрим, например, убеждение в том, что завтра встанет солнце. Для первобытного человека это убеждение не было логически обосновано, но оно имело свои причины; причинами были его собственный опыт, что за днем следует ночь, и свидетельства его предков, что насколько они помнят, так было всегда. Рефлексия сделала эти причины основанием, однако наука предоставила новые, более серьезные основания для этого убеждения. Солнце встает, потому что земля вращается; вращением управляют динамические законы; законы динамики подтверждаются всеми наблюдениями соответствующих явлений и на земле и на небесах. Таким образом, эти законы, в силу их общности, подтверждаются гораздо большим количеством явлений, чем восходы солнца. Но сами по себе эти законы принимаются все равно на основании простого перечисления. Единственный существенный довод состоит в том, что количество подтверждающих примеров намного порядков больше, чем в наших исходных обобщениях.

Рассмотренная нами процедура зависит от открытий общих законов, а общие законы могут быть открыты, только если они существуют. Можно вообразить себе Вселенную без общих законов или, во всяком случае, без любых достаточно простых общих законов, которые мы могли бы открыть. Конечно, мы не смогли бы выжить в такой Вселенной. Животные пользуются общим законом: «можно есть все, что хорошо пахнет». Этот закон имеет исключения, что и позволяет нам травить крыс и муравьев. Однако, если бы исключения не были исключениями, животные не могли бы решить, что можно есть, или, если бы они решили, то травились бы столь же часто, сколь и избегали бы отравы. Люди же с помощью микроскопа открыли более совершен-

ные общие законы и научились не пить молоко, которое пахнет хорошо, но содержит туберкулезные палочки. Однако, если бы не было общих законов, то завтра могло бы случиться так, что мы заболели бы от любого молока, не содержащего туберкулезных палочек. Если бы не существовало бы общих законов, невозможно было бы знать, что делать.

Правда, для практических целей мы могли бы предпочесть иметь дело с такими общими законами, которые, как правило, истинны; наша пища иногда будет отравлять нас, но ведь так происходит и сейчас. Действительно, наука совершенствуется в поиске общих законов, которые всегда показывают себя истинными, и нет оснований сомневаться в том, что такие законы существуют независимо от того, соответствуют они или нет тем законам, которым наука доверяет сегодня. Научный метод — это по сути своей метод открытия законов. Предположим, что существуют общие законы, и рассмотрим процесс их открытия.

Наш принцип простого перечисления относится к тому случаю, когда за некоторым явлением *A* всегда следует или имеет место другое явление *B*. Само по себе это не лучшее основание для индукции. Необразованные китайцы считают, что Лунное затмение имеет место, потому что Небесный Пес пытается съесть Луну. Поэтому когда начинается лунное затмение, они выбегают на улицу и громко бьют в гонг с тем, чтобы испугать это опасное небесное животное. Однажды я видел затмение Луны в Чангша и слышал бой гонга. Очевидно, что затмение быстро прекратилось; и подобное происходило в Китае с незапамятных времен. Так почему же мы не должны верить в то, что гонг спас Луну? Мы, конечно, имеем свидетельства о лунных затмениях, не видимых с территории Китая, но это лишь удача; если бы китайское суеверие распространилось повсюду, то нашего восприятия не существовало бы.

Свидетельства в пользу существования общих законов более основательны, если и *A* и *B* представляют собой измеряемые количества, и установлено, что чем больше *A*, тем больше *B*. Чем горячее огонь, тем быстрее вскипит чайник. Это называется принципом «со-

путствующих изменений». Многие люди, занимающиеся метеорологией, считают, что погода меняется в соответствии с изменением фаз Луны, но внимательные наблюдения показывают, что это не так. С другой стороны, морские приливы и отливы изменяются в соответствии с лунными фазами: весенние приливы следуют сразу после новой и полной луны, а отливы — сразу после первой и третьей четверти. Таким образом, ясно, что существует закон, связывающий лунные фазы и приливы и отливы.

Рассмотрим закон, говорящий о том, что тела расширяются при возрастании температуры. О чем на самом деле говорит этот закон? С обыденной точки зрения мы рассматриваем температуру как нечто, что заставляет нас чувствовать жару или холод, но это лишь отчасти верно. В безветренный день, когда термометр показывает 70° F, жарче, чем в ветреный день, когда термометр показывает 80° F. Таким образом, мы определяем температуру по термометру, а не с помощью наших ощущений. Затем мы обнаруживаем, что все тела, за исключением воды в точке замерзания, занимают больше места при высокой температуре, чем при низкой. После того как это явление подтвердилось множеством экспериментов, мы не можем рассматривать его как случайное совпадение и начинаем считать его общим законом.

Случаем, который произвел наибольшее впечатление на научный мир, стало открытие закона гравитации. Ньютон открыл, что каждая планета в каждый момент времени обладает ускорением в направлении Солнца; это ускорение равно квадратному корню, извлеченному из расстояния, на котором эта планета находится от Солнца. Подобный закон объединяет не только эмпирические данные, полученные в прошлом, но и бесконечное количество возможных будущих данных. Если все это происходит таким образом, как мы ожидаем в соответствии с данным законом, мы вскоре убеждаемся, что этот закон должен быть истинным, по крайней мере в пределах ошибок наблюдения.

Индукция связана с вероятностью не только в том смысле, что заключение индуктивного вывода всегда не более, чем вероятность, но и во многих других смыслах. Например: если на основании гипотезы, удовлетворяющей всем известным фактам, вы делаете предска-

ние чего-либо, кажущегося невероятным, и ваше предсказание оказывается правильным, то становится весьма вероятным, что эта гипотеза истинна. Предположим, я хочу сделать прогноз погоды как прорицатель. Если в июле я скажу: «Завтра будет гроза», и на завтра действительно будет гроза, мои друзья скажут, что это было не более, чем удачное совпадение. Но если в январе я скажу: «Завтра будет гроза и снегопад», а на завтра действительно будет гроза и снегопад, то мои друзья будут поражены. Если я скажу: «Завтра Гитлер произнесет напыщенную речь», и мое предсказание сбудется, то никто не удивится. Но если я скажу: «Завтра Гитлера снимут с поста фюрера, и он пострижется в монахи», и мое предсказание сбудется, то любой человек будет потрясен моими способностями прорицателя или подумает, что я знаком с нацизмом больше, чем я мог бы. Чем более невероятно ваше пророчество, тем больше подтверждается ваша гипотеза в том случае, когда ваше предсказание оправдывается.

Сегодня во всех развитых науках законы имеют количественный характер и позволяют нам делать точные предсказания — настолько точные, что их можно проверить с помощью измерительных инструментов. И теперь любое количественно точное предсказание, за исключением некоторых научных законов, будет вызывать огромные сомнения в своей истинности. Проиллюстрируем наше утверждение. Предположим, я говорю: «Первый мужчина, которого мы встретим, будет иметь вес от 130 до 170 фунтов», вы говорите: «Весьма вероятно; большинство мужчин имеют такой вес». И если я окажусь прав, то вы скажете: «Хорошо, но вы не слишком-то рисковали в своем предсказании». Если я скажу, что этот мужчина будет весить от 149 до 151 фунта, и я буду прав, мое предсказание будет несколько более удивительным. Но предположим, я скажу: «Его вес будет 150,0001 фунта», и мы проверим, используя лучшую аппаратуру в физической лаборатории, что он действительно имеет приблизительно такой вес, то вы спросите, как я мог об этом знать. В наши дни научные предсказания, как правило, обладают такого рода точностью. Они предсказывают нам точное время восхода и захода солнца, точное расположение Юпитера в данный момент времени и т. д. Если рассматривать слово «точ-

но» буквально, то это будет столь замечательно, что покажется почти невероятным; даже при допущении пределов ошибок в наблюдениях, точность удивительна.

Открытие Нептуна стало результатом именно такого предсказания, что придало астрономии огромное уважение со стороны широкой публики. Планета Уран не всегда вела себя так, как предсказывали; два ученых Адамс и Леверье — приписали это влиянию неизвестной планеты, расположение которой они предсказали своими вычислениями. И когда они посмотрели на небо в поиске этой планеты, то обнаружили ее именно в том месте, которое предсказали своими вычислениями. В этой истории, помимо вычислений, поражает невероятность того, что можно найти планету в любом конкретном месте.

Но предсказание, сколь бы эффективным оно ни было, ни в коем случае не является решающим. Часто бывает, что две довольно разные гипотезы имеют одни и те же следствия в отношении широкого круга явлений; в таком случае и после верификации следствий мы не можем сделать выбор между этими гипотезами. С философской и логической точки зрения закон тяготения Эйнштейна весьма отличается от закона гравитации Ньютона, но их наблюдаемые следствия практически идентичны. В подобных случаях необходимо посмотреть на то, в отношении чего наблюдаемые следствия гипотез будут отличаться; если обнаруженные следствия будут соответствовать одной гипотезе и не соответствовать другой, то, возможно, выбор будет сделан в пользу первой гипотезы. Именно так и произошло со знаменитыми наблюдениями за Луной в 1919 г. Сторонники Ньютона были готовы предположить, что свет от звезд, расположенных приблизительно на той же линии, что и Солнце, может отклоняться на определенную вычисляемую величину под воздействием солнечной силы тяжести, а Эйнштейн предположил, что они должны будут отклоняться на величину в два раза бóльшую. Он оказался прав, и поэтому была принята его поправка к закону Ньютона. Однако эмпирические данные, свидетельствующие в пользу закона Эйнштейна, лишь ненамного лучше, чем те эмпирические данные, которые обычно свидетельствовали в пользу закона Ньютона, и в любой момент могут потребо-

ваться новые поправки. Это характерная черта науки: никто не ищет и никто не достигает догматической определенности.

Одной из наиболее важных и сложных проблем, возникающих в связи с методом индукции, является открытие плодотворных аналогий и связанная с этим проблема разложения сложных явлений на составляющие, с тем чтобы проанализировать их по отдельности. Плодотворная аналогия — это аналогия, относящаяся к сходству в причинах, и поэтому исследователь вынужден начинать с изучения причины. Если землетрясения происходят, потому что гневается Бог, то аналогичными явлениями являются чума, зараза, голод и кометы. Так считали в средние века. Но современному исследователю видятся совершенно иные аналогии. Я как-то читал книгу физика, который некоторое время жил в Токио и поэтому заинтересовался землетрясениями. Разработав для них математическую теорию, он применил ее к вибрациям платформ поездов, беспокоившим железнодорожные компании. Возьмем другой пример: для нас аналогия между молнией и электрическим разрядом очевидна; но в средние века считали, что если человека убила молния, то это была кара за его греховную жизнь. Современные ученые, изучающие грозы, задают себе следующий вопрос: «Каково состояние атмосферы во время грозы и без нее?» Пытаясь ответить на этот вопрос, ученый стремится воспроизвести аналогичные грозе условия у себя в лаборатории или, если это невозможно, изучает иные природные явления, похожие, как он полагает, на то, которое интересует его по своим существенным характеристикам. Только результаты его исследований могут показать, прав он был в своем предположении или нет.

Целью индуктивной логики является формулировка общих законов на основании конкретных обстоятельств. Дедуктивная логика поступает противоположным образом: она *начинает* с общих посылок и, таким образом, имеет дело с вопросом: «Как мы получили эти посылки?» Чистая математика отвечает: «Мы знаем о них, потому что это лишь словесные формулировки». Утверждение «дважды два четыре» похоже на утверждение «в ярде три фута». Мы не проверяли его с помощью наблюдения, потому что это не закон природы, а наше

собственное решение о том, как мы будем использовать эти слова. Вот почему чистая математика способна существовать, не прибегая к наблюдениям или экспериментам.

Однако вне логики и чистой математики вопрос об общих посылах не решается столь просто. Рассмотрим еще раз знаменитый силлогизм традиционной формальной логики: «Все люди смертны; Сократ человек; значит, Сократ смертен». Откуда вы знаете, что все люди смертны? Вы знаете на основании индуктивного вывода, который, как и любой индуктивный вывод, обладает лишь высокой степенью вероятности, но не является определенно истинным. Утверждение «Все люди смертны» само по себе является заключением рассуждения, посылки которого таковы: *А умер, В умер, С умер* и т. д. Поскольку все живущие сейчас люди не умерли, вы должны так сформулировать свои посылки, чтобы этот факт не сыграл против вашего заключения. Допустим, что нет статистических данных о том, что кто-либо прожил до 150 лет, поэтому вы можете сформулировать посылку: «*А, В, С... не живут до 150 лет*». Для этого утверждения нет исключений. Вы можете продолжить свое рассуждение: «Поэтому, вероятно, все люди умирают прежде, чем им исполнится 150 лет», а затем вы можете завершить дедукцию в отношении Сократа (который, как мы предположили, все еще жив). Но это глупый окружной путь. Если ваши посылки делают общее утверждение вероятным, то утверждению о Сократе они придают значительно бóльшую вероятность; поскольку если бы для этого общего утверждения существовало бы несколько редких исключений, непохоже, чтобы Сократ был именно таким редким исключением, делающим общее утверждение ложным. Лучше сказать так: «Согласно всем статистическим данным люди умирают в возрасте до 150 лет; поэтому, вероятно, то же самое произойдет и с этим конкретным человеком».

Однако это рассуждение имеет форму простого перечисления, и, как мы видели, подобные аргументы могут быть усилены с помощью открытия общих законов, делающих наш конкретный случай примером гораздо более широкого обобщения. Вместо того чтобы ограничивать свое рассуждение людьми, мы можем построить свое

рассуждение относительно всех многоклеточных животных и растений. Мы могли бы пойти и дальше, вплоть до рассмотрения причин, по которым химические компоненты изменяют свой химический состав. Это иллюстрация того, почему так важен поиск общих законов. Они придают невероятно высокую определенность, не подменяя индукцию дедукцией, но придавая более широкое основание для исходного перечисления, от которого зависят все индуктивные рассуждения.

Наиболее важное использование дедукции состоит в выводе следствий из гипотез, подлежащих проверке с помощью наблюдений или экспериментов. Если гипотеза истинна, все ее дедуктивные следствия истинны; если она ложна, то некоторые из ее следствий все равно истинны, но некоторые — ложны. Следовательно, если все следствия, которые мы смогли проверить, истинны, весьма вероятно, что гипотеза истинна или близка к истине. Вывод следствий часто связан с довольно сложными математическими процедурами; это одна из причин важности математики в открытии общих законов. Когда сформулированные законы приняты, математика важна при выводе следствий, которые принимаются как истинные. Часто бывает существенно иметь основание для принятия следствий до проведения экспериментов. Например, при строительстве железнодорожного моста мы не можем пустить по нему поезд с целью проверки его прочности. В подобных случаях мы полагаемся на общие законы, полученные с помощью индукции из предыдущих экспериментов. Есть доля вероятности того, что индукция будет ошибочна, но она гораздо меньше, чем другие, возможные в практической жизни, риски, например обман партнера по строительству моста.

Начиная с времен Пифагора и вплоть до появления современной науки в XVII в., математика ошибочно рассматривалась как способ получения знания и наиболее полезный вид логики. Полагали, что общие посылки мы узнаем с помощью интуиции, Божественного откровения или вспоминая предыдущий опыт. Если бы это действительно было так, то все, что мы знаем, можно было бы получить посредством дедукции. Аристотель все же думал иначе, поэтому он оставил

место и для индукции; а вот Фома Аквинский на самом деле считал именно так. Из этого следует, что в получении знаний наблюдения играют, конечно, подчиненную роль. Аристотель, возможно из религиозных соображений, провозгласил, что все в небесах, по крайней мере ниже Луны, нерушимо. Его утверждение сделало невозможным выработку правильной теории метеоритов и новых звезд. Ученые, получившие результаты наблюдений, показывающие, что старая теория неверна, считались плохими учеными, и приводимые ими факты игнорировались. Такое особое подчеркивание дедукции, тесно связанное с верой в самоочевидность общих принципов, было одной из причин безрезультатности в развитии науки в Средние века. Конечно, это было связано с дедуктивным по сути характером теологии и, в целом, с господством религиозного мировоззрения в то время.

Читатель уже заметил в нашем изложении частое употребление понятия «вероятность». Это характерная черта современной логики в противовес античной и средневековой логике. Современный логик понимает, что все наше знание только в большей или меньшей степени вероятно, а не достоверно, как привыкли думать философы и теологи. Он не слишком беспокоится из-за того, что индуктивный вывод придает лишь вероятность его заключению, поскольку он не ожидает ничего большего. Однако он задумается, если обнаружит причину сомневаться даже в вероятности своего заключения.

Таким образом, две проблемы получили в современной логике гораздо большую важность, чем в прежние времена. Во-первых, это природа вероятности, а во-вторых — значимость индукции. Обсудим вкратце эти проблемы.

Существует, соответственно, два вида вероятности — *определенная* и *неопределенная*. Вероятность определенного вида имеет место в математической теории вероятности, где обсуждаются задачи типа метания костей или подбрасывания монет. Она имеет место везде, где существует несколько возможностей, и ни одну из них нельзя предпочесть другой. Если вы подбрасываете монету, она должна упасть или орлом, или решкой, но и то и другое представляется равновероятным. Следовательно, шансы у орла и решки равны 50%, единица

принимается за достоверность. Сходным образом, если вы бросаете кость, она может упасть вверх любой из шести граней, и нет оснований для предпочтения одной из них, следовательно, шанс каждой равен $1/6$. Такого рода вероятность используют в своей работе страховые компании. Они не знают, какое именно здание сгорит, но знают, какой процент зданий сгорает ежегодно. Они не знают, как долго будет жить конкретный человек, но знают среднюю продолжительность жизни в данный период. Во всех подобных случаях оценка вероятности сама по себе не является просто вероятной, за исключением того смысла, в котором все знание лишь вероятно. Оценка вероятности сама по себе может обладать высокой степенью вероятности. Иначе страховые компании разорились бы.

Большие усилия были приложены для того, чтобы повысить вероятность индукции, но есть основания полагать, что все эти попытки были напрасны. Вероятность, характерная для индуктивных заключений, практически всегда носит, как я сказал выше, *неопределенный* характер. Теперь я поясню, что это такое.

Стало тривиальным утверждение, что все человеческое знание ошибочно. Очевидно то, что ошибки бывают разными. Если я скажу, что Будда жил в VI в. до Рождества Христова, вероятность ошибки будет очень велика. Если я скажу, что Цезарь был убит, вероятность ошибки будет мала. Если я скажу, что сейчас идет великая война, то вероятность ошибки столь мала, что ее наличие может допустить лишь философ или логик. Эти примеры касаются исторических событий, но сходная градация существует и в отношении научных законов. Некоторые из них имеют явный характер гипотез, которым никто не придаст более серьезного статуса в виду отсутствия эмпирических данных в их пользу, в то время как другие представляются настолько определенными, что со стороны ученых практически нет сомнений в их истинности. (Когда я говорю «истина», я имею в виду «приблизительная истина», поскольку каждый научный закон подвержен некоторым поправкам.) *Вероятность* — это нечто находящееся между тем, в чем мы уверены, и тем, что мы более или менее склонны допустить, если это слово понимать в смысле математической теории ве-

роятности. Правильнее было бы говорить о *степенях несомненности* или о *степенях надежности*. Это более широкая концепция того, что я назвал «определенной вероятностью», которая к тому же является и более важной.

Поясним это на примере. Если вы присяжный заседатель на суде об убийстве, судья скажет вам, что вы должны вынести вердикт «виновен», если у вас нет *разумного сомнения* в том, что обвиняемый совершил преступление. Если вы изучали логику, то можете спросить судью, какая степень сомнения является «разумной», но поскольку он *не* изучал логику, то он не сможет дать вам определенного ответа. Он не сможет сказать: «разумное сомнение есть тогда, когда шансы, свидетельствующие в пользу того, что человек виноват, меньше, чем 100:1», потому что невозможен подсчет этих шансов. Вы не сможете получить информацию относительно совершенно одинаковых судов в совокупности с данными о том, был ли их вердикт правильным или нет. И тем не менее, каждый судья, за некоторым исключением, обычно оглашает вердикт со значительной степенью уверенности в его правильности.

Именно это неточное понятие имеется в виду, когда говорят о том, что все наше знание подвержено сомнению. Вопрос о том, какая степень сомнения является «обоснованной», зависит от ваших целей. Там, где нет обоснованного сомнения с точки зрения юриста, оно может существовать с точки зрения философа или логика. С точки зрения логика, важно принять решение относительно *степени* вероятности различных утверждений. В результате становится возможным установить некоторое измерение соглашений. Большинство людей отдаст одно из первых мест таким утверждениям, как «дважды два четыре»; сомневаться в их истинности — почти патология. Утверждения о том, что мы испытываем в данный момент времени, такие как «Мне жарко» или «Я слышу большой шум», будучи правильно интерпретированными, также будут обладать очень высокой степенью надежности. Гораздо меньше можно доверять отголоскам памяти, но они становятся практически несомненными, будучи подтвержденными некоторым количеством других людей. Некоторые события в истории

и географии не подвергаются сомнению любым разумным человеком, например существование Наполеона в прошлом и существование в настоящем горы Эверест. Несколько менее вероятно, что Земля круглая и что планеты движутся вокруг Солнца по орбитам, которые имеют приблизительно эллиптическую форму. Говоря все это, я выступаю не как философ, а как интерпретатор точки зрения просвещенного здравого смысла.

Если вы теперь, как логик, зададите самому себе вопрос о том, какова природа ваших верных убеждений, которые действительно обоснованы, но не обоснованы теоретически, по поводу Наполеона и горы Эверест, то вы обнаружите, что в каждом случае основания являются достаточными только в том случае, если принят принцип индукции. Почему мы верим в существование Наполеона? Потому что существуют свидетельства. Почему мы верим в свидетельства? Потому что мы считаем невозможным, чтобы некоторое количество людей независимо друг от друга придумали одну и ту же историю. Почему? Потому что по опыту мы знаем, что лжецы обычно говорят разные вещи, если только они не сговорились заранее. В конце концов, мы должны прийти к тому, что мы используем известный опыт в качестве основания для построения выводов относительно неизвестного, и такого рода выводы справедливы только в том случае, если справедлива индукция.

Лаплас полагал, что вероятность, присущая индуктивному выводу, является *определенной* и допускает числовое измерение. Он выработал принцип, согласно которому если вы пришли в уэльскую деревню и спросили первого попавшегося мужчину, как его зовут, а он ответил: «Уильям», то шансы 2:1, что следующего мужчину, которого вы встретите, будут тоже звать Уильям. Если и второго звали Уильям, то шансы для следующего мужчины будут 3:1 и т. д.; если первые 100 мужчин имели имя «Уильям», шансы для 101-го равны 101:1. Если бы этот принцип был справедлив, то индуктивные выводы в науке, особенно собранные с помощью законов в один большой индуктивный вывод, имели бы такие огромные шансы в свою пользу, что ни один человек даже и не подумал бы доказывать их ложность.

Однако, к сожалению, рассуждение Лапласа было сопряжено с ошибками и в целом было отвергнуто. Мы не можем так легко, если это вообще возможно, получить количественную оценку вероятности индуктивных выводов.

Юм, позволивший себе скепсис в отношении ко всему, бросил тень сомнения и на индуктивный принцип. С тех пор логики много писали о самой проблеме, но так и не предложили ее решения. Для этого, в целом, есть три возможности. Во-первых, принцип может быть демонстративным. Во-вторых, он может быть принят, если не как демонстративный, то как самоочевидный. В-третьих, его можно отвергнуть как просто привычку животных, неспособных к рациональному оправданию. Для всех трех возможностей существуют возражения.

Попытки доказать принцип, подобный принципу Лапласа, потерпели неудачу. И для любого человека, привыкшего делать дедуктивные выводы из определенных посылок, должно казаться невозможным, что доказательство может быть получено иным способом, кроме как предположением какого-либо другого принципа, например закона, который как раз и существует для нужд доказательства. Хотя мы не можем догматически заявить, что доказательство никогда не будет найдено, возможность этого нахождения чрезвычайно мала.

Можем ли мы сказать, что принцип является «самоочевидным»? Прежде всего, неясно, что мы имеем в виду под этим понятием. Можно сказать, что нечто является самоочевидным, когда вы не можете не верить этому; но в этом случае самоочевидное может быть ложным. Считалось самоочевидным фактом, что в районах полюсов не могут жить люди, потому что они упали бы с Земли. Мы можем усилить определение «самоочевидности», сказав, что нечто является «самоочевидным», если никто в этом не сомневается, какие усилия бы он к этому ни приложил. Если мы принимаем это определение, то должны сказать, что принцип индукции не является самоочевидным, потому что Юм преуспел в доказательстве его сомнительности. Есть довод в пользу индуктивных выводов, состоящий в том, что индуктивное заключение предстает само по себе как несомненное с точки зрения здравого смысла, несмотря на то, что, будучи сформулирован-

ным, индуктивное рассуждение вызывает сомнения. Вернемся к вопросу, рассмотренному выше: опыт поедания яблок приводит вас к уверенности в том, что *конкретное* яблоко, которое вы хотите съесть, будет иметь вкус яблока, а не бифштекса. Логик, занимающийся индукцией, попытается преобразовать эту уверенность в рассуждение: «Поскольку все предыдущие яблоки имели вкус яблока, то и это яблоко будет иметь вкус яблока». Но на самом деле вы могли и не думать о предыдущих яблоках. Ваша уверенность относится к *конкретному* яблоку и имеет причину в вашей психологии, а не в вашем мышлении. Пытаясь найти основания вашей уверенности, логик, с другой стороны, пытается ее ослабить; он говорит вам, что это лишь *вероятность*, что ваше яблоко будет иметь вкус яблока, а не бифштекса. В этот момент вы можете воскликнуть: «Долой логиков! Они только пытаются меня запутать относительно всем хорошо известных вещей». Но то, что каждый знает или думает, что знает, представляет собой *заклучения* индукций, а не их связь с посылками. В индуктивном рассуждении скорее тело, а не сознание устанавливает связь посылок и заключения. Таким образом, попытки рассматривать сам индуктивный принцип как самоочевидный потерпели неудачу.

Должны ли мы тогда согласиться со скептиком и воскликнуть: «Долой индукцию! Это суеверие, и я не буду иметь с ней дело»? Скептик может отвергнуть большинство возражений, которые вы были бы склонны выдвинуть против него. Вы скажете: «Хорошо, но по крайней мере вы должны допустить то, что индукция работает». — «Вы имеете в виду *работала*», — ответит скептик, поскольку именно индукция сама по себе убеждает нас в том, что то, что работало, будет работать. Возможно, завтра камни станут хлебами, а хлеб — ядом, солнце станет холодным, а луна — горячей. Причина нашего неверия в эти возможности заключается в наших животных привычках; однако и они равным образом могут измениться, и мы внезапно начнем ожидать совершенно противоположного тому, что ожидаем сегодня.

В ответ на это рассуждение профессор Рейхенбах, являющийся большим авторитетом по проблеме вероятности, предложил, грубо

говоря, следующее: если индукция общезначима, то наука возможна; если — нет, то наука также невозможна, поскольку не существует другого мыслимого принципа, который мог бы занять ее место. Следовательно, вы поступаете правильно, если действуете на основании предположения, что индукция обоснованна, поскольку в противном случае у вас нет оснований делать одно скорее, чем другое. Этот ответ не ошибочен, но я бы не сказал, что он меня удовлетворяет. Я надеюсь и более или менее верю в то, что со временем будет найден лучший ответ. Если вы, читатель, станете логиком, возможно, именно вы найдете этот лучший ответ.

Не знаю, стала ли очевидной полезность логики в ходе моей лекции, но если нет, то я хотел бы закончить, сказав по этому поводу несколько слов.

Все мы постоянно делаем или принимаем различные выводы, и многие из них, сколь бы убедительными на первый взгляд ни казались, в действительности оказываются необоснованными. Когда мы действуем в соответствии с необоснованными выводами, мы не достигаем поставленных целей. В политике и экономике большинство рассуждений ошибочны. В XVI в. Испания была разрушена, потому что согласилась с рассуждением, доказывающим, что золото должно накапливаться. Я не буду добавлять более поздние примеры, чтобы не вовлечься в политические передраги. Тем не менее, скажу следующее: в конце этой войны восстановление потребует гораздо более ясного и четкого мышления, и широко распространенные человеческие ошибки будут огромной преградой на пути установления желаемых принципов управления государством. Наука, которая сегодня более, чем политика, подчинена логике, достигла больших успехов; если сходных успехов достигнут и другие области социальной жизни, станет необходимым, чтобы люди научились мыслить логически и не были рабами предубеждений или страстей. Возможно, эта надежда утопична; возможно, однако, что уроки приобретенного опыта смогут ослабить влияние иррациональных верований, заполонивших современный мир.

ИСКУССТВО ВЫЧИСЛЕНИЯ

Мы живем в цивилизации техники, о которой большинство из нас имеет малое представление. Почему загорается электрический свет, когда мы нажимаем на включатель? Почему холодно в холодильнике? Как летчик с самолета берет на мушку цель на земле? Что позволяет астрономам предсказывать затмения? На основании каких принципов страховые компании решают, выплачивать или нет страховку? Это, безусловно, практические вопросы, и если бы кто-то не знал на них ответы, то мы не могли бы наслаждаться теми удобствами, которыми имеем обыкновение гордиться. Людей, знающих ответы, действительно немного. Обычно именно они придумывают правило или машину, которая позволяет всем другим людям управлять ею, обладая лишь некоторыми знаниями; практикующий электрик не должен знать теорию электричества, несмотря на то, что это необходимо для изобретений, с которыми он знает, как нужно обращаться. Если вы хотите быть способными ответить на подобные ежедневные вопросы, то должны выучить много вещей, и самая необходимая из них — это математика.

Некоторые люди все равно будут ненавидеть математику, как бы хорошо они ее ни выучили. Они не должны пытаться стать математи-

ками, а их учителя могут перестать заниматься с ними после того, как они доказали свою неспособность уже при изучении начального курса. Но если преподавать математику правильно, то ненавидеть ее будет гораздо меньше людей, чем сегодня.

Существуют разные пути, которыми можно прививать любовь к математике. Один из методов был интуитивно использован отцом Галилея, который сам был математиком, но не смог зарабатывать на жизнь с помощью своей профессии. Он решил, что его сын должен уметь делать нечто более выгодное и прибыльное, и с этой целью с самого детства скрывал от него само существование математики. Но однажды, согласно преданию, юноша 18 лет отроду услышал лекцию по геометрии, которую читал профессор в соседней аудитории. Он был восхищен и в течение очень короткого времени стал одним из ведущих математиков того времени. Однако я сомневаюсь, чтобы этот метод был принят к использованию государственными чиновниками в области образования. Думаю, что есть и другие, более пригодные для успешного широкого применения, методы обучения математике.

На начальном этапе всякое обучение математике должно начинаться с практических проблем; это должны быть легкие проблемы, которые могли бы заинтересовать ребенка. В моей юности (возможно, ничего в этом плане и не изменилось с тех пор) предлагали решать такие проблемы, что никто в принципе не *пожелал* бы их решать. Например: A, B, C едут из X в Y . A пешком, B — на лошади, C — на велосипеде. A всегда засыпает в нечетные моменты времени, у B захромала лошадь, а у велосипеда C лопнула шина. A понадобилось бы в два раза больше времени, чем понадобилось бы B , если бы у него не захромала лошадь, а C приехал бы на полчаса позже A , если бы тот не заснул и т. д. Даже наиболее ревностным студентам наскучили подобные задачи.

Самый лучший способ в преподавании математики — это экскурс в раннюю историю математики. Этот предмет был изобретен потому, что существовали практические проблемы, которые люди на самом деле *хотели* решить — из-за любопытства или по неотложным практическим причинам. Греки рассказывали бесконечные истории о по-

добных проблемах, и умные люди находили им решение. Несомненно, часто эти истории были выдумкой, но это не имеет значения, если они используются в качестве иллюстрации. Я напомню некоторые из них, не ручаясь за их историческую точность.

Основателем греческой математики и философии был Фалес, молодой человек, живший в 600 г. до н. э. Путешествуя, он посетил Египет, и египетский фараон спросил его, может ли он определить высоту пирамиды Хеопса. Фалес в определенный момент времени измерил длину тени от пирамиды и свою собственную тень. Очевидно, что соотношение его роста к длине его тени было то же самое, что и соотношение высоты пирамиды к длине отбрасываемой ею тени, поэтому ответ был найден посредством решения уравнения с одним неизвестным. Затем фараон спросил Фалеса, может ли он определить расстояние до корабля, находящегося в море, оставаясь на суше. Это более сложная задача, и трудно дать ей какое-то общее решение, хотя, судя по легенде, Фалесу это удалось. В принципе нужно наблюдать направление движения корабля с двух точек на суше, расстояние между которыми известно; чем дальше будет корабль, тем меньше разница между этими двумя направлениями движения. Полный ответ требует использования тригонометрии, которая была изобретена много сотен лет спустя. Однако в конкретных случаях можно легко найти ответ. Предположим, например, что берег простирается с востока на запад, корабль находится на севере в определенной точке A от берега и на северо-западе в определенной точке B . Тогда расстояние от A до корабля равно расстоянию от A до B , в чем читатель может легко убедиться, начертив соответствующую фигуру. Предположим, на корабле находятся вражеские силы, а египетские войска вышли на берег отразить их удар. В такой ситуации знание расстояния, на котором находится корабль от берега, будет весьма полезным.

Настоящая математика начинается с достижения, известного как теорема Пифагора. Египтяне сделали некоторые первые шаги в геометрии для того, чтобы, как говорят, измерять рисовые поля после наводнений. Они заметили, что треугольник, стороны которого соответственно 3, 4 и 5 единиц длины, имеет прямой угол. Пифагор (или

какой-то его ученик) отметил интересный факт в отношении этого треугольника. Если вы построите квадраты на сторонах этого треугольника, один из них будет иметь 9 квадратных единиц, другой 16, а третий — 25, а $9 + 16 = 25$. Пифагор (или его ученик) обобщил этот факт и доказал, что в любом прямоугольном треугольнике квадраты коротких сторон в сумме равны квадрату длинной стороны. Это было наиболее важное открытие, воодушевившее греков на создание науки геометрии, что они и сделали с изумительным мастерством.

Но помимо этого открытия возникло и беспокойство, которое тревожило как греков, так и современных математиков и было полностью устранено лишь совсем недавно. Предположим, дан прямоугольный треугольник, в котором катеты имеют длину один дюйм; в таком случае какую длину будет иметь третья сторона? Квадрат каждого катета равен одному квадратному дюйму, следовательно квадрат гипотенузы будет равен двум квадратным дюймам. Значит длина гипотенузы должна измеряться таким числом, чтобы квадрат этого числа был равен 2. Это число называется «квадратный корень из 2». Греки вскоре сделали открытие, что такого числа нет. Вы сами можете легко в этом убедиться. Это число не может быть целым, поскольку 1 для него слишком мала, а 2 — слишком велика. А если вы умножите дробь на дробь, то вы получите другую дробь, но не целое число; поэтому ни одна дробь, помноженная на самое себя, не даст вам 2. Значит, квадратный корень из двух не является ни целым числом, ни дробью. Чем это может быть еще, оставалось тайной, но математики продолжали с надеждой использовать этот пример, говорить о нем, ожидая, что однажды они поймут, о чем они говорят. И в конце концов эти надежды оправдались.

Сходная проблема возникла с тем, что называется «кубический корень из 2». Иными словами, с числом x таким, что x , помноженное на x , помноженное на x равно 2. Некий город, согласно легенде, страдал от разного рода напастей и, наконец, послал гонца к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать причину этих несчастий. Бог сообщил, что его статуя в посвященном ему храме в этом городе слишком мала, и он хочет, чтобы статуя была в два раза больше. Жители поспешили вы-

полнить пожелание Господа и сначала решили сделать статую в два раза выше, чем прежняя. Но потом они поняли, что она должна быть также в два раза шире и толще, на что понадобится в восемь раз больше материала, значит на самом деле статуя будет в восемь раз больше. Но это больше, чем приказал оракул, и большая трата денег. Насколько тогда должна быть шире старой новая статуя, если в целом она должна быть в два раза больше? Жители послали гонца к Платону узнать, может ли кто-нибудь из его школы помочь им найти ответ. Платон сформулировал проблему для математиков. Однако лишь несколько столетий спустя они сделали вывод, что данная проблема неразрешима. Конечно, можно найти приблизительное решение, но так же, как и в случае с квадратным корнем из двух, ни одна из дробей не дает точного ответа. Несмотря на то, что проблема не была решена, в поисках ее решения было проделано много полезной работы.

Оставим античность и обратимся к современности, к проблемам, стоящим перед страховыми компаниями. Предположим, вы хотите застраховать свою жизнь с тем, чтобы ваша вдова получила 1000 долларов после вашей смерти. Сколько вы должны платить каждый год? Предположим, что вы в таком возрасте, что среднестатистический мужчина живет еще 20 лет. Если вы платите 50 долларов в год, то в течение 20 лет вы заплатите 1000 долларов, и, на первый взгляд, вы сочтете правильным то, что страховая компания назначит вам ежегодный взнос в 50 долларов. На самом деле это будет слишком высокий взнос, поскольку существует еще процентный доход. Предположим, вы прожили еще 20 лет, ваши первые 50 долларов страховая компания инвестировала в какое-либо дело и получила прибыль; прибыль также была инвестирована, и т. д.; вы можете подсчитать, сколько прибыли принесут ваши 50 долларов за 20 лет постоянного инвестирования. Подсчитайте, что следующие 50 долларов будут инвестироваться в течение 19 лет и тоже принесут прибыль, и т. д. Таким образом, ваши взносы в течение 20 лет принесут страховой компании гораздо больше, чем 1000 долларов. Действительно, если страховая компания получает 4% прибыли со своих инвестиций, ваши ежегодные взносы в 50 долларов принесут ей в течение 20 лет 1500 долларов.

Сделав подобные расчеты, вы узнаете, как нужно делать расчеты в так называемых «геометрических прогрессиях».

«Геометрическая прогрессия» — это ряды чисел, в которых каждое число, кроме первого, является кратным предыдущему. Например, 1, 2, 4, 8, 16, ... — это геометрическая прогрессия, в которой каждое число является удвоением предыдущего; 1, 3, 9, 27, 81, ... — это геометрическая прогрессия, в которой каждое число является утроением предыдущего; 1, 1/2, 1/4, 1/8, 1/16, ... — это прогрессия, в которой каждое число является половиной предыдущего, и т. д.

Вернемся теперь к нашему доллару, инвестированному исходя из 4% годовых. В конце года это будет 1,04 доллара. В конце второго года у вас будет 1,04 доллара плюс 4% от этой суммы; это 1,04 раза по 1,04, т. е. $(1,04)^2$. В конце третьего года это будет $(1,04)^3$ и т. д. Таким образом, если вы будете платить каждый год по одному доллару в течение 20 лет, то к концу этих 20 лет то, что вы заплатили, станет $(1,04)^{20} + (1,04)^{19} + \dots + (1,04)^2 + 1,04$, что представляет собой геометрическую прогрессию.

Древние греки проявляли большой интерес к геометрическим прогрессиям, особенно к прогрессиям, уходящим в бесконечность. Например, $1/2 + 1/4 + 1/8 + 1/16 + \dots$ в сумме никогда не дадут 1. Так же обстоит дело и с периодическими десятичными дробями .9999... Все это создает множество загадок, на решение которых уходит очень много времени.

Античная геометрия занималась не только линиями и кругами, но также и «коническими сечениями», которые представляют собой разного рода кривые линии — сочетания плоскости и конуса; иначе их можно определить, как всевозможные формы теней, отбрасываемых кругом на стену. Греки изучали их удовольствия ради, а не для практического использования, которое они презирали. Однако 2000 лет спустя, в XVII в., эти исследования вдруг приобрели огромное практическое значение. Развитие артиллерии показало людям, что если вы хотите попасть в удаленный объект, то должны целиться не прямо в этот объект, а немного выше него. Никто не знал точную траекторию пушечного ядра, но военное командование стремилось это уз-

нать. Галилей, служивший у герцога Тосканского, нашел ответ: пушечные ядра движутся по параболе, представляющей особую разновидность конических сечений. Примерно в то же самое время сделал свое открытие и Кеплер: траекторией движения планет вокруг Солнца является эллипс — другая разновидность конических сечений. Таким образом, все знания, полученные раньше при изучении конических сечений, стали использоваться в военном деле, навигации и астрономии.

Чуть выше я сказал, что конические сечения — это тени кругов. Если у вас есть лампа с круглым отверстием, то вы сами для себя можете сделать различного рода конические сечения. Тень отверстия лампы на потолке (если только он не кривой) будет кругом, а вот его тень на стене будет гиперболой. Если вы возьмете кусок бумаги и подержите над отверстием лампы, то, если вы держите бумагу не точно в горизонтальном положении, тенью будет эллипс; если вы наклоните бумагу еще больше, эллипс станет длиннее и тоньше; первая тень, не являющаяся эллипсом, если вы наклоните бумагу еще больше, будет параболой; а после этого она станет гиперболой. Капли в фонтане падают вниз по параболе, так же, как и камни, падающие с утеса.

С математической точки зрения, как каждый может заметить, эффект теней тот же самый, что у перспективы. Изучение свойств, общих у фигуры со всевозможными тенями, называется «проективной» геометрией. Несмотря на то, что эта разновидность геометрии значительно легче той, которой занимались греки, она была открыта гораздо позже. Одним из первых это сделал Паскаль, к сожалению, решивший, что религиозные медитации важнее математики.

Я до сих пор ничего не говорил об алгебре, которая зародилась во времена поздних александрийских греков, но в целом была разработана сначала арабами, а потом учеными в XVI и XVII вв. Алгебра кажется более сложной, чем геометрия, потому что геометрия имеет дело с конкретными видимыми фигурами, в то время как x и y в алгебре — совершенно абстрактные сущности. Но алгебра всего лишь обобщенная арифметика: когда существует некоторое суждение, истинное в отношении *любого* числа, то пустой тратой времени будет

доказательство истинности этого суждения относительно каждого конкретного числа, поэтому мы говорим «пусть x будет любым числом» и продолжаем наше рассуждение. Предположим, например, вы заметили, что $1 + 3 = 4$, что есть 2^2 ; $1 + 3 + 5 = 9$, что есть 3^2 ; $1 + 3 + 5 + 7 = 16$, что есть 4^2 . Удивившись, вы захотите предположить, не является ли это общим правилом. В этом случае вам нужна алгебра, чтобы выразить все эти конкретные примеры в одном простом вопросе, который вы зададите самому себе: «Всегда ли сумма первых n нечетных чисел равна n^2 ?» Когда вы сможете понять этот вопрос, то легко найдете доказательство тому, что ответом будет *да*. Если вы не используете букву n , то вынуждены будете использовать очень сложный язык. Вы можете сказать: «Если сложить любое количество нечетных чисел, начиная с 1 и не считая 0, то сумма будет равна квадрату числа сложенных нечетных чисел». Это суждение гораздо труднее понять. Когда же вы сформулируете более сложные вопросы, то вскоре станет практически невозможно понимать их, не используя буквы вместо фразы «любое число».

Даже проблемы, сформулированные относительно конкретных чисел, часто гораздо легче решать, используя вместо числа букву x . В юности я долго ломал голову над следующей загадкой: «Если рыба весит 5 фунтов и половину своего собственного веса, то сколько она весит?». Многие склонны ответить 7,5 фунтов. Если вы начнете рассуждение с «пусть x — вес рыбы» и продолжите «5 фунтов плюс половина x равно x », то очевидно, что 5 фунтов — это половина x , следовательно x равно 10 фунтам. Но эта проблема слишком проста, чтобы решать ее с помощью « x ». Возьмем немногим более сложную задачу. Полиция преследует преступника по определенному шоссе, который выехал 10 минут назад; полицейская машина может ехать со скоростью 70 миль в час, а машина преступника только со скоростью 60 миль в час. Сколько времени потребуется полиции чтобы поймать преступника? Ответ, конечно, 1 час. Это «ясно» любому человеку; но если я скажу, что преступник выехал 7 минут назад, его машина может ехать со скоростью 53 мили в час, а полицейская машина со скоростью 67 миль в час, то вы сочтете более удобным начать свое рас-

суждение таким образом: пусть t — время, необходимое для того, чтобы поймать преступника. Для мальчика или девочки, начинающих изучать алгебру, трудно привыкнуть к алгебраическому использованию букв. Лучше сначала показать ученикам огромное количество конкретных примеров общих формул. Например:

$$11 \times 11 = 10 \times 10 + 10 \times 2 + 1;$$

$$12 \times 12 = 11 \times 11 + 11 \times 2 + 1;$$

$$13 \times 13 = 12 \times 12 + 12 \times 2 + 1 \text{ и т. д.};$$

и в конце концов становится легко понять, что

$$n \text{ плюс } 1 \times n \text{ плюс } 1 \text{ — это } n \times n \text{ плюс } n \times 2 \text{ плюс } 1.$$

На ранних этапах преподавания алгебры этот процесс нужно повторять с каждой новой формулой.

Одна из необычных черт математики состоит в том, что несмотря на свою огромную практическую полезность, во многих деталях она предстает скорее легкомысленной игрой. Никто не сможет преуспеть в математике, если он не умеет наслаждаться игрой ради самой игры. Любая профессиональная работа выполняется хорошо только теми людьми, кто испытывает удовольствие от этой работы, не говоря о том, что эта деятельность помогает им зарабатывать на жизнь, а ее результат имеет ценность для всего мира. Никто не сможет стать хорошим математиком *только* для того, чтобы зарабатывать на жизнь, или *только* для того, чтобы стать полезным гражданином; он должен также получать своего рода удовлетворение от математики, как другие люди получают от решения шахматной задачи или задачи построения мостов. Приведу несколько примеров. Если они вас позабавят, то было бы лучше для вас посвятить некоторое время занятиям математикой; если нет, то — нет.

Помню, что в детстве я с огромным удовольствием открыл для себя формулу суммы того, что называется «арифметической прогрессией». Арифметическая прогрессия — это ряды чисел, в которых каждый член, кроме первого, больше (или меньше), чем предыдущее на определенную величину. Эта определенная величина называется «разность». Ряд 1, 3, 5, 7, ... представляет собой арифметическую про-

грессию, в которой разность равна 2. Ряд 2, 5, 8, 11, ... — арифметическая прогрессия, в которой разность равна 3. Теперь предположим, что у вас есть арифметическая прогрессия, состоящая из конечного количества членов, и вы хотите знать сумму всех членов этой прогрессии. Как это сделать?

Рассмотрим не очень сложный пример: ряд 4, 8, 12, 16, ... 96, т. е. все числа, меньше 100, делятся на 4. Если вы хотите узнать сумму этих чисел, то вы можете это сделать, сложив все их по порядку. Но можно избежать этой работы с помощью небольшого наблюдения. Первое число — 4, последнее — 96; их сумма равна 100. Второе число 8, предпоследнее — 92; их сумма тоже 100. Становится очевидным, что вы можете разбить числа на пары, и каждая пара в сумме даст 100. В ряду 24 числа, следовательно 12 пар чисел, следовательно сумма всех чисел этого ряда равна 1200. Исходя из этого примера, можно предположить общее правило: чтобы найти сумму арифметической прогрессии, нужно сложить первое и последнее число, а затем умножить на $1/2$ количества всех членов прогрессии. Вы можете легко убедиться, что это верно не только для четных чисел, как в приведенном выше примере, но и для нечетных чисел.

Можно также предложить и новую формулировку этой формулы для того случая, если нам неизвестно последнее число прогрессии, а известно только первое число, количество членов и разность. Рассмотрим пример. Предположим, что первое число — 5, разность — 3, и количество членов 21. Тогда последнее число равно $5 + (20 \times 3)$, т. е. 65. Таким образом, сумма первого и последнего членов равна 70, сумма прогрессии равна $1/2$ от 70, умноженной на количество членов прогрессии, т. е. $70/2 \times 21$. Это 35×21 , т. е. 735. Общее правило таково: прибавь квадрат первого члена к разности, умноженной на количество членов прогрессии минус 1, а затем умножь все это на $1/2$ количества членов прогрессии. Это то же самое правило, которому выше была дана иная формулировка.

Рассмотрим теперь другую проблему. Предположим, у вас есть некоторое количество цистерн, каждая из которых представляет собой идеальный куб, т. е. длина, высота и ширина этого куба равны. Пред-

положим, что измерения первой цистерны равны 1 футу, второй — 2 футам, третьей — 3 футам и т. д. Вы хотите узнать, какое количество кубических футов бензина поместится во все эти цистерны. В первую поместится 1 кубический фут, во вторую — 8, в третью — 27, в четвертую — 64, в пятую — 125, в шестую — 216, и т. д. Таким образом, то, что вы хотите знать, представляет собой сумму кубов стольких-то чисел. Вы заметили, что

$$1 \& 8 = 9, \text{ т. е. } 3 \times 3, \text{ а } 3 \text{ — это } 1/2 \text{ от } 2 \times 3$$

$$1 \& 8 \& 27 = 36, \text{ т. е. } 6 \times 6, \text{ а } 6 \text{ — это } 1/2 \text{ от } 3 \times 4$$

$$1 \& 8 \& 27 \& 64 = 100, \text{ т. е. } 10 \times 10, \text{ а } 10 \text{ — это } 1/2 \text{ от } 4 \times 5$$

$$1 \& 8 \& 27 \& 64 \& 125 = 225, \text{ т. е. } 15 \times 15, \text{ а } 15 \text{ — это } 1/2 \text{ от } 5 \times 6$$

$$1 \& 8 \& 27 \& 64 \& 125 \& 216 = 441, \text{ т. е. } 21 \times 21, \text{ а } 21 \text{ — это } 1/2 \text{ от } 6 \times 7$$

На основании этого примера можно вывести правило для суммы кубов стольких-то целых чисел. Правило таково: умножь число рассматриваемых целых чисел на число, которое больше его на единицу, полученный результат подели пополам, а полученное число возведи в квадрат. Вы легко сможете убедиться в том, что эта формула верна с помощью так называемой «математической индукции». Это значит: нужно предположить, что ваша формула верна для определенного числа, и доказать, что в этом случае она верна и для следующего числа. Докажем, что наша формула верна для 1. Следовательно, она верна для 2, и для 3, и т. д. Это весьма эффективный метод, с помощью которого были доказаны большинство свойств целых чисел. И часто, как и в приведенном выше примере, это позволяет вам сформулировать предположение в виде теоремы.

Рассмотрим другой вид задач, а именно задач «комбинаций и перестановок». Довольно часто они приобретают значимость, но мы начнем с простых примеров. Предположим, хозяйка хочет организовать вечер с ужином, на который она хотела бы пригласить 20 человек, но одновременно она может пригласить только 10. Каковы же варианты выбора? Очевидно, что существует 20 вариантов выбора первого гостя; когда он выбран, остается 19 вариантов выбрать второго и т. д. Когда выбрано 9 гостей, остается 11 вариантов, следова-

тельно, последний гость может быть выбран, исходя из 11-ти вариантов. Итак, полное число вариантов равно

$$20 \times 19 \times 18 \times 17 \times 16 \times 15 \times 14 \times 13 \times 12 \times 11.$$

Это довольно большое число; просто удивительно, почему хозяйки не путаются. Мы можем упростить ответ, используя так называемые «факториалы».

Факториал 2 обозначает произведение всех чисел до 2, т. е. 2;

Факториал 3 обозначает произведение всех чисел до 3, т. е. 6;

Факториал 4 обозначает произведение всех чисел до 4, т. е. 24;

Факториал 5 обозначает произведение всех чисел до 5, т. е. 120;

и т. д.

Сейчас число вариантов выбора в нашем примере представлено факториалом 20, разделенным на факториал 10. Это задача и называется задачей «комбинаций». Общее правило таково, что число способов, которыми вы можете выбрать m вещей из n вещей ($n > m$), равно факториалу n , разделенному на факториал m .

Теперь рассмотрим «перестановки», где главная проблема заключается не в выборе вещей, а в их организации. Предположим, наша хозяйка выбрала 10 своих гостей и думает о том, как их посадить за столом. Она и ее муж сядут, как всегда, по бокам стола, а гости — на остальные 10 мест вокруг стола. Таким образом, для первого гостя существует 10 вариантов, для второго — 9 и т. д.; сумма вариантов равна факториалу 10, т. е. 3 628 800. К счастью, социальные правила, например, посадить мужчин напротив женщин или посадить мужей отдельно от жен, уменьшают варианты до 4 или 5.

Рассмотрим еще одну задачу в разделе «комбинации». Предположим, у вас есть некоторое количество предметов, и вы можете выбрать те, что вам нравятся — все или не одного. Сколько же у вас вариантов выбора?

Если у вас есть один предмет A , то у вас 2 варианта выбора — A или ничего.

Если у вас есть два предмета A и B , то у вас 4 варианта — A и B , или A , или B , или ничего.

Если у вас есть три предмета A , B и C , то у вас 8 вариантов выбора: A , B и C , A и B , A и C , B и C , A , B , C или ничего.

Если у вас есть четыре предмета, то у вас 16 вариантов выбора. Общее правило таково, что число вариантов выбора равно 2, умноженному на себя столько раз, сколько предметов. Это, на самом деле, очевидно, потому что у вас есть два варианта по отношению к каждому предмету, а именно выбрать его или не выбрать, и когда вы сделали свой выбор по отношению к одному предмету, у вас остается полная свобода в отношении других.

Задачи комбинаций и перестановок имеют огромные возможности применения. Одна из них — это теория наследственности Менделя. Первые биологи, возродившие работы Менделя, практически не знали математики, но они обнаружили определенные соотношения чисел, постоянно фигурировавшие в опытах. Один из них рассказал об этом другу—математику, который сразу отметил, что соотношения этих чисел соответствуют некоторым соотношениям чисел, фигурирующим в теории комбинаций, и когда это было подмечено, то сразу стала видна и причина. Сегодня в теории Менделя широко используется математика. Возьмите, например, такую задачу: если определенная рецессивная характеристика дает вам преимущество в борьбе за существование, то будет ли она стремиться стать доминантной в популяции, в которой она появляется лишь изредка? А если это так, то сколько потребуется времени для того, чтобы определенный процент популяции приобрел эту характеристику, если мы знаем, какой процент популяции обладает этой характеристикой сегодня? Подобные проблемы часто имеют большое практическое значение, например, по отношению к распространению слабоумия или других психических дефектов.

Большая заслуга современной, по сравнению с античной, математики заключается в том, что она может оперировать с постоянными изменениями. Единственный вид движения, с которым могла оперировать античная или средневековая математика, было равномерное движение по прямой линии или по кругу. Аристотель говорил, что для земных тел «естественно» движение по прямым линиям, а для

небесных тел — по кругу; эта точка зрения сохранялась вплоть до Кеплера и Галилея, показавших, что она не соответствует фактам. Техническим инструментом для оперирования с постоянным изменением является дифференциальное и интегральное исчисления, изобретенные независимо друг от друга Ньютоном и Лейбницем.

Использование вычислений можно проиллюстрировать, рассмотрев, что имеется в виду под понятием «скорость». Предположим, что вы сели в поезд, который с опозданием вышел с одной станции и все еще набирает скорость, и вы хотите знать, с какой скоростью он движется в настоящий момент времени. Предположим далее, что вы знаете, на каком расстоянии расположены телеграфные столбы, и можете подсчитать расстояние, которое прошел поезд за определенное время. Допустим, вы обнаружили, что за секунду, истекшую с того момента времени, когда вы захотели узнать скорость поезда, он прошел 44 фута. 44 фут/с — это 30 миль/ч, поэтому вы можете сказать, что «за час мы проезжаем 30 миль». Но несмотря на то, что вы подсчитали среднюю скорость за секунду, эта скорость не равна той скорости, с которой поезд шел в самом начале этой секунды, потому что он ускорялся и к концу второй секунды шел уже с большей скоростью. Если бы у вас была возможность делать достаточно точные измерения, то вы обнаружили бы, что в первую четверть секунды скорость поезда была 10 футов, а не 11. Следовательно скорость поезда в начале секунды была скорее 40 футов, а не 44. Но 40 фут/с — это все равно слишком много, потому что даже за эту четверть секунды произошло *некоторое* ускорение. Если бы у вас была возможность измерять точно малые отрезки времени и расстояния, то чем короче были бы эти отрезки времени, тем более точны вы были бы в своих расчетах. Однако вы никогда не будете *совершенно* точны.

Что же тогда понимается под скоростью поезда в настоящий момент времени? Ответ на этот вопрос можно дать лишь с помощью дифференциального исчисления. Вы составляете математический ряд все более и более точных аппроксимаций измерений скорости поезда за все более и более короткие промежутки времени. Если вы берете одну секунду, то приблизительное измерение скорости поезда равно 44

футам; если вы берете четверть секунды, то — 40 футам. Предположим, что на железнодорожных станциях стоят люди с секундомерами; они подсчитали, что за десятую долю секунды скорость поезда была 39,2 фут/с; за двенадцатую долю секунды — 39,1 и т. д. Вообразим невозможную точность измерения и наблюдения и предположим, что наблюдатель подсчитал, что скорость поезда всегда несколько выше 39, но никогда не превышает любое число, большее чем 39. В таком случае 39 называют «пределом» ряда чисел, и мы говорим, что 39 фут/с — это скорость поезда в настоящий момент времени. Это *определение* скорости в момент времени.

«Дифференциальное исчисление» — математический инструмент, с помощью которого, зная расположение тела в каждый момент времени, можно измерить его скорость в каждый момент времени. «Интегральное исчисление» имеет дело с противоположной задачей: зная направление и скорость движения тела в каждый момент времени, можно вычислить, где оно будет в каждый момент времени, исходя из первоначальной точки движения. Обе разновидности исчисления называются «исчислением».

Простым примером задач, решаемых с помощью интегрального исчисления, является так называемая «кривая погони». Фермер и его собака находятся на квадратном поле, углы которого A, B, C, D . В первом варианте собака находится в точке A , а фермер — в точке B . Фермер движется к точке C и видит, что собака с постоянной скоростью бежит к тому месту, в котором в данный момент времени находится ее хозяин. По какой кривой движется собака?

Более показательным примером является движение планет. Посредством наблюдения Кеплер доказал, что траекторией движения планет вокруг Солнца является эллипс, и открыл взаимосвязь расстояния планеты до Солнца и времени, в течение которого эта планета совершает полный оборот вокруг Солнца. Это открытие позволило Ньютону с помощью дифференциального исчисления определять скорость движения планеты в любой точке ее траектории; эта скорость непостоянна — она увеличивается по мере приближения планеты к Солнцу. Затем, еще раз использовав дифференциальное исчисление,

Ньютон смог определить ускорение планеты в каждый момент времени, т. е. изменение ее скорости и по величине, и по направлению. Он обнаружил, что любая планета в любой момент времени обладает ускорением в направлении Солнца, которое обратно пропорционально квадрату ее расстояния до Солнца.

Затем с помощью интегрального исчисления Ньютон проанализировал другую задачу: если в любой момент времени тело обладает ускорением в направлении Солнца, которое обратно пропорционально квадрату его расстояния до Солнца, то по какой траектории оно будет двигаться? Ньютон доказал, что тело за равные промежутки времени будет покрывать равные по площади конические сечения. Наблюдение показало, что для планет и некоторых комет этим коническим сечением является эллипс; для некоторых других комет траекторией может быть гипербола. Это дополнение стало завершающим этапом в доказательстве закона тяготения Ньютона.

Однако исчисление применяется не только к изменению во времени. Оно применимо в любом таком случае, когда одна величина является «функцией» другой. Понятие «функции» очень важно, и я попытаюсь его объяснить.

Возьмем изменяющуюся величину. Другая величина называется ее «функцией» в том случае, если при заданном значении одной величины значение другой нужно вычислить. Например, если вам нужно перевезти определенное количество нефти на поезде, то число необходимых для этой перевозки вагонов является «функцией» количества нефти; если вам нужно накормить армию, то количество необходимых продуктов является «функцией» числа солдат. Если тело падает в вакууме, то расстояние, преодолеваемое им при падении, является «функцией» времени, в течение которого оно падало. Число квадратных футов ковра для данной квадратной комнаты является «функцией» длины стены комнаты, так же как и количество жидкости, которую можно залить в кубический контейнер. В одном случае функцией является квадрат, в другом — куб: для комнаты, длина стены которой в два раза больше, чем в данной, нужен в четыре раза больше ковер; а в контейнер, который в два раза выше данного, можно за-

лить в восемь раз больше жидкости, если и другие его параметры также увеличены в два раза.

Некоторые функции очень сложны. Ваши налоги являются функцией вашего дохода, но лишь специалисты знают, какой конкретно функцией. Предположим, какой-то математически образованный специалист предложил использовать простую функцию, например, ваши налоги должны быть пропорциональны квадрату вашего дохода. Он дополнил свое предложение другим: ни один доход после уплаты налогов не должен превышать 25 000\$. Как же эти предложения будут работать? Налоги должны быть одной сотой или тысячной частью квадрата вашего дохода в долларах. Для доходов, меньших, чем квадратный корень из 1000\$ (это примерно 32\$), налог должен быть меньше одного цента, и его невозможно будет собрать; для доходов в 1000\$ налог будет 10\$; для 2000\$ — 40\$; для 10 000\$ — 1000\$ и для 50 000\$ — 25 000\$. После этих выплат любое увеличение вашего дохода сделает вас беднее. Если ваш доход равен 100 000\$, то налог будет равен вашему доходу, и вы будете разорены. Не думаю, что кто-либо будет защищать такую налоговую политику.

Для любой функции переменной x небольшое увеличение x будет сопровождаться небольшим увеличением или уменьшением функции, если функция дискретная. Например, пусть x — радиус круга, а функция — площадь круга, пропорциональная квадрату радиуса. Если радиус несколько увеличивается, то увеличивается площадь круга; увеличение достигается умножением увеличения радиуса на окружность. Дифференциальное исчисление предоставляет степень (rate) увеличения функции при заданном небольшом увеличении переменной. С другой стороны, если вам известна степень увеличения функции относительно переменной, то интегральное исчисление покажет вам, каково будет в целом увеличение или уменьшение функции при изменении значений переменной. Самым простым из важнейших примеров этому является падение тела в вакууме. В данном случае ускорение тела является постоянной величиной; иными словами, увеличение скорости в любой данный момент времени пропорционально времени. Следовательно, скорость в любой момент времени пропор-

циональна времени, в течение которого тело падает. Исходя из этого, интегральное исчисление показывает, что расстояние, преодолеваемое им при падении, пропорционально квадрату времени падения. Это можно доказать, и не используя интегрального исчисления, что было сделано Галилеем; однако в более сложных случаях интегральное исчисление является ключевым механизмом.

Математика, по крайней мере по ее собственному притязанию, является *точным* инструментом, и в тех случаях, когда она применяется к реальному миру, всегда существует неоправданное допущение точности. В природе не существует совершенных кругов или треугольников; планеты в реальности не движутся по точным эллипсам, а если бы и двигались, то мы бы об этом не знали. Наши возможности измерения и наблюдения ограничены. Я не говорю о том, что они имеют *определенные* пределы; напротив, технические достижения постоянно уменьшают эти ограничения. Однако невозможно, чтобы техника работала безошибочно или вне всяких ограничений, потому что какой бы аппарат мы не изобрели, мы, в конце концов, зависим от собственных ощущений, которые не могут различить две очень похожие вещи. Легко доказать, что существуют различия, невоспринимаемые нами. Возьмем, например, три очень близкие оттенка цвета *A*, *B* и *C*. Возможно, вы не видите никакого различия между *A* и *B*, или между *B* и *C*, но видите различие между *A* и *C*. Это показывает, что должны существовать невоспринимаемые различия между *A* и *B* и между *B* и *C*. То же самое будет истинно и в том случае, если *A*, *B* и *C* будут иметь почти одинаковую длину. Измерение длин, каким бы точным оно ни было, всегда должно оставаться приблизительным, хотя и очень близким приближением.

По этой причине точные научные измерения всегда даются с учетом «вероятной ошибки». Это означает, что данный результат скорее всего не будет выходить за пределы установленной области значений вероятной ошибки. Практически он более или менее точен, но маловероятно, что он не точен *больше*, чем на величину вероятной ошибки. Хотелось бы, чтобы и в других областях люди допускали то, что их мнения подвержены той или иной вероятной ошибке; но в дей-

ствительности люди более догматичны в тех случаях, в которых меньше всего оснований для определенности и уверенности.

Читатель, вспомнив наше определение «скорости», увидит, что оно предполагает невозможность мгновенного наблюдения. С эмпирической точки зрения, не может существовать такого явления, как *мгновенная скорость*, потому что для наших измерений времени и расстояния существуют определенные пределы. Предположим, что мы разработаем нашу технику до такого уровня, что сможем измерить сотую или тысячную долю секунды и сотую или тысячную долю сантиметра. В таком случае мы сможем сказать, на сколько сотых или тысячных долей сантиметра продвинулось очень маленькое тело, если оно движется со скоростью меньше, чем сантиметр в секунду. Но мы не сможем сказать, что оно делало в течение этого очень короткого промежутка времени: оно могло двигаться равномерно; оно могло сначала двигаться медленнее, а затем ускориться, или наоборот; оно могло также преодолеть все расстояние за один прыжок. Это последняя гипотеза, кажущаяся странной, на самом деле является частью квантовой теории как наилучшее объяснение некоторых явлений. Мы привыкли рассматривать как само собой разумеющееся, что пространство, время и движение непрерывны, но мы не можем *знать* этого, потому что не воспринимаем очень небольшие непрерывности. Вплоть до недавнего времени гипотеза непрерывности была рабочей; сегодня в ней начинают сомневаться, в частности в том, что касается очень маленьких явлений.

Точность математики представляет собой абстрактную логическую точность, которая теряется, как только математические размышления применяются к реальному миру. Платон думал (и многие последовали за ним в этом убеждении), что если математика в определенном смысле истинна, то должен существовать идеальный мир, своего рода математический рай, где все происходит именно так, как описывается в учебниках по геометрии. Философ, попадая в рай (а туда, согласно Платону, попадают только философы), будет удовлетворен видом того, чего ему не хватало на Земле: совершенно прямые линии, совершенные круги, совершенные двенадцатигранники и все ос-

тальное, необходимое для блаженства. Тогда он поймет, что математика, хотя и неприменима к мирской жизни, представляет собой видение — одновременно и вспоминающее, и пророческое — лучшего мира, из которого вышли мудрецы и куда они возвращаются. Арфы и короны были менее интересны для афинского аристократа, чем для смиренного народа, создавшего христианскую мифологию. Однако христианские теологи, в противовес общим представлениям христиан, принимали многое из платоновского описания рая. В наши дни, когда такого рода вещи стали невозможными, точность стала приписываться Природе, а ученые не сомневаются в том, что универсум функционирует именно так, как его описал Ньютон. Поскольку ньютоновский мир — это мир, созданный Богом, грязный, неточный и т. п. мир, каким мы его знаем, был бы недостоин Создателя. Лишь недавно проблема математической точности, не соответствующей приблизительному характеру знания, получаемого с помощью органов чувств, получила формулировку, полностью свободную от всех теологических аллюзий.

Результатом недавних исследований этой проблемы стало привнесение во все вещи приблизительности и неточности, даже в традиционно священные области логики и арифметики. Для логиков старших поколений эти вопросы упрощались их верой в существование неизменных видов. Ими могут быть кошки и собаки, лошади и коровы; пара из каждого вида была создана Богом, пара из каждого вида спаслась в ковчеге во время потопа, пара из каждого вида вместе всегда производят потомство того же вида. Что касается человека, то не был ли он отличен от животных наличием разума, бессмертной души и знанием добра и зла? Таким образом, значения таких слов, как «собака», «лошадь», «человек», были четко определены, и любое живое существо, к которому применимо одно из этих слов, было четко отделено от других живых существ. На вопрос: «Это лошадь?», — всегда существовал недвусмысленный и бесспорный ответ. Однако для последователя эволюционной теории все меняется. Он считает, что лошади постепенно эволюционировали из животных, которые определенно не были лошадьми, и на каком-то этапе этой эволюции суще-

существовали животные, которые не были определенно лошадьми или не-лошадьми. То же самое истинно и для человека. Разум по мере своего существования постепенно совершенствовался. По геологическим находкам нельзя судить, имели ли наши далекие предки бессмертные души или знание о добре и зле, даже если допустить, что мы обладаем всеми этими преимуществами. Найдено множество костей, определенно принадлежащих более или менее человекоподобным двуногим существам, но можно ли этих двуногих назвать «людьми» — это вопрос чистого соглашения.

Таким образом выясняется, что на самом деле мы не знаем, что имеем в виду под обычными повседневными словами, такими как «кошка» и «собака», «лошадь» и «человек». Того же рода неопределенность существует и в отношении наиболее точных научных терминов таких, как «метр» и «секунда». Метр определяется как расстояние между двумя отметками на определенном бруске в Париже при определенной температуре бруска. Однако эти отметки не являются точками, и температура не может быть измерена с совершенной точностью. Следовательно, мы не можем знать *точно* длину метра. В отношении большинства длин мы можем быть уверены, что они длиннее или короче метра. Но в отношении некоторых длин мы не можем с уверенностью сказать, длиннее они или короче метра, или же они точно метр длиной. Секунда определяется, как время размаха маятника определенной длины или как определенная часть дня. Однако мы не можем точно измерить ни длину маятника, ни длину дня. Таким образом, в отношении метра и секунды существует та же самая проблема, что и в отношении лошадей и собак, а именно, что мы не знаем точно, что обозначают эти слова.

Вы можете сказать: «Тем не менее, ничто не поколеблет мою веру в то, что дважды два четыре». В значительной мере вы правы, за исключением пограничных случаев; только в пограничных случаях вы усомнитесь в том, является ли какое-то конкретное животное собакой или какая-то конкретная длина — меньше метра. Два должно быть два чего-либо, а утверждение «дважды два четыре» бесполезно, если оно ни к чему не применимо. Две собаки плюс две собаки — это оп-

ределенно четыре собаки, но в некоторых случаях вы усомнитесь, являются ли две из них собаками. Вы можете сказать: «Хорошо, в любом случае это четыре животных». Однако существуют микроорганизмы, относительно которых трудно сказать, являются ли они животными или растениями. «Хорошо, — скажете вы, — тогда это просто живые организмы». Однако существуют вещи, относительно которых трудно сказать, являются они живыми организмами или нет. Тогда вы вынуждены будете сказать: «Две сущности и две сущности — это четыре сущности». Когда вы скажете мне, что вы имеете в виду под термином «сущность», мы сможем принять это утверждение.

Таким образом, понятия, в целом, обладают определенной областью, к которой они применимы в полной мере, и определенной областью, к которой они точно неприменимы. Однако понятия, претендующие на точность, такие как «метр» и «секунда», несмотря на то, что они обладают широкой областью применения (в пределах приблизительно области), к которой они точно неприменимы, совершенно не обладают той областью, к которой они применимы в полной мере. Если они должны применяться в полной мере, то нужно пожертвовать претензией на точность.

Подведем итог нашего обсуждения: математика не обладает той точностью, на которую претендует, она так же приблизительнона, как и все остальное знание. Тем не менее, это не имеет никакого значения *с практической точки зрения*, поскольку в любом случае все наше знание внешнего мира лишь приблизительно.

Я решил обсудить этот вопрос, поскольку многие люди считают, что математика претендует на знание высшего рода, и эта претензия — в тех, кто убежден, что она не оправданна, — рождает сопротивление, которое мешает их обучению математике и восприятию математического рассуждения. Абсолютная точность математики недостижима. Она существует — в той мере, в какой она существует, — лишь благодаря тому факту, что математическое знание на самом деле вербальное, а не эмпирическое, знание, и язык, с помощью которого это знание выражается, довольно сложен.

Но я еще не все сказал о точности. Мы не можем обладать точным знанием о мире, и это правда, но знаем, что, выражаясь математическим языком, результаты верны в той мере, в какой мы можем об этом судить. Иными словами, математики предлагают лучшую рабочую гипотезу для понимания мира. Научные гипотезы могут казаться более или менее ложными, но именно новые математические изобретения снабжают их необходимыми исправлениями. Ньютоновский закон тяжести считался истинным в течение двух с половиной веков и был затем исправлен Эйнштейном; однако универсум Эйнштейна был столь же математическим, что и универсум Ньютона. Квантовая теория разработала совершенно иную, чем классическая, физику атома, но также продолжала работать с математическими символами и уравнениями. Изобретенный математиками аппарат понятий и операций незаменим при объяснении многообразных явлений в мире, благодаря действию общих законов; единственные гипотезы, имеющие шанс на истинность в наиболее развитых науках, предлагаются математиками.

Таким образом, если вы хотите понять мир, насколько это возможно в теоретическом плане, то должны получить значительные познания в области математики. Если вы имеете практические интересы и хотите лишь действовать в мире — независимо от того, для своего блага или во благо человечества, — то можете, не вдаваясь в тонкости математики, достичь многого, опираясь на то, что сделали ваши предшественники. Однако общество, посвящающее себя лишь такого рода работе, будет в определенном смысле паразитировать на том, что было открыто в прошлом. Примером является история радио. Почти 100 лет назад Фарадей провел множество гениальных экспериментов по электромагнетизму, но, не будучи математиком, не смог предложить действительно общую, всестороннюю гипотезу, объясняющую результаты его работы. Затем появился Кларк Максвелл, который не был экспериментатором, но был первоклассным математиком. На основании экспериментов Фарадея он сделал вывод, что должны существовать электромагнитные волны, и свет должен состоять из такого рода волн, и частота этих волн должна восприниматься человеческим глазом. Для него это была чистой воды теория. Его рабо-

ты принадлежат 70-м годам прошлого века. Лет двадцать спустя немецкий физик Герц, будучи и экспериментатором, и математиком, решил проверить теорию Максвелла на практике и изобрел аппарат, с помощью которого смог производить электромагнитные волны. Оказалось, что они распространяются со скоростью света и обладают всеми теми свойствами, которые им приписывал Максвелл. Последним был Маркони, который так преобразовал изобретение Герца, что его можно было использовать за пределами лаборатории, поскольку в радиоаппаратуре используются именно волны Герца. Эта история в целом блестяще иллюстрирует взаимодействие эксперимента и теории, на котором и основывается развитие науки.

В конечном счете, математика приносит тем, кто может ее оценить, огромное удовольствие, против которого не сможет возразить ни один моралист. В манипулировании с символами есть такое же наслаждение, какое люди находят в шахматах, но его значение увеличивается тем, что является полезным, а не просто игрой. В смысле понимания естественных процессов это дает ощущение силы человеческого разума, а в работе лучших математиков присутствует чистая красота, показывающая, каких вершин может достичь человек, если он освободит себя от малодушия и жестокости, порабощения случайностями своего физического существования.

ЛЮДИ — ДУМАЙТЕ!

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Интервью 1959 г.

Вудро Уайэтт

Лорд Рассел, что такое философия?

Лорд Рассел

Это довольно спорный вопрос. Я думаю, не найдется двух философов, способных дать Вам один и тот же ответ. Мой собственный прозвучал бы так: философия представляет собой размышления о предметах (matters), точное знание о которых еще невозможно. Правда, это только мое мнение.

В чем состоит разница между наукой и философией?

Можно дать примерно следующий ответ: наука — это то, что мы знаем, а философия — то, чего мы не знаем. Это простое определение, объясняющее, почему с развитием знаний вопросы постоянно переходят из области философии в область науки.

То есть когда что-нибудь установлено и открыто, это уже перестает быть философией и становится наукой?

Да, а все те вопросы, которые когда-то относили в разряд философских, больше таковыми не являются.

Какова польза от философии?

Я думаю, философия имеет две реальные области применения. Одна из них — поддержка размышлений о предметах, которые еще не попали в сферу науки. В конце концов, наука охватывает лишь небольшую часть того, что интересует и должно интересовать человечество.

Существует множество вещей, представляющих огромный интерес, о которых наука, во всяком случае в настоящий момент, знает мало, и мне бы не хотелось, чтобы человеческая фантазия была бы ограничена рамками известного сейчас. Я думаю, что одно из применений философии состоит в увеличении наших воображаемых конструкций о мире и доведении их до уровня гипотез. Но существует и другое назначение философии, на мой взгляд, не менее важное, которое помогает понять нам, что существует множество вещей, кажущихся известными, на самом деле неизвестны нам. С одной стороны, философия заставляет нас думать о вещах, о которых мы можем узнать, а с другой стороны, позволяет нам с достаточной скромностью осознавать, как много из того, что кажется знанием, таковым на самом деле не является.

Не могли бы Вы проиллюстрировать на конкретных примерах некоторые гипотезы, которые подтвердились и имели важные последствия в будущем.

Да. Это довольно просто сделать, особенно на примере греческой философии. Греки впервые предложили целый ряд гипотез, оказавшихся впоследствии весьма ценными, но которые в то время не могли быть проверены. Возьмем, к примеру, атомистическую гипотезу. Демокрит придумал атомистическую гипотезу, согласно которой материя состоит из мельчайших атомов, и спустя более чем две тысячи лет оказалось, что это была правильная научная точка зрения, но в то время это было просто предположение. Или другой пример. Аристарх был первым человеком, предположившим, что Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли, и что смена дня и ночи — это следствие вращения Земли. До эпохи Коперника, почти две тысячи лет, эта гипотеза была почти похоронена и забыта. Но возможно, что Коперник никогда бы не пришел к этой мысли, если бы до этого к ней не пришел Аристарх.

Как это происходит, это своего рода интуиция?

О, нет. Люди, впервые предложившие эти гипотезы, не могли утверждать: «Это истинно», они могли сказать только: «Это может быть

истинным». Если вы обладаете хорошим научным воображением, вы можете размышлять о всевозможных явлениях, которые могут быть истинны, и в этом суть науки. Вы сначала думаете о чем-либо, что может быть верным, потом вы проверяете, так ли это, и обычно это не так.

Но разве Платон не считал атомистическую теорию Демокрита несостоятельной?

Платона Демокрит пугал. Платон говорил, что все книги Демокрита следует сжечь. Платон не любил науку. Он любил математику, но ничто больше в науке ему не нравилось.

Сейчас философия превратилась до некоторой степени в служанку науки.

Частично это так, но, конечно, философия не только служанка науки, так как существует целый ряд тем, с которыми наука не может иметь дело. Например, все, что касается категории ценностей. Наука не скажет вам, что хорошо и что плохо, что хорошо или плохо само по себе, как цель, а не просто как средство.

Не могли бы Вы сказать, изменилось ли с годами отношение философов и общества к философии?

Это зависит от конкретной философской школы. Как для школы Платона, так и для школы Аристотеля главным было попытаться понять мир и, по моему мнению, это как раз то, чем и должна заниматься философия. Если вы обратитесь к стоикам, то увидите, что они особое внимание обращали на мораль: следует терпеливо, стоически переносить удары судьбы, считали они, и это превратилось в расхожее представление о философах.

Вы бы назвали Маркса философом?

В известном смысле он, несомненно, был им, но давайте сразу оговоримся, что существует очень важное деление среди философов. Есть философы, считающие своим долгом поддерживать *status quo*, и есть другие, которые его нарушают. Маркс, конечно, принадлежит к последним. Что до меня, то я отвергаю оба эти подхода как не отвечающие истинному назначению философии. Я считаю, что дело филосо-

фии не изменять мир, а познавать его, и это прямо противоположно тому, что говорил Маркс.

А к какому типу философов принадлежите Вы?

Единственное определение, которое я сам себе когда-либо давал, — это логический атомист, но я не особенный любитель давать определения. Я их, скорее, избегаю.

Что это значит, логический атомист?

Это значит, по моему мнению, что способом постигнуть суть любого изучаемого вами предмета является анализ. Вы можете анализировать до тех пор, пока не дойдете до вещей, которые дальше уже не могут быть проанализированы, и они будут логическими атомами. Я называю их логическими атомами, потому что они не являются мельчайшими частицами материи. Они, если можно так выразиться, идеи, из которых создается предмет.

Каковы сейчас основные направления в философии?

Нужно различить направления в философии в англоязычных странах и в континентальной Европе. Они гораздо более независимы друг от друга, чем когда-то. Гораздо более. В англоговорящих странах, и особенно в Англии, существует новая философия, обязанная своим появлением, я полагаю, желанию найти для философии самостоятельную область. В этом, как я только что говорил, проявилось то, что философия просто — «неполная» наука, и существуют люди, которым такая точка зрения не нравится. Им хочется, чтобы философия имела собственную сферу. Это привело к появлению лингвистической философии, для которой важен не ответ на вопрос, а достаточно точное представление его смысла. Сам я с такой точкой зрения не могу согласиться, но я могу ее проиллюстрировать. Однажды я на велосипеде отправился в Винчестер и по дороге заблудился. Я зашел в деревенский магазинчик и сказал: «Не могли бы Вы подсказать мне самую короткую дорогу в Винчестер?» Человек, которого я спросил, обратился к кому-то в задней комнате, кого я не мог видеть: «Джентльмен хотел бы узнать самый короткий путь в Винчестер». Голос в ответ: «Винчестер? — Да. — Дорогу в Винчестер? — Да. — Самую

короткую? — Да. — Не знаю». И так мне пришлось уйти, не получив никакого ответа. И это то, чем, согласно оксфордской школе, должна заниматься философия.

То есть правильно формулировать вопрос, не заботясь об ответе?

Да. Давать ответы — это дело кого-то другого.

Насколько отличается от этого континентальный подход?

Континентальный подход, если можно так выразиться, более полнокровный. Хотя я с ним не совсем согласен, но в известном смысле он гораздо ближе к жизни и гораздо больше похож на философию прежних времен. Существуют различные направления философии: одни — происходящие из отношения Кьеркегора к экзистенциализму, другие — предназначенные обеспечивать полемику для традиционных религий, и еще множество тому подобных. Я, со своей стороны, не считаю, что все они представляют какую-нибудь ценность.

Но какой практический смысл в вашем направлении философии для человека, который хочет знать, как ему жить?

Огромное количество людей пишут мне, что они сейчас совершенно запутались в том, как им следует вести себя. Отказавшись принять традиционные правила поведения, они не знают, каким другим следовать. Я думаю, что то направление философии, которого я придерживаюсь, может быть полезным в том смысле, что оно дает возможность людям действовать энергично, когда они не уверены абсолютно в правильности своих действий. По моему мнению, никому не следует быть уверенным в чем-либо. Если у вас нет сомнений, вы, несомненно, ошибаетесь, так как ничто не заслуживает полной уверенности, а следовательно, всегда все свои убеждения нужно подвергать некоторой доле сомнения и, несмотря на сомнения, действовать решительно. В конце концов, это как раз то, что делает полководец, когда планирует сражение. Он совершенно не знает, как будет действовать неприятель. Но, если он хороший генерал, он правильно угадает. Если он плохой генерал, он рассчитает неверно. Но в практической жизни приходится действовать, основываясь на вероятностях, и

я жду от философии, что она поощрит людей действовать решительно, хоть и без абсолютной уверенности.

Да, но как теперь быть с тем, что люди начинают сомневаться в том, во что они верили. Разве это не нарушает их душевного равновесия?

Так происходит время от времени, но я думаю, что некоторое такое нарушение — это неотъемлемая часть умственной тренировки. Если у них есть какие-либо научные познания, то они обладают багажом, помогающим избежать полного разочарования из-за сомнений, которые они должны иметь.

Каким Вы видите будущее философии?

Я не думаю, что в будущем философия сможет приобрести такое же значение, какое она имела во времена древних греков или в средние века. Я думаю, что развитие науки неминуемо уменьшит значение философии.

Возможно, у нас слишком много философов?

Я полагаю, философу не следует высказываться на этот счет. На мой взгляд, свое мнение по этому поводу должны выразить люди, не являющиеся философами.

Как бы Вы могли выразить ценность философии в сегодняшнем мире и в будущем?

Я думаю, что философия имеет большое значение в сегодняшнем мире. Во-первых, потому, что, как я уже сказал, она заставляет вас осознавать существование очень многих и очень важных вопросов, не входящих, по крайней мере сейчас, в сферу науки, и приводит нас к пониманию того, что научный подход сам по себе неадекватен. А во-вторых, она все же делает людей немного скромнее интеллектуально и заставляет их сознавать, что огромное число вопросов, казавшихся решенными, оказывались неверными и что нет короткой дороги к знаниям. И что постижение мира, по моему мнению, — основная цель, которую должен ставить перед собой любой философ, — это очень долгое и сложное дело, в котором мы не должны быть догматиками.

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНЫМ?

Публикация 1941 г.

Я привык думать о себе как о Рационалисте; и Рационалист, я полагаю, это тот, кто желает, чтобы люди были разумными. Но в наши дни рациональность подвергается множеству жестких нападков, так что трудно понять, что имеется в виду, когда говорят о рациональности, или же в тех случаях, когда смысл ясен, встает вопрос о том, может ли человек быть рациональным. Вопрос определения рациональности имеет две стороны — теоретическую и практическую: «что такое рациональное мнение?» и «что такое рациональное поведение?» Прагматизм подчеркивает иррациональность мнения, а психоанализ подчеркивает иррациональность поведения. Обе теории привели множество людей к тому мнению, что не существует такой вещи, как идеал рациональности, которому могут в целом соответствовать мнение и поведение. Из этого, по всей видимости, следует, что если вы и я придерживаемся разных точек зрения, бесполезно апеллировать к аргументу или решению беспристрастного человека; нам ничего не остается, как довести спор до конца методами риторики, рекламы или войны в соответствии со степенью нашей финансовой или военной силы. Я убежден, что подобный взгляд очень

опасен и в будущем фатален для цивилизации. Поэтому я постараюсь показать, что идеал рациональности остается незатронутым идеями, которые рассматриваются как роковые для этого идеала, и что он сохраняет всю ту важность, которую имел до сих пор, когда его рассматривали как руководящий принцип мысли и жизни.

Начнем с рациональности в мнениях: я определяю ее просто как привычку принимать в расчет все соответствующие свидетельства при выработке определенного мнения. Там, где уверенность недостижима, рациональный человек придаст наибольшее значение наиболее возможному мнению, в то же время удерживая другие, имеющие ощутимую вероятность, в своем уме как гипотезу, которую будущие свидетельства могут подтвердить как более предпочтительную. Это, конечно, предполагает, что во многих случаях факты и вероятности можно установить объективным методом, например методом, который приведет двух любых внимательных людей к одинаковому результату. Это часто подвергается сомнению. Многие говорят, что единственная функция интеллекта — способствовать удовлетворению индивидуальных желаний и нужд. Комитет по изданию учебников «Плебс» в «Основах психологии» пишет: *«Интеллект, прежде всего, является инструментом пристрастности. Его функция состоит в том, чтобы гарантировать, что те действия, которые благотворны для индивида или человеческого рода, должны выполняться, а те действия, которые менее благотворны, должны запрещаться».* (Курсив оригинала.)

Но те же авторы в той же книге утверждают, опять же курсивом: *«Марксистская вера полностью отличается от религиозной веры; последняя основывается только на желании и традиции; первая основывается на научном анализе объективной реальности».* Это представляется противоречащим тому, что они говорят об интеллекте, если только они на самом деле не имеют в виду, что интеллект не принимал участия в их обращении в марксистскую веру. В любом случае, поскольку они признают, что возможен «научный анализ объективной реальности», они должны признать, что можно иметь мнения, рациональные в объективном смысле.

Более эрудированных авторов, тех, кто отстаивает иррационалистскую точку зрения, таких, как философы-прагматисты, не так легко опровергнуть. Они утверждают, что не существует такой вещи, как объективный факт, которому должны соответствовать наши мнения, если они считаются истинными. Для них мнения — только орудия в борьбе за существование, и те из них, которые помогают человеку выжить, будут называться «истинными». Этот взгляд преобладал в Японии в VI в. н. э., когда буддизм впервые достиг этой страны. Правительство, сомневаясь в истинности новой религии, приказало одному из придворных принять ее экспериментально; если он преуспевает более чем остальные, религию примут как универсальную. Этот метод (модифицированный для нашего времени) отстаивается прагматистами по отношению ко всем религиозным спорам; но я еще не слышал от кого-либо заявления, что он обратился в иудейскую веру, хотя кажется, что она ведет к процветанию быстрее, чем какая-либо другая.

Несмотря на такое определение «истины», в повседневной жизни прагматизм всегда руководствуется совершенно иными принципами для менее утонченных вопросов, возникающих в практических делах. Прагматист-присяжный в случае убийства будет обдумывать случившееся точно так же, как и любой другой человек; тогда как если бы он придерживался своих принципов, то должен был бы решать, кого более выгодно будет повесить. Этот человек, по определению, будет виновным в убийстве, поскольку вера в его виновность будет более полезной, и, следовательно, более «истинной», чем вера в вину какого-либо другого человека. Боюсь, что такой практический прагматизм иногда встречается; я слышал о «подтасовках» в Америке и в России, которые соответствуют этому описанию. Но в таких случаях делается все, чтобы скрыть этот факт, и если эти усилия проваливаются, то случается скандал. Такое укрывательство показывает, что даже полицейские верят в объективную истину в судебном расследовании. Именно такого рода объективную истину — весьма мирскую и прозаичную, — стремятся найти ученые. Именно такого рода истину люди также ищут найти в религии до тех пор, пока наде-

ются найти ее. Только когда люди оставляют надежду доказать, что религия является истиной в прямом смысле, они берутся за труд доказать, что это «истина» в некоем новомодном смысле. Можно открыто заявить, что иррационализм, т. е. неверие в объективные факты, почти всегда вырастает из желания доказать нечто, для чего не существует подтверждающих свидетельств, или отрицать нечто, что хорошо подтверждается. Но вера в объективные факты всегда сохраняется в отношении частных практических вопросов, таких как инвестиции или наём слуг. И если действительно можно было бы повсюду проверить истинность наших убеждений, это была бы проверка во всех областях, ведущая к агностицизму везде, где бы она ни была проведена.

Вышеупомянутые соображения, конечно, весьма неадекватны по отношению к теме. Решение проблемы объективности факта затруднено туманными рассуждениями философов, которые я попытаюсь проанализировать в дальнейшем более радикальным способом. Сейчас же я должен предположить, что существуют факты, что некоторые факты познаваемы, и относительно некоторых других фактов может быть установлена степень вероятности по отношению к фактам, которые могут быть познаны. Однако, наши убеждения часто противоречат факту; даже когда мы только считаем, что нечто вероятно, основывается на соответствующих свидетельствах, может быть так, что мы должны полагать это невероятным на основании тех же самых свидетельств. Следовательно, теоретическая часть рациональности состоит в обосновании наших убеждений скорее на соответствующих свидетельствах, чем на желаниях, предубеждениях, традициях. Таким образом, рациональным будет либо беспристрастный человек, либо ученый.

Некоторые думают, что психоанализ показал невозможность рациональных убеждений, выявив странное и почти безумное происхождение нежно лелеемых убеждений многих людей. Я весьма уважаю психоанализ, и я верю в то, что он может быть чрезвычайно полезен. Но общественное мнение потеряло из виду цель, которая, в основном, вдохновляла Фрейда и его последователей. Их метод изна-

чально является терапевтическим, это способ лечения истерии и различных видов умопомешательства. Во время войны психоанализ доказал, что он один из самых важных способов лечения неврозов, полученных на войне. Книга Риверса «Инстинкт и бессознательное», которая во многом базируется на опыте лечения контуженных пациентов, дает блестящий анализ болезненных проявлений страха, когда этому страху нельзя прямо потворствовать. Эти проявления, конечно, в основном неинтеллектуальны; они включают в себя различные виды параличей, все типы, по-видимому, физических болезней. Но в настоящей статье мы это не будем обсуждать; сосредоточимся на интеллектуальных отклонениях. Установлено, что многие галлюцинации сумасшедших являются результатом инстинктивных препятствий и могут быть вылечены чисто психическими средствами, например путем доведения до сознания пациента фактов, которые были подавлены в его памяти. Этот вид лечения и мировоззрение, внушающее его, предполагают идеал здравомыслия, от которого пациент отклонился и к которому он должен быть возвращен путем осознания всех относящихся к делу фактов, включая и те, которые он более всего желает забыть. Это прямо противоположно тем ленивым уступкам иррациональности, на которые иногда подстрекают те, кто знает только, что психоанализ показал преобладание иррациональной веры, и кто забывает или игнорирует то, что его цель — ослабить это преобладание определенным методом медицинского лечения. Весьма похожий метод может исцелить иррациональность тех, кто не считаются сумасшедшими, при условии, что они будут подвержены лечению специалистом, свободным от их иллюзий. Президенты, Кабинет министров и Выдающиеся Личности, однако, редко выполняют это условие и, следовательно, остаются неизлеченными.

До сих пор мы рассматривали только теоретическую сторону рациональности. Практическая сторона, к которой мы сейчас обратимся, более сложна. Различия во мнениях на практические вопросы проистекают из двух источников: во-первых, различия между желаниями спорщиков; во-вторых, различия в их оценках средств реализации своих желаний. Различия второго сорта на самом деле теорети-

ческие и лишь косвенным образом — практические. Например, некоторые авторитетные люди утверждают, что первая линия нашей обороны должна комплектоваться из линкоров, другие — что из аэропланов. Здесь нет различий относительно предлагаемой цели, а именно национальной безопасности, различие только в средствах. Рассуждение, следовательно, может быть построено чисто научным способом, поскольку несогласие, вызывающее диспут, касается только фактов настоящих или будущих, определенных или вероятных. Ко всем этим случаям применим тот тип рациональности, который я назвал теоретическим, несмотря на то, что решается практический вопрос.

Однако в подобных случаях существуют осложнения, которые очень важны для практики. Человек, желающий действовать определенным образом, будет убеждать себя в том, что, действуя таким образом, он достигает некоей цели, которую считает благой, даже в том случае, когда если бы у него не было такого желания, он не видел оснований для подобного убеждения. И он будет судить о фактах и возможностях несколько иным образом, чем человек с противоположными желаниями. Азартные игроки, как всем известно, преисполнены иррациональной веры в системы, которые в конечном итоге *должны* привести их к выигрышу. Люди, интересующиеся политикой, убеждают себя, что лидеры их партии никогда не будут повинны в мошеннических трюках, практикуемых другими политиками. Человек, любящий управлять, думает, что для населения хорошо, если его рассматривают как стадо овец; человек, который любит табак, говорит, что он успокаивает нервы; человек, любящий алкоголь, говорит, что он стимулирует остроумие. Пристрастия, вызванные такими причинами, фальсифицируют человеческие суждения о реальности таким способом, которого очень сложно избежать. Даже научная статья о воздействии алкоголя на нервную систему будет в целом выдавать автора, на основании внутренней логики, в том, является ли он трезвенником; в любом случае у него будет тенденция видеть факты в таком свете, который оправдывает его собственную практику. В политике и религии такие соображения становятся очень важными.

Большинство людей думает, что в формировании своих политических мнений они руководствуются желанием общественного блага; но в девяти случаях из десяти политические взгляды человека могут быть предсказаны на основании его образа жизни. Это приводит некоторых людей к убеждению, а многих и к убеждению, выражающемуся в практических действиях, что в таких случаях невозможно быть объективным и что возможно только «перетягивание каната» между классами с противоположными интересами.

Однако именно в таких случаях психоанализ отчасти полезен, поскольку он позволяет людям осознать те интересы, которые до сих пор были неосознанны. Он предоставляет методы для самонаблюдения, т. е. возможность увидеть себя со стороны, и основание для предположения, что этот взгляд на самих себя со стороны менее несправедлив, чем мы склонны думать. В сочетании с обучением научному мировоззрению этот метод может, если ему широко обучать, дать возможность людям стать бесконечно более рациональными, чем в настоящем, в отношении их убеждений о реальности и о возможных последствиях любого предлагаемого действия. И если люди едины во взглядах на эти проблемы, расхождения, которые сохраняются, почти несомненно можно будет урегулировать дружелюбно.

Остается, однако, вопрос, который нельзя решить чисто интеллектуальными методами. Желания одного человека невозможно полностью гармонизировать с желаниями другого. Два конкурента на бирже могут быть в полном согласии относительно последствий того или иного действия, но это не вызовет гармонии в практической деятельности, поскольку каждый хочет разбогатеть за счет другого. Тем не менее даже здесь рациональность способна предотвратить большую часть вредных последствий, которые в противном случае реализуются. Мы называем человека иррациональным, когда он действует по страсти, когда он отрезает себе нос, чтобы изуродовать лицо. Он иррационален, ибо забывает, что, потакая желанию, которое ему довелось пережить наиболее сильно в этот момент, он помешает исполнению других желаний, которые в дальнейшем будут более важны для него. Если бы люди были рациональны, они бы выдерживали более

правильный взгляд на свой собственный интерес, чем они делают это сейчас; и если бы все люди исходили из осознанного собственного интереса, мир был бы раем по сравнению с тем, что он есть сейчас. Я не утверждаю, что нет ничего лучше, чем собственный интерес в качестве мотива действия; но я утверждаю, что собственный интерес, как и альтруизм, лучше, когда он осознан, чем когда он не осознан. В упорядоченном обществе человек очень редко бывает заинтересован делать что-либо слишком вредное для других. Чем менее рационален человек, тем чаще он не понимает, насколько то, что оскорбляет других, оскорбляет и его, потому что ненависть и зависть ослепляют его. Следовательно, хотя я и не утверждаю, что осознанный собственный интерес является высшей моралью, я утверждаю, что если он становится всеобщим, он делает мир неизмеримо лучше, чем он есть.

Рациональность на практике может быть определена как привычка помнить и учитывать все наши соответствующие желания, а не только то, что оказывается наиболее сильным в данный момент. Как и в случае рациональности во мнениях, это вопрос о степени. Несомненно, полная рациональность — недостижимый идеал, но поскольку мы продолжаем относить некоторых людей к сумасшедшим, ясно, что мы думаем о некоторых людях, как о более рациональных, чем другие. Я верю, что всякий прочный прогресс в мире состоит в возрастании рациональности, как практической, так и теоретической. Проповедовать альтруистическую мораль кажется мне чем-то бесполезным, потому что она будет взывать только к тем, кто уже имеет альтруистические желания. Но проповедовать рациональность — это нечто иное, так как рациональность помогает нам осознать наши собственные желания в целом, какими бы они ни были. Человек рационален в той пропорции, в какой его интеллект формирует и контролирует его желания. Я полагаю, что контроль над нашими действиями со стороны интеллекта и есть, в конечном счете, то самое важное, что делает еще возможной общественную жизнь по мере того, как наука все увеличивает количество находящихся в нашем распоряжении средств для нанесения вреда друг другу. Образование, пресса, политика, религия — словом, все великие силы мира — сегодня на стороне ирра-

циональности; они в руках людей, которые льстят Его Величеству Народу, дабы сбить его с толку. Средство спасения не в каком-либо героическом свершении, но в усилиях индивидов, направленных к более здравомыслящему и сбалансированному взгляду на наши отношения с соседями и к миру. Именно ко все более широко распространяющемуся интеллекту должны мы обращаться для решения всех проблем, от которых страдает наш мир.

«БЕСПОЛЕЗНОЕ» ЗНАНИЕ

Публикация 1941 г.

Фрэнсис Бэкон, человек, достигший знаменитости, предавая своих друзей, утверждал, без сомнения, основываясь на богатом опыте, что «знание — это сила». Но это неверно по отношению ко *всем* знаниям. Сэр Томас Браун желал узнать, какую песню пели сирены, но если ли бы он выяснил какую, это не позволило бы ему сменить место мирового судьи на место Верховного шерифа своей страны. Тот род знаний, который имел в виду Бэкон, был так называемым научным. Подчеркивая значение науки, он запоздало продолжал традиции арабов и раннего средневековья, согласно которым знание состояло в основном из астрологии, алхимии и фармакологии, являвшихся тогда отраслями науки. Ученым считался тот, кто овладев этими предметами, приобретал магические силы. В начале XI в. Папа Сильвестр II, только по той причине, что он читал книги, повсеместно считался волшебником, вступившим в союз с дьяволом. Просперо, бывший в шекспировское время просто плодом фантазии, стал представлять в течение столетий общепринятый образец ученого, по меньшей мере в том, что касалось его волшебства. Бэкон полагал, и как мы сейчас знаем правильно, что наука может быть куда более могучей волшебной палочкой, чем та, о которой мечтали чародеи минувших времен.

Ренессанс, достигший своего пика в Англии во времена Бэкона, вызвал бунт против утилитарной концепции знания. Греки знали Гомера так же, как мы песни мюзик-холла, потому что они им просто наслаждались, без ощущения того, что при этом чему-то учатся. Но люди XVI в. не смогли бы понять его, не обладая достаточной лингвистической эрудицией. Они восхищались греками и желали приобщиться к их удовольствиям, поэтому они копировали их как в чтении классиков, так и в других, менее известных, вещах. Обучение во время Ренессанса было разновидностью *joie de vivre*¹, наравне с вином или любовью. И это относилось не только к литературе, но и к точным наукам. Общеизвестна история о том, как Гоббс впервые открыл для себя Евклида, случайно наткнувшись в книге на теорему Пифагора, он воскликнул: «Ей-богу, это невозможно» и стал читать доказательство с конца, пока, дойдя до аксиомы, не убедился в его правильности. Без сомнения, для него это был сладостный момент, не омраченный мыслью о полезности геометрии в практических областях.

Верно и то, что Ренессанс находил практическое применение древним языкам в теологии. Одним из первых результатов нового осознания классической латыни была дискредитация поддельных декретов и дарственных Константина. Неточности, которые были обнаружены в Вульгате² и Септуагинте, сделали греческий и иврит необходимой частью споров протестантских богословов. Республиканские принципы Греции и Рима были призваны оправдать сопротивление пуритан Стюартам и иезуитов тем монархам, которые отвергали верность Папе. Но все это было скорее следствием, чем причиной возрождения классического обучения, приобретшего наибольший размах в Италии примерно за столетие до Лютера. Основной движущей силой Возрождения было интеллектуальное наслаждение, реставрация того богатства и свободы в искусстве и мышлении, которые были потеряны во времена, когда невежество и суеверия были шорами на глазах разума.

¹ Радость жизни (франц.) — Прим. перев.

² Латинский перевод Библии IV века. — Прим. перев.

Греки, как выяснилось, уделяли часть своего внимания не только вопросам литературы или искусства, но и философии, геометрии или астрономии. Поэтому эти науки были уважаемы, тогда как другие науки рождали больше сомнений. Медицина, безусловно, была возведена именами Гиппократ и Галена, но в промежуточный период она была исключительно связана с именами арабов или евреев и тесно сплетена с магией. Отсюда и сомнительная репутация таких людей, как Парацельс. Положение дел в химии было еще худшим и наукой она стала только в XVIII в.

Таким образом, это привело к тому, что знание греческого и латыни, вместе с поверхностным знанием геометрии и, возможно, астрономии, стало интеллектуальным набором джентльмена. Греки пренебрегали практическим применением геометрии, и только во время упадка они нашли применение астрономии под видом астрологии. В XVI и XVII вв. математика, в основном, изучалась с эллинской беспристрастностью, и появилась тенденция игнорировать науки, которые деградировали из-за своей связи с магией. Постепенный переход к более широкой и более увязанной с практикой концепции знания, развивавшийся и на протяжении XVIII в., был внезапно ускорен в конце XVIII в. Французской революцией и развитием техники. Первая нанесла удар по дворянской культуре, тогда как последняя предложила новый и удивительный простор для развития недворянского искусства. На протяжении последних ста пятидесяти лет люди все более и более энергично обсуждали ценность «бесполезного» знания и все более и более приходили к убеждению, что имеет смысл обладать только тем знанием, которое применимо в какой-либо области экономической жизни общества.

В странах с традиционной образовательной системой, таких как Франция и Англия, утилитарный взгляд на знание преобладал лишь частично. Здесь еще остались, например, профессора китайского языка в университетах, читающие китайскую классику, но незнакомые с работами Сун Ят-сена, который создал современный Китай. Еще существуют люди, которые знают древнюю историю настолько, насколько она связана с авторами, чей стиль был безупречным, т. е. до Алек-

сандра в Греции и Нерона в Риме, но отказывающиеся знать куда более важную последующую историю из-за литературного несовершенства исторических текстов. Тем не менее, даже во Франции и Англии старые традиции умирают, а во многих современных странах, таких как Россия и Соединенные Штаты, они совершенно утасли. В Америке, например, образовательные комиссии отмечают, что в деловой переписке большинство людей используют всего пятнадцать сотен слов, и поэтому предлагают избегать все остальные в школьных программах. В Великобритании, в основном в Англии, пошли еще дальше и сократили необходимый словарь до восьми сотен слов. Концепция речи, как чего-то представляющего эстетическую ценность, вымирает, и это приводит к мысли, что единственное назначение слов — передавать практическую информацию. В России достижение практических целей даже более искреннее, чем в Америке: все, что преподается в образовательных учреждениях, призвано служить каким-либо очевидным целям в образовании или управлении. Единственная поблжка сделана теологии: священные книги должны изучаться на оригинальном немецком языке, и несколько профессоров должны изучать философию, чтобы защищать диалектический материализм от критики буржуазных метафизиков. Но как только ортодоксальность окончательно возобладает, даже эта маленькая лазейка будет закрыта.

На знание повсюду постепенно начинают смотреть не как на просто самоценность или средство создания широкого и гуманного мировоззрения в целом, а как просто на составную часть технического мастерства. Это часть все увеличивающейся интеграции общества, которая была вызвана научно-техническим прогрессом и военной необходимостью. Экономика и политика стали более взаимозависимы, чем прежде, и поэтому существует больше рычагов социального давления, заставляющих человека жить так, как считают разумным его соседи. Образовательным учреждениям, кроме тех, которые доступны только очень богатым или (как в Англии) которые стали неуязвимы в силу многовекового существования, не позволено тратить деньги так, как им хочется, но они обязаны убедить Государство в том,

что они преследуют полезную цель посредством передачи мастерства и внедрения лояльности. Это неотъемлемая часть того же движения, которое привело к обязательной военной службе, бойскаутам, организации политических партий и распространению политических страстей прессой. Мы более чем когда-либо осведомлены о жизни наших сограждан, более обеспокоены тем, если мы добродетельны, чтобы делать им добро, и еще более тем, чтобы заставить их делать добро нам. Мы осуждаем кого-либо, лениво наслаждающегося жизнью, каким бы утонченным не было его наслаждение. Мы считаем, что все должны делать что-то, чтобы помочь великому делу (каким бы оно ни было), тем более, если много «плохих» людей работают против него, и должны быть остановлены. У нас нет свободы ума, чтобы приобретать любые знания, кроме тех, которые помогут нам в битве за что-нибудь, что мы считаем важным.

Можно многое сказать об узкоутилитарном взгляде на образование. Недостаточно времени изучить все, прежде чем начать зарабатывать на жизнь, и, несомненно, «полезное» знание *очень* полезно. На этом построен современный мир. Без этого у нас бы не было ни автомобилей, ни железных дорог, ни аэропланов; следует добавить, что у нас не было бы современной рекламы или современной пропаганды. Современное знание способствовало огромному улучшению здоровья людей и в то же время открытию того, как истреблять большие города с помощью отравляющего газа. Все отличающее наш мир от прежних времен имеет свой источник в «полезном» знании. Ни одно общество до сих пор не имело их в достаточном количестве, и, несомненно, образование должно продолжать обеспечивать их развитие.

Нужно также добавить, что большая часть традиционного культурного образования была неразумной. Мальчики проводили многие годы, осваивая латинскую и греческую грамматику, чтобы в результате, не имея ни способности, ни желаний (кроме как в небольшом числе случаев), читать греческих или латинских авторов. Современные языки и история предпочтительнее латинского и греческого языков со всех точек зрения. Они не просто более полезны, но и дают

возможность приобщиться к культуре в гораздо меньшие сроки. Для итальянца XV в. практически все, что нужно было прочесть, кроме того, что было написано на его собственном языке, было написано на греческом языке или латыни. Эти языки были необходимым ключом к культуре. Но с тех пор на различных современных языках создана огромная литература, и развитие цивилизации было таким стремительным, что знание античности стало не столь полезно в понимании наших проблем, как знание современных наций и их сравнительно недавней истории. Традиционная учительская точка зрения, которая была превосходной во времена Возрождения, становилась постепенно чрезмерно ограниченной из-за того, что она игнорировала произошедшие в мире с XV в. изменения. И не только история и современные языки, но также и наука, должным образом преподаваемые, вносят вклад в культуру. Именно по этой причине можно заявить, что образование должно иметь другие цели, чем простая прямая выгода, без сохранения традиционных учебных курсов. Практичность и культура, когда они понимаются широко, представляются несовместимыми в гораздо меньшей степени, чем кажутся фанатичным защитникам и того и другого.

Тем не менее, помимо случаев, в которых культура напрямую связана с выгодой, овладение знаниями имеет различного рода непрямую выгоду, даже если не имеет практического применения. Я думаю, некоторые из худших черт современного мира могли бы быть устранены за счет большей поддержки таких знаний и менее жесткой ориентацией на простую профессиональную компетентность.

Когда сознательная деятельность целиком сконцентрирована на какой-то одной определенной цели, конечным результатом для большинства людей будет дисбаланс, сопровождаемый какой-либо формой нервного расстройства. Люди, контролировавшие немецкую политику во время войны 1914–1918 гг., делали ошибки (например, что касается похода подводных лодок, который привел Америку на сторону союзников), которые любой человек со свежим подходом к предмету мог распознать как неразумные, но о которых они не могли судить здраво по причине умственного перенапряжения и отсутствия

отдыха. Такого же рода вещи можно увидеть везде, где группы людей пытаются достичь целей, поставленных на основании спонтанных импульсов, но требующих для своего достижения длительного напряжения сил. Японские империалисты, русские коммунисты и немецкие нацисты — все действуют на основании своего рода возбужденного фанатизма, который исходит из существования исключительно в вымышленном мире определенных задач, которые необходимо выполнить. Когда задачи настолько важны и настолько реализуемы, как полагают фанатики, результат может быть великолепным; но в большинстве случаев ограниченность их мировоззрения приводила в движение некие могущественные противодействующие силы или представляла эти силы как порождение дьявола, заслуживающее наказания. Взрослым, так же как и детям, необходима игра, т. е. им необходимы периоды деятельности, не имеющие никакой цели, кроме сиюминутного наслаждения. Но если игра выполняет эти свои функции, то становится возможным найти удовольствие и интерес в вопросах, не связанных с работой.

Развлечения современного городского населения имеют склонность быть все более и более пассивными и коллективными и состоять из неактивного наблюдения за искусными действиями других. Несомненно, такие развлечения гораздо лучше, чем их отсутствие, но они не настолько хороши, как те, которые были бы у населения, обладающего благодаря образованию, широким кругом интеллектуальных интересов, не связанных с работой. Лучшая экономическая организация, позволяющая человечеству получать выгоду от производительности машин, должна привести к очень большому увеличению времени для досуга, а продолжительный досуг не может быть утомительным только для тех, у кого есть значительные интеллектуальные занятия и интересы. Чтобы праздное население было счастливо, оно должно быть образованно и оно должно быть обучено так, чтобы понимать как умственное удовольствие, так и непосредственную пользу технических знаний.

Культурный элемент в приобретении знаний, при условии успешного усвоения, формирует характер человеческих мыслей и желаний,

побуждая людей, по меньшей мере частично, интересоваться различными имперсональными ценностями, а не только вопросами, имеющими сиюминутную ценность для них лично. Слишком легко было сделано допущение того, что если человек развивает определенные способности посредством знаний, он будет использовать их социально полезным способом. Узкоутилитарная концепция образования игнорирует необходимость воспитания в человеке, наряду с развитием его способностей, каких-либо устремлений. В невоспитанной человеческой натуре есть очень значительный элемент жестокости, который проявляет себя во многих мелких и крупных вещах. Мальчики в школе стремятся вести себя плохо в отношении к новичку или к тому, чья одежда не совсем обычна. Многие женщины (и немало мужчин) причиняют так много, как только могут, боли злобными сплетнями. Испанцы наслаждаются боями быков, британцы — охотой и стрельбой. Те же жестокие импульсы принимают более серьезные формы в охоте на евреев в Германии и на кулаков в России. Империализм дает простор этим импульсам, и в войне они утверждаются в виде высшей формы общественного долга.

Здесь следует добавить, что и высокообразованные люди иногда жестоки, но я думаю, и в этом плане не может быть сомнений, что они встречаются не так часто, как люди, чье сознание не развито. Задиры в школе — это редко те мальчики, чьи способности в обучении выше средних. Когда происходят линчевание, зачинщики почти неизменно очень невежественные люди. Это происходит не потому, что умственное развитие порождает позитивные гуманные чувства, хотя это и возможно, а скорее потому, что оно порождает другие интересы, нежели дразни соседей, и другие источники самоуважения, чем утверждение власти. Две вещи составляют наиболее универсальные желания — это власть и восхищение. Невежественные люди могут, как правило, достигать и того и другого только грубыми методами, в том числе овладением физическим мастерством. Культура и образование дают человеку возможность обрести менее пагубные формы власти и более достойные пути достижения восхищения собой. Галилей сделал больше, чем любой монарх, чтобы изменить мир, и его сила

неизмеримо превосходила силу его преследователей. Поэтому ему не нужно было ставить перед собой цель становиться, в свою очередь, преследователем.

Возможно, самое важное преимущество «бесполезного» знания в том, что оно способствует созерцательному складу ума. В мире существует слишком много готовности не только к действиям без надлежащего предварительного обдумывания, но также к случайным действиям, на которые мудрый человек не пошел бы. Люди демонстрируют такое свое пристрастие различными любопытными способами. Мефистофель говорил юному студенту: «Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет», — и каждый цитирует это так, как будто это было мнение Гете, хотя он просто предполагал, что мог бы сказать дьявол студенту-выпускнику. Гамлет представляется как ужасное предостережение против мысли без действия, но никто не представляет Отелло как предостережение против действия без мысли. Профессора, такие как Бергсон, из-за своего определенного снобизма по отношению к практическому человеку умаляют значение философии и говорят, что жизнь в своих лучших проявлениях должна быть похожа на кавалерийскую атаку. Со своей стороны, я думаю, что наилучшее действие — то, что осуществляется на основе глубокого понимания Вселенной и человеческой судьбы, а не только из необузданно страстного импульса романтического, но несоразмерного самоутверждения. Привычка находить удовольствие в мысли более, чем в действии — это гарантия против неблагоразумия и чрезмерной любви к власти, средство сохранять спокойствие в несчастье и спокойствие духа среди волнений. Жизнь, ограниченная только личным, вероятно, рано или поздно становится непереносимо тягостной, только окно в больший мир делает многие трагические ситуации жизни переносимыми.

Созерцательный склад ума имеет ряд преимуществ, от самых тривиальных до самых основательных. Начиная с незначительных неприятностей, таких как резкие замечания, пропущенные поезда, придирчивые товарищи. Такие затруднения, кажется, едва ли стоит встречать ответными проявлениями героизма, и раздражение, которое они

вызывают, разрушают хорошее настроение и удовольствие от жизни у многих людей. В таких случаях большое утешение можно найти в малоизвестных знаниях, имеющих некую реальную или причудливую связь с конкретной проблемной ситуацией, или даже, если они не имеют никакой связи, то помогают устранить неприятности из мыслей. Будучи атакованным людьми, бледными от ярости, приятно вспомнить главу в декартовском «Трактате о страстях», озаглавленную так: «Почему тех, кто становится бледным от гнева, следует опасаться больше, чем тех, кто становится красным». Когда один испытывает беспокойство по поводу трудности сохранения международного сотрудничества, беспокойство другого уменьшается, если он случается, вспоминает о Святом короле Луи IX, который прежде чем отправится в свой крестовый поход, вступил в союз с Горным старцем¹, который появляется в «Тысяче и одной ночи» как темный источник зла в мире. Когда угнетает растущая жадность капиталистов, кто-то может вдруг утешиться воспоминанием о том, что Брут, этот пример республиканской добродетели, ссудил деньги городу под 40 процентов и нанял частную армию осадить его, когда город не смог заплатить проценты.

Занимательное обучение не только делает неприятные вещи менее неприятными, но также делает приятные вещи более приятными. Я получаю гораздо больше удовольствия от персиков и абрикосов с тех пор, как узнал, что они впервые начали выращиваться в Китае в начале Ханской династии, что китайские пленные, удерживаемые великим королем Каниским, распространили их в Индии, откуда они пришли в Персию, достигли Римской империи в I в. н. э., что слово «apricot» (абрикос) происходит из того же латинского корня, что и слово «precocious», (скороспелый), потому что абрикос поспевает рано, и что А в начало было добавлено по ошибке, вследствие неправильной этимологии. Все это делает вкус фрукта более сладким.

Примерно сто лет назад несколько благонамеренных филантропов основали общество «за распространение полезных знаний», в

¹ Горный старец — Шейх-аль-Джебелъ, глава государства ассасинов. (Сирия, XII в.) — *Прим. ред.*

результате люди перестали ценить восхитительный вкус к бесполезным знаниям. Открыв Бартоновскую «Анатомию меланхолии» случайно в день, когда мне грозило пребывание в таком настроении, я выяснил, что существует «вещество меланхолии», но хотя некоторые думают, что оно может быть вызвано всеми четырьмя основными «соками» организма¹, «Гален полагал, что оно может быть порождено только тремя, исключая флегму или слизь. Это суждение твердо поддерживали Валериус и Менардус, а также Фускиус, Монталтус, Монтанус. Как, говорили они, может белое стать черным?» Несмотря на этот неопровержимый аргумент, Геркулес Саксонский и Кардан, Гианериус и Лаурентиус, как говорит нам Бартон, придерживались противоположного мнения». Успокоенная этими историческими экскурсами, моя меланхолия, благодаря то ли трем «сокам», то ли четверем, рассеялась. Как лекарство для слишком усердных, я не могу представить средство более эффективное, чем курс такой древней полемики.

Но в то время, как тривиальные удовольствия от культуры служат облегчению мелких забот практической жизни, более важные достоинства размышления проявляются в отношении к величайшим несчастьям жизни: смерти, боли, жестокости или слепой устремленности наций к ненужной катастрофе. Те, кого больше не успокаивает догматичная религия, нуждаются в некоей замене, если жизнь становится неинтересной, суровой, наполненной ежедневным самоутверждением. Теперешний мир полон озлобленных эгоцентричных групп, каждая из которых неспособна увидеть человеческую жизнь в целом и предпочтет разрушить цивилизацию, чем уступить хоть на дюйм. Никакое количество технических инструкций не обеспечит противоядия от этой ограниченности. Противоядие, в том что касается индивидуальной психологии, должно быть найдено в истории, биологии, астрономии и во всех тех предметах, которые, не разрушая чувства собственного достоинства, дают возможность личности видеть себя в истинном свете. Что необходимо, так это не та или иная конкретная информация, а такие знания, которые тайно внушают понятие целей человеческой жизни в целом: искусство и история, знаком-

¹ Кровь, флегма, желчь и черная желчь. — *Прим. перев.*

ство с жизнью героических личностей, и понимание удивительно случайного и эфемерного положения человека во Вселенной — все это касается чувств, в высшей степени отличительно человеческих, силы видеть и знать, проявлять великодушие, думать и понимать. Мудрость берет начало из глубокого понимания, соединенного с бескорыстным чувством.

Жизнь, во все времена полная боли, в наше время тяжела более, чем в предыдущие два века. Попытка избежать боли приводит простого человека к обыденности, самообману, к измышлению многочисленных массовых мифов. Но это временное облегчение в конечном счете только увеличивает источники страданий. Как с личными, так и с общественными неудачами, можно справиться только при помощи процесса, в котором воля и разум взаимодействуют: воля для того, чтобы отказаться от искушений дьявола или не принимать нереальных решений, тогда как дело разума понять неудачу, найти выход, если проблема решается, а если нет, сделать ее переносимой, рассмотрев ее в различных взаимосвязях, приняв ее как неизбежную и вспомнив о том, что существует, помимо этой неудачи, в других странах, других веках и глубинах космического пространства.

СУЕВЕРНА ЛИ НАУКА?

Публикация 1941 г.

СОВРЕМЕННАЯ жизнь опирается на науку в двух отношениях. С одной стороны, мы все зависим от научных изобретений и открытий в том, что касается нашего хлеба насущного, наших удобств и времяпрепровождения. С другой стороны, определенный склад ума, связанный с научным мировоззрением, которым обладали лишь немногие гениальные личности, постепенно, в течение последних трех столетий, получил распространение и среди большей части населения. Хотя эти научные процессы были неразрывно связаны довольно длительный период, любое из них могло спокойно существовать без другого несколько столетий. Почти до конца XVIII века научный склад ума не оказывал большого влияния на повседневную жизнь, если только он не приводил к великому открытию, ускорявшему технический прогресс и производившему переворот в развитии техники. С другой стороны, стиль жизни, который диктует наука, может быть перенят лишь населением, обладающим определенными зачатками научных знаний; такое население сможет производить и использовать машины и механизмы, изобретенные еще где-нибудь, и даже сможет немного усовершенствовать их. Если коллективный разум человечества будет деградировать, некоторые виды техники, используемые в повседневной жизни, результат научных изысканий, тем

не менее сохранятся и, по всей вероятности, будут служить еще в течение жизни нескольких поколений, но это не значит, что они будут действовать всегда, так как если они будут серьезно повреждены в результате катаклизма, их не смогут реконструировать.

Таким образом, со всех точек зрения научное мировоззрение — вопрос чрезвычайной важности для человечества. Но научное мировоззрение само по себе имеет двойственный характер, так же как и художественное мировоззрение. Творец и критик — разные люди, и у них совершенно разный склад ума. Творец науки, как и любой другой, склонен вдохновляться страстями, которым он придает интеллектуальное выражение вплоть до сдержанной веры, без которой он, быть может, достиг бы немногого. Критик не нуждается в такой вере, он сам может анализировать проблемы, делать необходимые оговорки и считает творца по сравнению с самим собой грубой и варварской личностью. Поскольку цивилизация становится более сложной по структуре и более традиционной, появляется тенденция к тому, чтобы склад ума критиков победил в тех, кто мог бы стать творцом, в результате этого рассматриваемая цивилизация становится византийской и обращенной в прошлое. Что-то подобное, кажется, начинает происходить и в науке. Простая вера, которая поддерживает первооткрывателей, разрушается в центрах цивилизации. Отдаленные народы, такие как русский, японский и молодой китайский, все еще восхищаются наукой с пылом XVII в.; так же поступает и основная масса населения западных стран. Но высшие священнослужители начинают уставать от церковной службы, которую они официально обязаны отправлять. Благочестивый молодой Лютер чтит «свободомыслящего» Папу, позволившего приносить в жертву Юпитеру рогатый скот, чтобы обеспечить свое выздоровление от болезни. Так, в наши дни люди, далекие от центров культуры, относятся к науке с тем почтением, которого не чувствуют больше ее авгуры. «Научный» материализм большевиков, как и ранний немецкий протестантизм, представляет собой попытку сохранить прежнюю почтительность в форме, которую и друзья и враги считают новой. Но их пламенная вера в буквальное озарение Ньютона только ускоряет распространение науч-

ного скептицизма среди «буржуазных» ученых Запада. Наука как вид деятельности, признанный и поддерживаемый Государством, становится политически консервативной, кроме таких мест, как, например, штат Теннесси, пребывающий в донаучном состоянии. Большинство ученых мужей в наши дни не верят в важность сохранения *status quo*. Поэтому они ограничивают сферу влияния науки в общественной жизни и уступают многим требованиям консервативных сил, таких как религия.

Несмотря на это, ученые сталкиваются с большими трудностями. Хотя представители науки в основной своей массе консервативны, наука все еще остается основной движущей силой изменений в жизни. Возбуждение общественного сознания, производимое переменами в Азии, Африке и среди промышленного населения Европы, часто не устраивает сторонников консервативного взгляда на вещи. Отсюда возникает сомнение в ценности науки, поддерживаемое скептицизмом Первосвященников. И если бы только это было единственной причиной, это могло бы быть не так важно. Но оно подкреплено настоящими интеллектуальными трудностями, которые, если они окажутся непреодолимыми, похоже, могут положить конец эре научных открытий. Я не говорю о том, что это произойдет внезапно. Россия и Азия еще могут сохранять веру в науку, которую теряет Запад, в следующем столетии. Но рано или поздно, если логические аргументы против этой веры окажутся неопровержимыми, они убедят людей, которые, по разным причинам, могут мгновенно разочароваться; а убедившись однажды, сочтут невозможным вернуть и остатки прежнего доверия. Поэтому все обстоятельства, свидетельствующие против научного *кредо*, заслуживают самой тщательной проверки.

Когда я веду речь о научном *кредо*, я говорю не просто о том, что логически подразумевается под непреложностью научной истины; я говорю о чем-то более восторженном и менее рациональном, а именно — о системе убеждений и эмоций, которая делает человека великим ученым. Вопрос состоит в том, могут ли такие убеждения и эмоции выжить в среде людей, обладающих такими интеллектуальными способностями, без которых невозможны научные открытия.

Две недавно вышедшие и очень интересные книги помогут нам разобраться в природе этой проблемы. Книги, о которых я говорю, это «Метафизические основы современной науки» (1924) Барта и «Наука и современный мир» (1926) А. Уайтхеда. Каждая из них критикует систему идей, которыми современный мир обязан Копернику, Кеплеру, Галилею и Ньютоном: первая — почти целиком с исторической точки зрения, вторая — и с исторической, и с логической. Книга доктора Уайтхеда наиболее важна для нас, так как она не просто критическая, но и конструктивная и стремится сформулировать интеллектуально удовлетворительные основания для будущей науки, которые одновременно будут и эмоционально удовлетворять высоконаучные устремления человечества. Я не могу принять логические аргументы, выдвинутые доктором Уайтхедом в пользу того, что может быть названо «приятной» частью его теории: если принимать необходимость интеллектуальной перестройки научных концепций, я склоняюсь к тому, что новые понятия будут расходиться с нашими неинтеллектуальными эмоциями в той же степени, что и прежние, и будут, следовательно, приняты только теми, кто имеет сильные эмоциональные пристрастия в пользу науки. Но давайте рассмотрим этот аргумент.

Начнем с исторического аспекта. «Не может существовать живой науки, — говорит доктор Уайтхед, — пока существует широко распространенная инстинктивная уверенность в существовании определенного *порядка вещей*, и в особенности *законов Природы*». Наука могла создаваться только людьми, уже имеющими это убеждение, и, следовательно, источники происхождения этого убеждения должны быть до-научными. Но в сложный склад ума, который был необходим для становления науки, должны были входить и другие элементы. Греческий взгляд на мир, утверждает он, был преимущественно драматическим и поэтому стремился подчеркнуть скорее конец, чем начало: это было недостатком с точки зрения науки. С другой стороны, греческая трагедия содействовала распространению идеи Фатума, которая поддерживала точку зрения, согласно которой события обязательно происходят по естественным законам. «Судьба в греческой трагедии становится законом Природы в современном мышлении».

Этот детерминистский взгляд был подкреплен Римским правом. Римские правители, в отличие от восточных деспотов, действовали (по меньшей мере в теории) не произвольно, а согласно прежде установленным правилам. Подобно им, христиане представляли себе Бога действующим в соответствии с законами, хотя это и были законы, которые установил сам Бог. Все это содействовало становлению концепции Закона Природы, который является существенным элементом научного мышления.

Доктор Барт с восхищением излагает схоластические убеждения, вдохновлявшие работу первооткрывателей XVI и XVII вв., прибегая при этом к помощи множества малоизвестных источников. Так, например, оказывается, Кеплер вдохновлялся отчасти чем-то вроде Зороастристского культа Солнца, который он воспринял в критический период в юности. «Прежде всего, идея обожествления Солнца и его правильного размещения в центре Вселенной занимали пылкое воображение Кеплера в годы юности и побудили его принять новую систему». Во время эпохи Ренессанса существовала некоторая враждебность по отношению к христианству, основанная преимущественно на восхищении языческой античностью; эту враждебность, как правило, не смели выражать открыто, но данное течение привело, например, к возрождению астрологии, которую церковь осуждала, так как она включала в себя физический детерминизм. Выступление против христианства ассоциировалось с ересью практически в той же степени, что и с наукой, а иногда, как в случае с Кеплером, — и с тем и с другим.

Но есть и другой, столь же существенный элемент, но отсутствовавший в средние века и не столь распространенный в античности, а именно интерес к «упрямым и непреложным фактам». Интерес к таким фактам до эпохи Ренессанса проявляли только отдельные личности, например император Фридрих II и Роджер Бэкон, но в эпоху Ренессанса он внезапно приобрел общий характер среди передовых людей. Мы обнаруживаем это у Монтезя, но уже без интереса к Естественному закону, из чего следует, что Монтезь не был человеком науки. Своеобразная смесь общих и частных интересов вовлекается

в развитие науки; частное изучается в надежде, что это поможет пролить свет на общее. В средние века полагали, что, теоретически, частное можно дедуцировать из общих принципов. В эпоху Ренессанса эти общие принципы приобрели дурную славу, и страсть к исторической древности породила большой интерес к частным событиям. Этот интерес оказывал влияние на сознание, воспитанное в греческих, римских и схоластических традициях, и создал, наконец, такую мыслительную атмосферу, которая сделала возможным появление Кеплера и Галилея. И, естественно, что-то из этой атмосферы окружало их работу и передавалось их теперешним преемникам. «Наука никогда не отказывалась от своего происхождения в историческом бунте позднего Ренессанса. Она сохранила преимущественно антирационалистическое направление, основанное на наивной вере. Необходимые умозаключения были заимствованы из математики, выжившего реликта греческого рационализма, следуя дедуктивному методу. Наука отреклась от философии. Другими словами, она никогда не заботилась о том, чтобы оправдать эту веру или объяснить ее значение, и осталась вежливо равнодушной к ее опровержению Юмом».

Может ли выжить наука, если отделить ее от суеверий, питавших ее становление? Равнодушие науки к философии было, конечно, следствием удивительного успеха; она увеличила ощущение человеческой силы и должна была, следовательно, находиться в полном соответствии и гармонии, несмотря на ее случайные конфликты с теологической ортодоксальностью. Но в недавние времена собственные проблемы заставили науку заинтересоваться философией. Особенно это верно в отношении теории относительности, с ее сжатием пространства и времени в единый пространственно-временной порядок. Это верно также и в отношении квантовой теории с ее очевидной потребностью в прерывистом движении. Также в другой сфере физиология и биохимия посягают на психологию, которая угрожает жизненному пространству философии. Поведенческая теория доктора Уотсона возглавляет эту атаку, которая, хотя и отрицает уважение философской традиции, тем не менее обязательно опирается на собственную новую философию. По этим причинам наука и философия

не могут дольше сохранять вооруженный нейтралитет, а должны быть либо друзьями, либо врагами. Они не могут быть друзьями до тех пор, пока наука не пройдет проверку, которую должна проделать философия в отношении ее предпосылок. Если они не смогут стать друзьями, то они разрушат друг друга, так как невозможна более ситуация противостояния.

Доктор Уайтхед предлагает два возможных варианта философского оправдания науки. С одной стороны, он представляет некоторые новые понятия, посредством которых физика теории относительности и квантовая физика могут быть построены в интеллектуально более удовлетворительном виде, нежели любые другие, являющиеся отрывочными добавлениями к старой концепции твердой материи. Эта часть его работы, хотя и не развитая со всей полнотой, на которую мы могли бы надеяться, лежит в пределах науки в широком смысле слова и поддается оправданию обычными методами, которые заставляют нас предпочитать одну теоретическую интерпретацию определенного набора фактов другой. Технически это сложно, и я не буду больше к этому возвращаться. С нашей, современной, точки зрения, важный аспект работы доктора Уайтхеда — это его философские рассуждения. Он не только предлагает нам лучшую науку, но и философию, которая сделает эту науку рациональной в том смысле, в котором традиционная наука перестала быть рациональной со времен Юма. Эта философия, в целом, весьма похожа на философию Бергсона. Трудность, как мне кажется, заключается в том, что когда новые понятия доктора Уайтхеда будут включены в формулы, поддающиеся обычным научным или логическим тестам, они уже не будут включать его философию; следовательно, его философия должна быть принята за ее скрытые достоинства. Мы не должны принимать ее просто на основе того, что она, в случае своей истинности, оправдывает науку, так как спорным вопросом является то, может ли наука быть оправдана. Нам сразу следует проверить, кажется ли нам это истинным на самом деле, и мы увидим, что находимся в плену старых дилемм.

Я рассмотрю лишь один, но решающий пункт. Бергсон, как известно, считает прошлое чем-то живущим лишь в памяти. Он утверждает,

что в действительности ничего никогда не забывается; и с этим, кажется, согласен доктор Уайтхед. Это очень неплохо, даже звучит поэтически, но не может (как мне кажется) быть принято в качестве научного тщательного метода установления фактов. Если я вспоминаю какие-либо прошлые события, скажем, мой приезд в Китай, то будет просто фигурой речи сказать: «Я снова прилетаю в Китай». Когда я вспоминаю, возникают определенные слова или образы, и они связаны с тем, что я вспоминаю, и причинным образом, и посредством определенного сходства, часто мйньшим, чем сходство логической структуры. Научная проблема связи воспоминаний с прошлым событием остается неизученной, даже если мы предпочтем сказать, что воспоминания представляют собой живое прошлое. Поскольку если мы утверждаем это, то мы должны, тем не менее, допустить, что событие изменилось со временем, и мы столкнемся с научной проблемой поиска законов, в соответствии с которыми оно изменилось. Назовем ли мы воспоминание новым событием или старым, но значительно измененным, для научной проблемы это не будет иметь значения.

Громкие скандалы в философии науки еще со времен Юма были связаны с причинностью и индукцией. Мы верили и в ту и в другую, но Юм заставил нас думать, что наши убеждения — это слепая вера, за которой нет никакой рациональной основы. Доктор Уайтхед полагает, что его философия дает ответ Юму. Так же полагал и Кант. Я сам не способен принять ни тот ни другой ответ. И все же я, как и другие люди, не могу не надеяться, что ответ должен быть. Такое положение дел совершенно неудовлетворительно и в дальнейшем будет еще более таковым, так как наука становится более связанной с философией. Мы должны надеяться, что ответ будет найден, но я почти не способен поверить, что он был найден.

Наука в ее теперешнем состоянии представляется частично приемлемой, частично — нет. Она удовлетворяет нас из-за той силы, которую она дает нам, чтобы манипулировать окружающей средой. Для небольшого, но важного меньшинства она приемлема, так как приносит интеллектуальное удовлетворение. Она не всегда устраивает нас,

потому что как бы мы ни стремились скрыть этот факт, наука допускает детерминизм, который, теоретически, включает в себя возможность предсказуемости человеческих действий, и в этом отношении она, кажется, уменьшает человеческие возможности. Естественно, что люди желают сохранить приятные аспекты и избежать неприятных; но пока такие попытки не удавались. Если мы будем подчеркивать тот факт, что наша вера в причинность и индукцию иррациональна, нам придется заключить, что мы не знаем, истинна ли наука, и что она в любой момент может перестать позволять нам контролировать окружающую среду в том виде, в котором нам это выгодно. Однако, эта альтернатива чисто теоретическая, и современный человек не может использовать ее на практике. Если, с другой стороны, мы примем требования научного метода, мы не сможем избежать того заключения, что причинность и индукция применимы к человеческой воле в той же степени, как и к чему-либо еще. Все, что произошло в двадцатом столетии в физике, психологии и физиологии, укрепляет нас в этом заключении. Итог, по всей видимости, таков: несмотря на то, что рациональное оправдание науки теоретически неадекватно, не существует метода сохранения приятной стороны науки без неприятной. Мы можем не замечать этой неприятной стороны, конечно, если мы откажемся смотреть в лицо логике ситуации; но если так, то мы истощим источник, дающий импульс научным открытиям, то есть желание понять мир. Остается надеяться, что будущее предложит нам более удовлетворительное решение этой сложной проблемы.

ЧТО ТАКОЕ ДУША?

Написано в 1928 г.

Одним из наиболее болезненных последствий недавних успехов науки является то, что каждый из этих успехов показывал нам, что мы знаем меньше, чем думали. Когда я был молод, все знали или думали, что знали, что человек состоит из души и тела; что тело существует во времени и пространстве, а душа — только во времени. По вопросу о том, продолжает ли душа существовать после смерти, мнения расходились, но то, что душа существует, считали бесспорным. Что касается тела, то простой человек, конечно, считал его существование очевидным, и также считал ученый, но философ был способен анализировать его тем или иным образом, сводя обычно его существование к идеям в сознании человека, которому принадлежало тело, и кого-либо еще, кто, случалось, замечал его. Философа, однако, не принимали всерьез, и наука оставалась удобно материалистичной, даже в руках довольно ортодоксальных ученых.

В наши дни эти добрые, старые, простые истины потеряны: физики уверяют нас, что не существует такой вещи, как материя, а психологи уверяют нас, что не существует такой вещи, как сознание. Это беспрецедентный случай. Кто когда-нибудь слышал о сапожнике, говорящем, что не существует такой вещи, как ботинки, или о портном, утверждающем, что все люди на самом деле голые? Это не было бы более странно, чем то, что заявляют физики и некоторые психологи. Если начать с последних, то некоторые из них пытаются свести все, что представляется психической активностью, к активности тела.

Существуют, однако, различные трудности в способе редукции психической активности к физической. Я не думаю, что мы можем уже с какой-нибудь уверенностью сказать, являются ли эти трудности непреодолимыми. На основании же самой физики мы можем сказать, что то, что мы до сих пор называли нашим телом, на самом деле является тщательно разработанной научной конструкцией, не соответствующей никакой физической реальности. Современный якобы материалист, таким образом, оказывается в забавном положении, когда, несмотря на то, что он может в какой-то мере успешно редуцировать активность психическую к телесной, он не может объяснить тот факт, что тело само по себе является просто удобным понятием, придуманным разумом. Таким образом, мы все время ходим по кругу: разум — это эманация тела и тело — изобретение разума. Очевидно, это не может быть вполне верно, и нам приходится обращаться к чему-то, что и не есть ни тело, ни разум, и из чего и то и другое может брать начало.

Начнем с тела. Простой человек думает, что материальные объекты, без сомнения, должны существовать, поскольку они очевидны для наших 5 чувств. Можно сомневаться в чем угодно, но не в том, обо что можно удариться; это метафизика простого человека. Это все очень хорошо, но физики, проанализировав ситуацию, показывают, что вы никогда ни обо что не ударитесь; даже когда вы бьетесь головой об стену, вы на самом деле не касаетесь ее. Если вы думаете, что вы касаетесь какой-либо вещи, то на самом деле существуют определенные электроны и протоны, формирующие часть вашего тела, притягивающиеся и отталкивающиеся определенными электронами и протонами той вещи, с которой, как вы думаете, вы соприкасаетесь, но фактически контакта нет. Электроны и протоны вашего тела, заряжаясь от близости других электронов и протонов, приходят в движение и посылают импульс по вашим нервным волокнам в мозг. Воздействие на мозг — это то, что необходимо для вашего ощущения контакта, и с помощью соответствующих экспериментов это ощущение можно сделать довольно обманчивым. Электроны и протоны сами, однако, только первое грубое приближение, способ собирания в один пучок либо цепи колебаний, либо статистической вероятности раз-

личных видов событий. Таким образом, материя стала в целом слишком призрачной для того, чтобы использоваться в качестве подходящего оружия воздействия на сознание. Материя в движении, которая когда-то представлялась столь неоспоримой, оказалась довольно неадекватным для физики понятием.

Тем не менее, современная наука не дает никаких указаний на то, существует ли душа или сознание как некая сущность. На самом деле, причины для сомнения в ее существовании весьма похожи на причины сомнения в существовании материи. Сознание и материя были в чем-то похожи на льва и единорога, борющихся за корону; результат битвы — не победа одного над другим, а открытие, что оба суть геральдическая выдумка. Мир состоит не из вещей, а из событий, которые существуют в течение длительного времени и обладают меняющимися свойствами. События можно классифицировать согласно их причинно-следственным взаимосвязям. Если причинно-следственные взаимосвязи одного рода, то соответствующая группа событий может быть названа физическим объектом, а если они другого рода, то соответствующая группа событий может быть названа сознанием. Любое событие, происходящее в голове человека, будет принадлежать к группам обоих видов; рассмотренное как принадлежащее к группе одного вида, оно будет элементом его мозга, а рассмотренное как принадлежащее к группе другого вида — элементом его сознания.

Таким образом, и сознание и материя являются просто удобными способами организации событий. Не существует причин для предположения того, что какая-то часть сознания или материи бессмертна. Предполагается, что Солнце теряет порядка миллиона тонн материальной субстанции в минуту. Наиболее существенна характеристика сознания — память, и нет никаких причин предполагать, что память конкретного человека уцелеет после его смерти. На самом деле, существуют все причины предполагать противоположное, поскольку память ясно связана с определенного вида структурой мозга, а вследствие смерти разрушение этой структуры необратимо, то есть все причины предполагать, что память также должна исчезнуть. Хотя метафизический материализм не может считаться истинным, в эмо-

циональном плане мир во многом остается тем же, каким бы он был, если бы материалисты были правы. Я думаю, оппонентами материализма двигают два основных желания: первое — доказать, что сознание бессмертно, и второе — доказать, что первичная сила во Вселенной скорее психическая, чем физическая. В отношении обоих вопросов, я думаю, материалисты были правы. Наши желания, бесспорно, имеют значительное воздействие на поверхность Земли; большая часть суши на этой планете была бы иной, если бы человек не выращивал на ней хлеб, не извлекал бы из нее природные богатства. Но наше воздействие строго ограничено. На сегодняшний день мы никак не можем влиять на Солнце, Луну или даже на внутреннюю структуру Земли, и не существует ни малейшего основания предположить, что если нечто произойдет в тех пространственных регионах, на которые наша сила не распространяется, то в основе этого изменения будет лежать какая-либо психическая причина. Короче говоря, нет оснований полагать, что нечто во Вселенной, за исключением поверхности Земли, произойдет только потому, что кто-то захотел, чтобы это произошло. И так как сила нашего воздействия на поверхность Земли полностью зависит от энергетических ресурсов, которые Земля получает от Солнца, то мы с необходимостью зависим от Солнца, и едва ли сможем реализовать какое-либо из наших желаний, если Солнце остынет. Конечно, поспешно делать авторитетные заявления о том, чего наука может достигнуть в будущем. Мы можем научиться продлевать человеческую жизнь на больший срок, чем сегодня представляется возможным, но если есть хотя бы крупница истины в современной физике, в частности во втором законе термодинамики, то мы не можем надеяться на то, что человеческая раса будет существовать вечно. Некоторые люди сочтут это заключение мрачным, но если мы будем честны с собой, то должны добавить, что то, что произойдет через много миллионов лет, не представляет большого в эмоциональном плане интереса для нас здесь и сейчас. Наука, несмотря на то, что она уменьшает наши вселенские притязания, чрезвычайно повышает наш земной комфорт. Поэтому, несмотря на ужас богословов, к существованию науки, в целом, можно относиться терпимо.

СТОИЦИЗМ И ДУШЕВНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Написано в 1928 г.

При помощи средств современной психологии многие проблемы образования, над которыми бились прежде (весьма неудачно) посредством чисто морального наказания, сейчас решаются менее прямыми, но все же более научными методами. Возможно, это лишь тенденция, особенно среди наименее информированных фанатиков психоанализа, думать, что более нет нужды в стоическом самообладании. Я не разделяю этого взгляда и в данной статье хочу рассмотреть несколько ситуаций, где оно необходимо, и несколько методов, которыми оно может быть воспитано в молодежи, а также кое-какие опасности, которых следует избегать в этом воспитании.

Давайте начнем с наиболее трудной и наиболее существенной проблемы, поднятой стоицизмом: я имею в виду Смерть. Существуют различные попытки совладать со страхом смерти. Мы можем попробовать игнорировать и никогда не говорить о смерти или всегда пытаться повернуть наши мысли в ином направлении, когда обнаруживаем себя лицом к лицу со смертью. Это метод «людей-бабочек» в «Машине времени» Уэллса. Мы можем вести себя совершенно иначе и постоянно размышлять о краткости человеческой жизни в надежде, что фамильярность в отношении к смерти вызовет к ней презре-

ние; то был курс, выбранный Карлом V в монастыре после своего отрешения. Был такой член Совета Кембриджского колледжа, который зашел так далеко, что поставил в своей комнате гроб и выходил на лужайки колледжа с лопатой резать червей пополам, говоря при этом: «Нет, вы еще до меня не добрались!» Существует и третий путь, широко распространенный: убедить себя и других, что смерть не есть смерть, а врата в новую и лучшую жизнь. Эти три метода, смешанные в различных соотношениях, покрывают большую часть способов человека приспособиться к тому неудобному факту, что мы умираем.

Однако для каждого из этих методов существуют возражения. Попытка избежать размышлений об эмоционально интересующем предмете, как заметили фрейдисты в связи с сексом, определенно будет неудачной и приведет к различным видам нежелательных искажений. Сейчас, конечно, можно скрыть в сознании ребенка знание о смерти в какой-либо мучительной форме в течение ранних лет. Получится это или нет — дело случая. Если умирает кто-либо из родителей, брат или сестра, ничто не может оградить ребенка от обретения эмоционального осознания смерти. Даже если благодаря удачному совпадению событий факт смерти не станет очевидным для ребенка в ранние годы, это произойдет рано или поздно; и для тех, кто совсем не подготовлен, факт смерти, когда он случится, может стать довольно серьезным ударом. Мы должны, следовательно, постараться выработать некоторое иное отношение к смерти, чем простое игнорирование ее существования.

Практика постоянного размышления о смерти, по крайней мере, столь же пагубна. Ошибочно долго думать исключительно об одном предмете, тем более когда наше размышление не может завершиться действием. Мы можем, конечно, поступать так, чтобы отсрочить собственную смерть, и, в какой-то мере, так поступает любой нормальный человек. Но, в конечном счете, мы не можем оградить себя от смерти; стало быть, это бесполезный предмет размышления. Более того, это ведет к ослаблению интереса человека к другим людям и событиям, а только реальные интересы помогут сохранить душевное здоровье. Страх смерти заставляет человека чувствовать себя рабом

внешних сил, а рабская психология ни к чему хорошему не приведет. Если путем размышления человек может по-настоящему излечить себя от страха смерти, то он может и перестать размышлять над этим предметом; пока же смерть поглощает его мысли, это доказывает, что он не перестал бояться ее. Следовательно, этот метод не лучше, чем предыдущий.

Вера в то, что смерть есть врата в лучшую жизнь, логически должна предохранять человека от ощущения какого-либо страха перед смертью. К счастью для медицинской профессии, на самом деле, она не оказывает такого воздействия, за исключением нескольких редких случаев. Еще никто не установил, что верующие в будущую жизнь меньше боятся болезней или более отважны в битве, чем те, кто думает, что смерть есть конец всего. Покойный Ф. В. Г. Майерс, бывало, рассказывал, как он спросил одного человека за обеденным столом, что он думает о том, что случится с ним, когда он умрет. Мужчина попытался проигнорировать этот вопрос, но, под нажимом, ответил: «О, полагаю, что я должен унаследовать вечное блаженство, но мне бы не хотелось говорить с Вами о таких неприятных вещах». Причина этой очевидной непоследовательности состоит, конечно, в том, что религиозная вера для большинства людей существует только в сфере сознательного мышления, но не проникает на уровень измененных бессознательных механизмов. Если со страхом смерти можно победить, то нужно действовать с помощью метода, который влияет на поведение в целом, а не только на ту его часть, которая обычно называется сознательным мышлением. Религиозная вера может воздействовать на некоторую, но не на большую часть человечества. Помимо причин, названных бихевиоризмом, существуют два других источника этой несостоятельности: один — это некое сомнение, которое сохраняется, несмотря на пылкое вероисповедание, и демонстрирует себя в виде скептического гнева; другой — тот факт, что верующие в будущую жизнь склонны скорее подчеркивать, чем преуменьшать ужас, которым будет сопровождаться смерть, если наша вера окажется непрочной, и таким образом укреплять страх тех, кто не переживает ее с абсолютной уверенностью.

Что же тогда должны мы делать с молодыми людьми, чтобы приспособить их к миру, в котором существует смерть? Мы должны достичь трех целей, которые очень трудно совместить. (1) Мы не должны дать им почувствовать, что смерть — это тот предмет, о котором мы не хотим говорить или поощрять их думать о нем. Если мы дадим им это почувствовать, они сделают заключение, что это интересная тайна, и будут думать о ней еще больше. С этой точки зрения нам подходит обычное современное отношение к половому воспитанию. (2) Мы должны, тем не менее, вести себя так, чтобы оградить их, если можно, от долгих или частых размышлений над проблемой смерти. В отношении погружения в размышления о смерти существует возражение, подобное тому, что выдвигается в отношении увлечения порнографией, а именно то, что оно снижает эффективность действий и всестороннее развитие личности и ведет к поведению, неудовлетворительному как для самой личности, так и для остальных. (3) Мы не должны надеяться создать в ком-либо удовлетворительное отношение к предмету смерти с помощью аргументов, апеллирующих только к сознанию; в частности, ни к чему хорошему не приведут намерения показать, что смерть менее ужасна, чем какие-либо другие события, если (как это обычно и бывает) это убеждение не проникает на уровень бессознательного.

Чтобы добиться этих разнообразных целей, мы должны принять несколько разных методов, соответствующих опыту ребенка или юноши. Если человек близко не общался с умирающим ребенком, то ему довольно легко принять смерть как общий факт, не вызывающий большого эмоционального интереса. До тех пор, пока смерть абстрактна и внеличностна, о ней говорят обычным тоном, а не как о чем-то ужасном. Если ребенок спрашивает: «Я умру?» — надо ответить: «Да, но не скоро». Необходимо не допускать любого намека на тайну в отношении смерти. Ее надо отнести к той же области, что и испорченную игрушку. Но, конечно, желательно, если можно, сделать ее кажущейся более отдаленной, пока дети еще малы.

Когда умирает кто-то близкий для ребенка, ситуация иная. Предположим, например, что ребенок теряет брата. Родители несчаст-

ны, но несмотря на то, что они могут не желать, чтобы ребенок знал, как они несчастны, правильно и необходимо, чтобы он воспринимал *отчасти* их страдание. Очень важна естественная привязанность, и ребенок должен чувствовать, что его родители испытывают ее. Более того, если путем нечеловеческих усилий они скрывают от ребенка свое горе, он может подумать: «Они не будут беспокоиться, если я умру». Такая мысль может подтолкнуть развитие разного рода психических заболеваний. Следовательно, хотя шок от такого происшествия очень серьезен, если оно случается во время позднего детства (в раннем детстве оно не переживается так сильно), тем не менее, если оно случилось, мы не должны слишком минимизировать его значение. Этой темы не надо ни избегать, ни акцентировать ее; то, что можно сделать без какого-либо явного умысла, так это создать новые интересы, и, прежде всего, новые привязанности. Я думаю, что невероятная привязанность ребенка к какому-либо одному человеку довольно часто является признаком того, что что-то неладно. Такая привязанность может возникнуть к одному родителю, если другого родителя не очень любят, или к учителю, если не сложились отношения с обоими родителями. В общем это — следствие страха: предметом привязанности является только та личность, которая дает чувство безопасности. Но сама привязанность такого типа в детстве — нездоровое явление. Если такая привязанность существует, то смерть любимого человека вдребезги разбивает жизнь ребенка. Даже если внешне кажется, что все хорошо, каждая последующая любовь будет переживаться с чувством ужаса. Муж (или жена) и дети будут окружены чрезмерной заботой и будут восприниматься бессердечными, когда они будут просто жить своей собственной жизнью. Родители, следовательно, не должны чувствовать удовольствия, если станут предметом такой привязанности. Если ребенок в целом счастлив и имеет дружеское окружение, он без больших трудностей переживет боль любой потери, которая может с ним случиться. Воля к жизни и надежда будут достаточными, чтобы обеспечивать нормальные условия для роста и счастливой жизни.

В юности, однако, необходимо нечто более позитивное в способе отношения к смерти, чтобы взрослая жизнь молодого человека была удовлетворительной. Взрослый человек не должен много думать о смерти, ни о своей собственной, ни о смерти тех, кого он любит, не потому, что он специально направляет свои мысли к другим вещам, ибо это бесполезное упражнение, которое никогда не будет действительно успешным, а потому, что у него много разнообразных интересов и занятий. Когда он думает о смерти, лучше делать это стоически, осторожно и кладнокровно, не пытаясь убавить ее значения, но чувствовать своего рода гордость в возвышении над ней. Принцип тот же, что в случае с любым другим неприятным чувством: спокойное размышление над ужасающим — единственно возможное отношение. Нужно сказать себе: «Да, это может случиться, но что из того?» Люди достигают аналогичного состояния в случае смерти в бою, потому что тогда они полностью убеждены в обоснованности того, за что они отдают свою жизнь или жизнь дорогого им человека. Нечто похожее на это чувство желательно иметь человеку в любом возрасте. В любом возрасте человек должен чувствовать, что есть важные вещи, ради которых он живет, и что его смерть, или смерть его жены или ребенка не положит конец всему, что его интересует в этом мире. Чтобы это отношение в жизни взрослого человека было искренним и глубоким, необходимо, чтобы в юности он все делал с искренним энтузиазмом, и таким образом строил свою жизнь и карьеру. Юность есть период великодушия, и она должна быть использована для формирования благородных привычек. Это может быть достигнуто под влиянием отца или учителя. В лучшем обществе чаще всего это будет делать мать, но в настоящее время жизнь женщин, как правило, такова, что делает их мировоззрение слишком узким и недостаточно интеллектуальным для того, что я имею в виду. По той же самой причине молодые люди (как юноши, так и девушки) должны, как правило, иметь в качестве учителей мужчин, пока не вырастет новое поколение женщин, у которых будут более широкие интересы.

Вплоть до недавнего времени роль стоицизма в жизни, возможно, недооценивалась, в частности передовыми воспитателями. Когда уг-

рожает несчастье, существует два способа справиться с ситуацией: мы можем попытаться избежать несчастья, или мы решим встретить его стоически. Первый способ замечателен, если его можно применить, не запятнав себя трусостью; но последний необходим рано или поздно для каждого, кто не хочет быть рабом страха. Это отношение и есть стоицизм. Большой трудностью для воспитателя является то, что внушение стоицизма молодежи дает выход садизму. В прошлом принципы наказания были настолько свирепые, что воспитание открывало путь для жестокости. Возможно ли привить необходимый минимум дисциплины без появления удовольствия от причиненного ребенку страдания? Люди старой закалки будут, конечно, отрицать, что они испытывали подобное удовольствие. Всем известна история о мальчике, чей отец, ударив его розгами, сказал: «Мальчик мой, это причиняет мне большую боль, чем тебе!» На что мальчик ответил: «Тогда разреши мне, папа, сделать то же самое с тобой». Самуэль Батлер в книге «Путь всего живого» изобразил садистское наслаждение злых родителей способом, убеждающим любого современного студента-психолога. Что же тогда мы должны с этим делать?

Страх смерти — только один из многих, которые наилучшим образом преодолеваются стоицизмом. Есть страх перед нуждой, страх физической боли, страх деторождения, распространенный среди состоятельных женщин. Все эти страхи можно ослабить и, в какой-то мере, презреть. Но если мы выберем точку зрения, согласно которой люди не должны замечать такие вещи, мы должны будем также принять ту точку зрения, что не надо уменьшать зло. Долгое время думали, что женщины не должны пользоваться анестезией при деторождении; в Японии это мнение существует и по сей день. Доктора-мужчины говорят, что анестезия вредна; не существует причин для такого мнения, кроме, несомненно, бессознательного садизма. Но чем слабее становятся родовые муки, тем меньше остается у богатых женщин желания их претерпевать: их храбрость уменьшается быстрее, чем требуется. Очевидно, здесь должно существовать какое-то равновесие. Невозможно прожить всю жизнь легко и приятно, и, следовательно, люди должны быть способны соответствующим образом

относиться к неприятностям; при этом мы должны постараться не одобрять жестокость настолько, насколько это возможно.

Кто имеет дело с маленькими детьми, скоро начинает понимать, что слишком много симпатии по отношению к ним — это ошибка. Слишком мало симпатии, конечно, еще бóльшая ошибка, но здесь, как и везде, плоха любая крайность. Ребенок, который неизменно встречает симпатию, будет плакать при малейшей неудаче. Обычный самоконтроль обычного взрослого человека достигается только через знание, что симпатию по пустякам не получишь. Дети с готовностью понимают, что взрослый, который иногда немного строг, лучше для них; их инстинкт подсказывает им, любят их или нет; и с теми, кто, как они чувствуют, любит их, они будут мириться, несмотря на всю строгость требований, исходящих от этих людей. Таким образом, теоретически решение просто: пусть воспитателей будет воодушевлять мудрая любовь, и они будут поступать правильно. Фактически, однако, вопрос более сложен. Усталость, раздражительность, беспокойство, нетерпение осаждают родителей или учителей, и опасно придерживаться теории воспитания, которая позволяет взрослому выплеснуть эти чувства на ребенка ради его отдаленного благополучия. Тем не менее, если теория верна, она должна быть признана, и эти опасности должны предстать перед сознанием родителей или учителей, чтобы сделать все возможное и принять меры предосторожности против них.

Сейчас мы суммируем заключения, предложенные предыдущей дискуссией. Что касается тяжелых жизненных опасностей, знание о них не должно ни скрываться от детей, ни навязываться им; оно должно приходить, когда обстоятельства делают его неотвратимым. О тягостных вещах, когда на них обращают внимание, надо говорить правдиво и без эмоций, за исключением случаев, когда смерть случается в семье и когда скрывать горе будет неестественно. Взрослые должны показать своим поведением определенное мужество, которое молодые должны бессознательно воспринять как пример. В юности молодому человеку нужно представить широкий спектр имперсональных интересов, и образование должно осуществляться таким образом, чтобы дать ему идею (через предложение, а не путем стро-

того увещевания) жизни во имя целей, находящихся за пределами него самого. Он должен быть научен выносить несчастье, когда оно случается, через понимание, что еще есть вещи, ради которых стоит жить. Он не должен с грустью размышлять о возможных несчастьях, даже с целью быть готовыми их встретить. Те же, чья работа связана с молодежью, должны особо следить за собой, чтобы быть уверенными, что они не получают садистского удовольствия от необходимого в воспитании элемента наказания; мотивом наказания может быть только развитие характера или мышления. Интеллект также требует дисциплины, потому что без нее никогда не будет достигнута правильность мышления. Но дисциплина ума — это отдельная тема и лежит за пределами этой статьи.

Я хочу сказать еще лишь одно: дисциплина лучше, когда она исходит из внутреннего импульса. Для того чтобы это было возможно, необходимо, чтобы у ребенка или у юноши было стремление (*ambition*) достичь чего-то сложного и воля совершать усилия для достижения этой цели. Такое стремление обычно вырабатывается кем-то из окружающих. Таким образом, даже самодисциплина зависит, в конечном счете, от стимулов воспитания.

О ЮНОШЕСКОМ ЦИНИЗМЕ

Написано в 1929 г.

Всякий, посетивший университеты Запада, вероятно, будет поражен тем фактом, что современная интеллигентная молодежь цинична гораздо в большей степени, чем это было прежде. Этого не скажешь о России, Индии, Китае или Японии; полагаю, что иная ситуация в Чехословакии, Югославии и Польше; в Германии это, по крайней мере, не столь распространено; но это, несомненно, отличительная характеристика молодежи в Англии, Франции и Соединенных Штатах. Чтобы понять, почему молодежь цинична на Западе, мы также должны понять, почему она не цинична на Востоке.

Молодежь в России не цинична потому, что она разделяет, в целом, коммунистическую философию, и у нее есть великая страна, обладающая природными ресурсами, готовыми к разработке с помощью интеллигенции. Следовательно, у молодежи есть будущее, есть возможность сделать карьеру, которую она полагает ценной. Вы не задумываетесь о целях жизни, когда, созидая Утопию, прокладываете трубопровод, строите железную дорогу или учите крестьян работать на тракторах Форда на четырехмильном фронте одновременно. Поэтому русская молодежь энергична и преисполнена страстной веры.

В Индии молодежь глубоко убеждена в безнравственности Англии: из этой предпосылки, как из понятия существования Декарта, можно вывести целую философию. Из того факта, что Англия является христианской страной, следует, что индуизм или, возможно, магометанство — единственные истинные религии. Из того факта, что Англия — капиталистическая и индустриальная страна, следует, соизмеренно темпераменту рассуждающего, что все либо должны прясть при помощи прялки, либо необходимо введение защитных мер для развития местного капитализма и индустриального общества как единственный способ победы над капитализмом типа английского. Из того факта, что Англия завладела Индией при помощи физической силы, следует, что только моральная сила является достойной. Преследования националистической активности в Индии вполне достаточно для того, чтобы эта активность выглядела героической, но недостаточно, чтобы она выглядела бесполезной. Таким образом англо-индусы спасают интеллигентную молодежь Индии от пагубного влияния скептицизма.

В Китае ненависть к Англии тоже заметна, но гораздо меньше, чем в Индии, потому что Англия никогда не покоряла эту страну. Китайская молодежь сочетает патриотизм с искренним энтузиазмом по отношению к обычаям западных народов в том виде, какой был распространен в Японии пятьдесят лет назад. Она хочет, чтобы китайский народ был просвещенным, свободным и процветающим, и она делает все, чтобы добиться этого результата. Ее идеалы в целом принадлежат XIX столетию, но еще не начали казаться старомодными в Китае. Цинизм в Китае ассоциировался с крупными чиновниками императорского режима и сохранился среди непримиримых милитаристов, разрушающих страну с 1911 года, но он отсутствует в мышлении современных интеллектуалов.

В Японии мировоззрение молодых интеллектуалов не слишком отличается от того, что было распространено в Европе между 1815 и 1848 годами. В силе остаются лозунги либерализма: парламентское правление, свобода личности, свобода мысли и свобода речи. Борьбы за них против традиционного феодализма и самодержавия вполне

достаточно, чтобы сохранять молодежь занятой делом и преисполненной энтузиазма.

Для искушенного молодого человека Запада весь этот пыл кажется пустой тратой времени. Он твердо убежден, что беспристрастно изучая все, он видел все и обнаружил, что «ничто не ново под луной». Конечно, этому есть много оснований в учениях старших поколений. Не думаю, что эти основания исчерпывают суть вопроса, ибо при других обстоятельствах молодежь выступает против поучений старших и вырабатывает собственные убеждения. Если современная западная молодежь отвечает только цинизмом, для этого должна существовать некая особая причина. Кажется, что молодые люди не только не способны верить в то, что им говорят, но также что они не способны вообще верить во что-либо. Это странное положение дел заслуживает пристального внимания и изучения. Давайте сначала возьмем по очереди некоторые прежние идеалы и посмотрим, почему они больше не внушают доверия. Можно перечислить несколько таких идеалов: религия, родина, прогресс, красота, истина. Что в них неверно на взгляд молодежи?

РЕЛИГИЯ. Здесь проблемы отчасти интеллектуального плана, отчасти — социального. В интеллектуальном плане некоторые талантливые люди еще способны верить столь же страстно, как, например, Св. Фома Аквинский. Бог большинства современных молодых людей более абстрактен. Идея такого Бога способна выродиться в идею Жизненной Силы или «внеличной энергии, способствующей праведности». Даже верующие гораздо больше озабочены последствиями своей веры в этом мире, чем тем иным миром, веру в который они исповедуют; они не столько уверены в том, что этот мир создан во славу Божию, сколько в том, что идея Бога является удобной гипотезой для улучшения этого мира. Подчинение ими Бога нуждам подлунного мира вызывает подозрение относительно подлинности их веры. Кажется, они думают, будто Бог, как и Воскресение, был создан для человека. Существуют также социологические причины непризнания Церкви за основу современного идеализма. Церкви через жертвования стали тесно связаны с защитой собственности. Более

того, они связаны с жесткой этикой, осуждающей множество удовольствий, которые кажутся молодежи невинными и запрет на которые причиняет множество мучений, которые для скептика представляются излишне тяжелыми. Я знаю убежденных молодых людей, которые искренне разделяют учение Христа, но они осуждаются официальным христианством и стали изгнанниками и жертвами преследования, словно являются воинствующими атеистами.

РОДИНА. Патриотизм практически всегда и везде был страстной верой, разделяемой лучшими умами. Так было в Англии во времена Шекспира, в Германии во времена Фихте и в Италии во времена Мадзини. То же самое сейчас в Польше, в Китае и в отдаленных частях Монголии. В западных странах патриотизм остается чрезвычайно сильным: он контролирует политику, общественные расходы, военные приготовления и т. п. Но интеллектуальная молодежь не способна принять его как адекватный идеал; она понимает, что патриотизм хорош для покоренных наций, но как только покоренная нация добивается свободы, национализм, который до этого был героическим, становится деспотическим. Поляки, симпатизирующие идеалистам с тех пор, как Мария Тереза «плакала, но брала», использовали свою свободу для организации притеснений на Украине. Ирландцы, которым Британия навязывала цивилизацию в течение восьмисот лет, использовали свою свободу, чтобы провести законы, запрещающие публикацию многих хороших книг. Зрелище поляков, убивающих украинцев, и ирландцев, уничтожающих литературу, делает национализм, как кажется, не вполне адекватным идеалом даже для маленькой нации. Но когда речь идет о могущественной нации, аргумент становится еще сильнее. Версальский договор не очень поощрялся теми, кто имел счастье не быть убитым при защите идеалов, которые предало правительство. Те, кто в ходе войны доказали, что сражаются с милитаризмом, стали, после заключения Версальского договора, ведущими милитаристами в своих странах. Подобные факты делают очевидным для всех интеллигентных молодых людей, что патриотизм является главным проклятием нашего века и что он покончит с цивилизацией, если не будет усмирен.

ПРОГРЕСС. Это идеал XIX столетия, о котором слишком много болтали с точки зрения утонченной молодежи. Умеренный прогресс необходим в мелочах, таких как количество производства легковых автомобилей или потребления земляных орехов. Действительно необходимые вещи неизмеримы и, следовательно, к ним неприменимы подобные методы. Более того, многие современные изобретения стремятся сделать людей глупее. Я имею в виду радио, звуковое кино и отравляющий газ. Шекспир измерял величие века стилем его поэзии (см. сонет 32), но эта форма измерения несовременна.

КРАСОТА. Существует некое представление о красоте, которое кажется устаревшим, хотя трудно сказать, почему. Современный художник будет возмущен, если его обвинят в поисках красоты. Большинство современных художников, кажется, воодушевляется неким видом неистовства против мира, так что они более хотят причинить сильную боль, нежели доставить безмятежное удовольствие. Более того, некоторые типы прекрасного требуют того, чтобы человек держался более серьезно, чем это возможно для современной интеллигенции. Выдающийся гражданин своей страны в небольшом городке, таком как Афины или Флоренция, мог без труда почувствовать себя значимым. Земля была центром Вселенной, человек был целью творения, его родной город раскрывал его лучшие качества, и он сам был одним из лучших в своем городе. При таких обстоятельствах Эсхил или Данте могли всерьез переживать свои печали и радости. Они могли чувствовать, что и личные переживания человека, и трагические происшествия заслуживают того, чтобы быть отмеченными в бессмертных стихах. Но современный человек, когда его постигает несчастье, сознает себя как единицу статистического целого; прошлое и будущее вытягиваются перед ним в мрачную процессию обыденных поражений. Человек сам по себе кажется нелепым, напыщенным животным, рыдающим и суесящимся по пустякам в течение краткой интермедии между бесконечными периодами молчания. «Неприспособленный человек — не более чем жалкое, голое, раздвоенное животное», — говорит король Лир, и эта идея ведет его к сумасшествию, потому что она непривычна. Но для

современного человека эта идея привычна и ведет его только к тривиальности.

ИСТИНА. В старые времена истина была абсолютной, вечной и сверхчеловеческой. Я сам, будучи юношей, соглашался с этим взглядом и посвятил неразумно растраченную молодость поискам истины. Но целый сонм врагов восстает для того, чтобы убить истину: патриотизм, бихевиоризм, психологизм, релятивистская физика. Галилей и инквизиция расходились во взгляде на то, вращается ли Земля вокруг Солнца, или Солнце вращается вокруг Земли. Обе стороны были едины в том, что это две совершенно разные вещи. Однако пункт, по которому они соглашались, был ошибочен: разница только в словах. В старые времена истине действительно можно было поклоняться; в самом деле искренность поклонения демонстрировалась практикой распятия людей. Но трудно поклоняться чисто человеческой и относительной истине. Закон гравитации, согласно Эддингтону, суть только условная конвенция о системе измерения. Она не более истинна, чем другие, не более, чем метрическая система более истинна, чем система измерения в футах и ярдах.

Был мраком этот мир окутан.

«Да будет свет!» —

И вот явился Ньютон.

Кажется, этому сентименту не достает возвышенности. Когда Спиноза верил во что-либо, он полагал, что был вдохновлен интеллектуальной любовью к Богу. Современный человек верит либо вместе с Марксом, что он управляет экономическими мотивами, либо вместе с Фрейдом, что в основе его веры в экспоненциальную теорему или в распределение фауны в Красном море лежит некий сексуальный мотив. Ни в том ни в другом случае он не может насладиться восторгом Спинозы.

Постольку, поскольку мы рассматриваем современный цинизм с рационалистической точки зрения, мы рассматриваем его как нечто, имеющее интеллектуальные причины. Однако вера, как неустанно твердят нам современные психологи, редко определяется рациональ-

ными мотивами, но то же справедливо и для неверия, хотя скептики часто не обращают внимания на этот факт. Причины любого широко распространенного скептицизма, похоже, скорее социологические, чем интеллектуальные. Основная причина всегда состоит в удобстве без власти. Власть имущие не циничны до тех пор, пока они способны проводить в жизнь свои идеалы. Жертвы угнетения не циничны, пока они преисполнены ненависти, а ненависть, как и любая другая сильная страсть, приводит с собой цепочку сопутствующих верований. До широкого распространения образования, демократии и массового производства интеллектуалы везде имели значительное практическое влияние, и это влияние никоим образом не уменьшалось, даже если им отрубали головы. Современный интеллектуал обнаруживает себя в совершенно иной ситуации. Ему нетрудно получить тепленькое местечко и обеспеченный приличный доход, если он пожелает продать свои услуги глупому богачу или в качестве пропагандиста, или в качестве придворного шута. Воздействие массового производства и начального образования таково, что глупость занимает более прочное положение, чем в любое другое время, начиная с истоков цивилизации. Когда царское правительство убило брата Ленина, это не превратило Ленина в циника, поскольку ненависть стимулировала всю его жизненную деятельность, в которой он наконец-то преуспел. Но в большинстве стабильных стран Запада редко бывает такая убедительная причина для ненависти или такой удобный случай для эффектной мести. Работа интеллектуалов заказывается и оплачивается правительствами или богатыми людьми, чьи цели, возможно, кажутся абсурдными, если не пагубными, для работающих на них интеллектуалов. Но захлестнувший их цинизм позволяет им приспособить свои взгляды к ситуации. Правда, есть некоторые виды деятельности, в которых власти хотели бы наблюдать выдающиеся результаты; лидером здесь является наука, следом за ней в Америке идет общественная архитектура. Но если человек имеет литературное образование, то часто случается так, что в двадцатидвухлетнем возрасте он, обладая значительным мастерством, не может развивать это мастерство в направлении, которое представляется важным ему

самому. Ученые на Западе не циничны потому, что они могут разрабатывать свои лучшие идеи при полном одобрении сообщества, но в этом они исключительно удачливы по сравнению со всеми современными интеллектуалами.

Если этот диагноз верен, то современный цинизм нельзя вылечить одной лишь проповедью или путем демонстрации молодым людям более совершенных идеалов, чем те, которые пасторы и учителя выуживают из заржавевшего арсенала устаревших предрассудков. Излечение наступит только тогда, когда интеллектуалы смогут найти себе работу, в которой смогут осуществить свои творческие замыслы. Я не вижу иного предписания, за исключением старого рецепта, пропагандируемого Дизраэли: «Воспитывайте наших учителей». Но это должно быть более реальное воспитание, чем то, которое повсеместно дается в настоящее время пролетариями или плутократами. И это должно быть воспитание, принимающее во внимание настоящие культурные ценности, а не только утилитарное желание производить так много товаров, что ни у кого не будет времени насладиться ими. Человеку не позволяют практиковаться в медицине, пока он не узнает что-либо о человеческом теле, но финансисту позволяют свободно оперировать деньгами без какого-либо знания разнообразных последствий его действий, за единственным исключением — действий, за которые отчитывается его банк. Как прекрасен был бы мир, в котором ни один человек не имел бы права работать на бирже, пока не сдаст экзамен по экономике и греческой поэзии, и в котором политики будут обязаны иметь компетентное знание истории и современной поэзии! Вообразите магната, поставленного перед вопросом: «Если бы Вам пришлось совершить крупную спекуляцию с пшеницей, какое воздействие это оказало бы на германскую поэзию?» Каузальность в современном мире является наиболее сложной и разветвленной, чем когда бы то ни было раньше вследствие увеличения числа больших организаций; но те, кто контролируют эти организации, суть невежественные люди, не знающие и соотой части последствий своих действий. Рабле опубликовал свою книгу анонимно, из страха потерять университетский пост. Современный Рабле никогда не напишет

книгу, потому что будет осознавать, что его анонимность будет раскрыта с помощью совершенных методов гласности. Правители мира были глупы всегда, но никогда в прошлом они не были так могущественны, как в настоящем. Следовательно, нет более важного пути к поиску безопасности, чем их обязанность быть интеллигентными. Является ли эта проблема неразрешимой? Я так не думаю, но я буду последним, утверждающим, что это легко.

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Интервью 1959 г.

Вудро УАЙЭТТ

Лорд Рассел, Вы кажетесь очень счастливым человеком. Вы всегда были таким?

ЛОРД РАССЕЛ

Нет, конечно, нет. У меня были периоды счастья и периоды несчастья. К моей радости, кажется, что чем старше я становлюсь, тем длиннее становятся периоды счастья.

Какой был у Вас самый худший, несчастливый период?

Я был очень, очень несчастен в юности. Я думаю, как и многие подростки. У меня не было друзей, никого, с кем бы я мог поговорить. Мне казалось, что меня все время посещала мысль о самоубийстве и что я с трудом удерживал себя от этого поступка, а на самом деле это была неправда. О, я, конечно, выдумывал, что я очень несчастен, но это было частично вымыслом, который я почерпнул из снов. В моем сне я был действительно очень болен и умирал. Как это ни странно, у моей постели находился профессор Джовет, магистр Баллиол-колледжа¹ и переводчик Платона, чрезвычайно ученый человек и друг нашей семьи. У него был скрипучий голос, и я в моих снах говорил ему очень сентиментальным тоном: «Ну, в любом случае в этом есть одно

¹ Магистр, т. е. ректор, декан и т. п. Баллиол-колледжа (Оксфорд). — Прим. ред.

удобство: скоро я буду далеко от всего этого». Он спрашивал: «Вы имеете в виду жизнь?» И я отвечал: «Да, я имею в виду жизнь». И он говорил: «Если бы Вы были чуть старше, Вы бы не говорили такую чепуху». Я просыпался и никогда больше не говорил подобных глупостей.

Но когда Вы были счастливы, это было сознательно спланировано или происходило случайно?

Это было сознательное планирование только тогда, когда это касалось моей работы, остальную часть моей жизни я полагался на импульс и волю случая. Но, конечно, в отношении работы у меня был обдуманый план, который я выполнял довольно успешно.

Но Вы думаете, это хорошо срабатывает — оставлять счастье на волю случая и импульса?

О! Я думаю, в огромной степени это зависит от удачи и также от того, как идет ваша работа. У меня был ужасно несчастливый период (в значительно более позднее время, чем тот, в юности, о котором я говорил), когда я был совершенно поставлен в тупик проблемой, которую я должен был решить прежде, чем продолжать дальше мою работу. Два года я бился над этой проблемой абсолютно без видимого прогресса, и это было очень несчастливое время.

Каковы, Вы думаете, составляющие счастья?

Я думаю, самые важные — четыре. Возможно, первая из них — здоровье, вторая — достаточные средства, чтобы уберечь вас от нужды, третья — счастливые личные связи и четвертая — успешная работа.

А почему здоровье? Почему Вы придаете ему такое важное значение?

Я думаю, если вы не очень здоровы, сложно действительно быть счастливым. Нездоровье влияет на сознание и заставляет вас чувствовать себя несчастным. Определенные болезни вы можете переносить стоически, но не все.

Как Вы полагаете, то, что вы здоровы, делает вас счастливым, или то, что вы счастливы, делает вас здоровым?

Я думаю, прежде всего то, что вы здоровы, делает вас счастливым, но и другое помогает тоже. Я полагаю, что счастливый человек с меньшей вероятностью может заболеть, чем несчастливый.

Скажите, у Вас более счастливый день, когда Вы утром чувствуете, что хорошо выспались, чем тогда, когда Вы спали плохо?

О, да, конечно.

Мы можем рассмотреть следующую составляющую — доход? Насколько он важен?

Это зависит от того уровня жизни, к которому вы привыкли. Если вы привыкли быть довольно бедным, вам не нужен очень большой доход. Если вы привыкли быть очень богатым, вы чувствуете себя несчастным, если ваш доход просто большой, а не огромный, поэтому это все вопрос привычки, я полагаю.

Не выльется ли это, однако, в одержимую погоню за деньгами?

О, очень легко, и это часто бывает. Вы обнаруживаете, что богатейшие люди боятся умереть в рабочем доме. Так часто случается.

То есть слишком большие деньги совсем не обязательно приносят счастье.

Да. Я думаю, деньги — это своего рода минимальное условие, и вам не хочется думать о них слишком много. Если вы думаете о них слишком много, вы начинаете беспокоиться.

Вы расположили личные связи третьими в списке. Вы подразумевали под этим то, что Вы считаете их третьими по приоритету?

Нет, нет. Исходя из моего опыта, я должен сказать, что они — это первая необходимость или это первая необходимость после здоровья.

Не могли бы Вы немного подробнее объяснить, что вы имеете в виду?

Под личными связями?

Да.

Я предполагал, что это достаточно очевидно. Это означает дружбу, любовь, связь с детьми, все виды близости, тесных личных связей. Если они не приносят счастья, это делает жизнь довольно сложной.

Работа. Теперь, как высоко Вы бы оценили важность успешной работы?

На самом деле очень высоко в случае со всеми энергичными людьми. Некоторые люди более апатичны и не зависят от работы так сильно. Но если вы энергичны во всем, вы должны иметь выход для своей энергии, и работа — это очевидный выход. Конечно, работа не сделает вас счастливым, если она не успешна. Но если она успешна, она наполняет ваш день и прибавляет вам много счастья.

Имеет значение, какого рода эта работа?

Нет, не думаю, что имеет значение, если только это не сомнительная работа. Я полагаю, что если бы я был членом Политбюро, работа была бы немного беспокойной, но...

Она могла бы послужить стимулом для кого-то, кому нравятся такого рода вещи.

Да, если вам это нравится, то все будет в порядке.

Но незначительность или большая значимость того, что вы делаете — это важно?

Нет, это зависит от вашего темперамента. Некоторые люди могут быть счастливы, только когда они вовлечены в великие дела, другие могут быть достаточно счастливы маленькими достижениями. Это вопрос темперамента. Но ваша работа должна быть такой, чтобы ваши способности позволили вам выполнять ее успешно.

То, что Вы говорите, по-видимому, предполагает, что кто-то был бы счастлив быть ленивым, что кто-то был бы очень доволен, если бы работы было мало?

Да, но вы не были бы так счастливы, по меньшей мере, исходя из моего опыта. Радость от действительно хорошей, успешно выполненной части сложной работы на самом деле очень, очень велика, и я не думаю, что ленивый человек когда-либо испытывал нечто подобное.

Если бы Вам сказали, что Вас ждало бы больше удовольствий, если бы Вы были менее умны, как бы вы реагировали?

О, я бы не пошел на это, нет. На самом деле я был бы готов обходиться гораздо меньшим количеством удовольствий, если бы я мог стать немного умнее. Нет, я люблю ум!

Как Вы думаете, философия способствует счастью?

Она способствует, если вы интересуетесь философией и хорошо разбираетесь в ней, но не иначе, как кладка кирпича,.. если вы хороший каменщик. Все, в чем вы хорошо разбираетесь, способствует счастью.

Каковы факторы, которые препятствуют счастью?

Их существует достаточное количество, помимо тех, что являются противоположностями тех вещей, о которых мы говорили. Один из факторов, который препятствует достижению счастья, — это тревога, и в этом отношении я стал гораздо счастливее с годами, когда стал старше. Я беспокоюсь гораздо меньше, и я выработал очень полезную тактику в отношении беспокойства, которая состоит в том, чтобы подумать: «Какая самая худшая вещь, которая может случиться?»... И затем подумать: «В конце концов, это не было бы так плохо спустя сто лет, возможно, это не имело бы значения». После того как вы действительно заставили себя так подумать, вы не будете волноваться так сильно. Тревога происходит из-за того, что вы избегаете смотреть в лицо неприятным возможностям.

Вы способны исключить беспокойство по желанию?

Неполностью, нет, но в очень большой степени.

А где бы Вы бы расположили зависть?

О да, зависть. Это ужасный источник несчастья для очень многих людей. Я вспоминаю художника Хейдона, который был не очень хорошим художником, но хотел бы быть им. Он вел дневник и в нем он записал: «Провел несчастное утро, сравнивая себя с Рафаэлем».

Не могли бы Вы развить этот вопрос о зависти?

Я думаю, огромное количество людей, имеющих много, что может сделать их счастливыми, беспокоятся, потому что им кажется, что

кто-то еще имеет немного больше. Они думают о том, что кто-то имеет лучшую машину или лучший сад, или о том, как хорошо было бы жить в более благоприятном климате, или насколько большее признание приносит та или иная работа, и тому подобные вещи. Вместо того чтобы радоваться тому, что им есть чему радоваться, они отказываются от удовольствия, думая, что, возможно, кто-то еще имеет больше, а это к делу не относится.

Да, но может ли зависть быть хорошей вещью в том смысле, что если вы завидуете чьей-то работе, потому что вы думаете, что она, возможно, лучше, чем ваша, это может быть стимулом для вас делать вашу собственную работу лучше?

Да, так может быть, но это также служит стимулом делать худшую работу, я думаю, и прежде всего, если пытаться соотноситься с работой других людей. Существует два пути быть впереди другого человека: один — превзойти самого себя и выйти вперед и другой — оттащить его назад.

Скука... Как важна скука, на Ваш взгляд?

Я думаю, она чрезвычайно важна, и я не буду говорить, что она характерна только для человека, поскольку я наблюдал за обезьянами в зоопарке, и мне показалось, что они тоже скучают, но я не думаю, что другие животные скучают. Думаю, это показатель высшего интеллекта, а ее важность довольно велика. Вы можете видеть это из того, что дикари, когда они впервые входят в контакт с цивилизованными людьми, больше всего хотят алкоголя. Они хотят его гораздо больше, чем Библию, или Евангелие, или даже голубые бусы, и они хотят его потому, что на время он уносит прочь скуку.

А как преодолевать скуку людям, например девушкам, которые довольно хорошо образованы? Они выходят замуж и им ничего не остается делать, как только присматривать за домом.

Это плохая социальная система. Я не думаю, что вы можете изменить ее индивидуальными действиями, но приведенный Вами пример очень важен. Он показывает, что у нас нет должной социальной системы, потому что каждый должен иметь возможность развивать

любые полезные способности, какими бы он или она ни обладали. Современные, высокообразованные женщины после того как они входят замуж, не имеют такой возможности, но это следствие нашей социальной системы.

Насколько понимание мотивов собственных поступков помогает человеку быть счастливым и таким образом избегать самообмана?

Я думаю, эта помощь велика. Все люди либо ненавидят кого-нибудь человека, либо ненавидят некоторую группу лиц, либо еще что-то, находясь под впечатлением, что в основе их побуждений лежит благородный идеализм. Когда фактически скорее всего это не так. Если они могли бы осознать это, я думаю, что они были бы счастливее.

Вы думаете, что многие люди чувствуют себя несчастными, обманывая самих себя?

Да, я думаю, очень и очень многие.

Как Вы думаете, можно быть счастливым в несчастье, скажем, в тюрьме? Вы сами там были.

Я провел очень хорошее время в тюрьме, но тогда я был в первом отделении, где совсем не чувствовались обычные трудности тюремной жизни. Но обычно это очень, очень сложно для человека, привыкшего к умственной работе. Гораздо легче, если вы привыкли к физическому труду, потому что вы не лишены в такой мере привычной интеллектуальной жизни.

Вы думаете, что легче быть счастливым, например в тюрьме, в ситуации, в которой были Вы, когда Вы думали, что находились в ней за благое дело, чем если бы вы находились в ней, потому что заслужили это?

Да, конечно, это так. Я имею в виду то, что если бы они вынесли мне тот же приговор за воровство ложек, я был бы довольно несчастен, потому что я должен был бы чувствовать себя... ну..., я был бы заслуженно опозорен. Но в моей ситуации я не чувствовал себя обесчещенным.

Просто потому, что это было дело принципа?

Да.

Как Вы считаете, помогает людям быть счастливыми то, что у них есть какая-то цель, ради которой они живут?

Да, при этом условии они могут более или менее преуспеть. Я думаю, если это цель, которую невозможно достичь, они не будут счастливы. Но если они могут добиваться успеха время от времени, тогда, я думаю, это помогает. И мне кажется, что этот принцип нужно распространять и на другие вещи; так, другие интересы, особенно когда вы становитесь старше, очень важный элемент счастья. Чем более имперсональны ваши интересы и распространяются за пределы вашей собственной жизни, тем меньше вы будете возражать против того, что ваша собственная жизнь придет к своему концу лишь через довольно длительное время. Я думаю, что это очень важный элемент счастья в старости.

Что Вы думаете обо всех этих формулах, которые люди постоянно повторяют, как прожить долгую жизнь и быть счастливым?

Ну, как прожить длинную жизнь, это медицинский вопрос и не тот, по которому я хотел бы высказываться. Я получаю огромное количество литературы от защитников таких систем. Они говорят мне, что как только я приму их лекарства, мои волосы снова станут черными. Я не уверен, что мне это нравится, потому что я обнаружил, что чем белее мои волосы, тем с большей готовностью люди верят в то, что я говорю.

О ЦЕННОСТИ СКЕПТИЦИЗМА

Публикация 1941 г.

Я хочу предложить благосклонному вниманию читателя анализ учения, которое, опасаясь, может показаться невероятно парадоксальным и разрушительным. Это учение, по сути, состоит в следующем: нежелательно верить в утверждение, если нет какого-либо основания для подтверждения его истинности. Я должен, конечно, допустить, что если такое мнение станет общим, оно полностью изменит нашу общественную жизнь и нашу политическую систему; а так как обе в настоящем безупречны, это состояние дел должно рассматриваться как контраргумент данному учению. Я также сознаю (и это более серьезный довод), что распространение этого учения поведет к понижению доходов ясновидцев, букмекеров и тех, кто не делает ничего, чтобы заслужить доброе отношение сейчас или в будущем. Несмотря на эти веские аргументы, я утверждаю, что доводы для моего парадокса могут быть доказаны, и я попытаюсь изложить их.

Прежде всего, я не хотел бы, чтобы меня рассматривали как человека, придерживающегося крайних взглядов. Я — Британский Виг, испытывающий Британскую любовь к компромиссу и выдержке. Обычно рассказывают одну историю о Пирроне, основателе пирронизма (старое название скептицизма). Он утверждал, что мы никогда не знаем достаточно, чтобы быть уверенными, что поступить одним образом умнее, чем поступить иначе. В юности прогуливаясь однажды вечером, он увидел своего учителя философии (от которого он усвоил свои принципы) застрявшим с головой в канаве и неспособным выбраться оттуда. После некоторого созерцания он двинулся дальше, полагая, что нет достаточного основания думать, что он делает добро, вытащив старика. Другие, менее скептические, спасли учителя и осудили Пиррона за бессердечность. Но учитель, верный своим принципам, похвалил его за последовательность. Сейчас я не защищаю героический скептицизм, подобный этому. Я готов согласиться с обычными убеждениями здравого смысла на практике, если не в теории. Я готов допустить любой хорошо обоснованный результат науки не как несомненную истину, но как достаточно вероятную для того, чтобы стать основанием разумного действия. Если объявляется, что будет в такой-то день затмение Луны, я думаю, что стóит, по крайней мере, посмотреть и увидеть, имеет ли оно место. Пиррон думал бы иначе. На этом основании я считаю оправданным защиту срединной позиции.

Существуют вопросы, по которым исследующие их ученые соглашаются; даты затмений могут служить примером. Существуют другие вопросы, по которым эксперты не соглашаются. Даже когда все эксперты согласны, они тоже могут ошибаться. Точка зрения Эйнштейна на величину преломления света вследствие гравитации еще не так давно отвергалась всеми экспертами, и тем не менее, доказано, что она правильна. И все же, если эксперты единогласны в отношении какого-либо вопроса, то их мнение должно восприниматься не экспертами как более верное, чем противоположное мнение. Скептицизм, который я отстаиваю, означает лишь следующее: (1) когда эксперты согласны во мнениях, противоположное мнение не может

считаться несомненным; (2) когда они не согласны во мнениях, ни одно мнение не может рассматриваться не-экспертом как несомненное и (3) когда они все полагают, что нет достаточных оснований для наличия позитивного мнения, обычный человек поступит правильно, отложив вынесение своего собственного суждения.

Эти утверждения могут показаться умеренными, тем не менее, будучи воспринятыми, они могут коренным образом изменить человеческую жизнь.

Все мнения, из-за которых люди вступают в борьбу и подвергаются гонениям, принадлежат к одному из трех классов, которые такой скептицизм осуждает. Когда существуют разумные основания для мнений, люди с удовольствием их формулируют и ожидают, что на основании этих мнений можно будет действовать. В таких случаях люди не отстаивают свои мнения со страстью; они спокойно излагают и обосновывают их. Мнения, которые излагают с пристрастием, всегда таковы, что для них не существует достаточного основания; в самом деле, пристрастие есть показатель того, что сторонник данной точки зрения не обладает достаточными рациональными основаниями для ее защиты. Мнения в политике и религии практически всегда излагаются с пристрастием. За исключением Китая, человек мыслится жалким творением, пока не выработает определенное мнение по подобным вопросам; люди ненавидят скептиков гораздо больше, чем они ненавидят страстных защитников мнений, враждебных их собственным. Считается, что в соответствии с требованиями практической жизни человек должен иметь определенное мнение по данным вопросам, и что если мы станем более разумными, существование общества станет невозможным. Я верю в противоположное и попытаюсь объяснить, почему я так считаю.

Возьмем проблему безработицы после 1920 г. Одна партия считала, что безработица возникла из-за безнравственности трейд-юнионов, другая — что из-за сложной ситуации в Европе. Третья партия, допуская, что эти причины имеют значение, приписывала основную вину политике Банка Англии, пытавшегося повысить стоимость фунта стерлингов. Эта партия, как я понимаю, состояла в своем большин-

стве из экспертов, а остальные — нет. Политики не находят прелести во взглядах, которые сами по себе не несут партийного красноречия, а простые смертные предпочитают взгляды, которые приносят несчастье махинациям их врагов. Поэтому люди борются «за» и «против» несоответствующих действий, в то время как тех нескольких, кто излагает рациональные взгляды, не слушают, потому что они не служат чьим-либо страстям. Чтобы привлечь в партию новых людей, необходимо убеждать их, что Банк Англии грешен. Чтобы привлечь лейбористов, нужно показать, что директора Банка Англии враждебны трейд-юнионам, чтобы привлечь Лондонского епископа, необходимо показать, что они «аморальны». Тогда будет логично помыслить, что их взгляды на деньги ошибочны.

Возьмем другую иллюстрацию. Часто говорят, что социализм противоречит человеческой природе, и это утверждение опровергается социалистами с тем же пылом, с каким оно провозглашается их оппонентами. Покойный доктор Риверс, о чьей смерти мы безмерно скорбим, обсуждал этот вопрос в лекции в университетском колледже, посмертно опубликованной в книге «Психология и политика». Это единственное, известное мне обсуждение данного вопроса, претендующее на звание научного. В нем приводятся некоторые антропологические данные, которые показывают, что в Меланезии социализм не противоречит природе человека. Далее отмечается, что мы не знаем, одинакова ли природа человека в Меланезии и в Европе; и далее делается заключение, что единственный путь обнаружить, противоречит ли социализм природе европейского человека — это испытать его. Интересно, что на основании этого заключения он хотел стать кандидатом от лейбористской партии. Но он, конечно, не обладал тем пылом и страстью, с которыми обычно проходят политические дискуссии.

А теперь я осмелюсь поднять тему, бесстрастно обсуждать которую людям особенно трудно, а именно брачные обычаи. Большая часть населения каждой страны убеждена, что все брачные обычаи, отличные от их собственных, аморальны, и что те, кто борются с этим мнением, делают так только для того, чтобы оправдать свою собствен-

ную распущенность. В Индии повторный брак вдовы считается настолько ужасным, что об этом даже и не думают. В католических странах развод считается безнравственным, но к некоторому несоблюдению супружеской верности, по крайней мере со стороны мужчин, относятся терпимо. В Америке развестись легко, но внебрачные отношения осуждаются с предельной жесткостью. Магометане верят в полигамию, которую мы считаем деградацией. Все эти разные мнения утверждаются с крайней горячностью, и весьма жестокие гонения обрушиваются на тех, кто высказывается против. Однако никто ни в одной стране не сделал и слабой попытки показать, что обычай его страны больше способствует человеческому счастью, чем обычаи других.

Когда мы откроем какой-либо научный трактат по этому вопросу, например «Историю человеческих браков» Вестермарка¹, мы обнаружим подход, совершенно отличный от распространенных предубеждений. Мы увидим, что многие из огромного разнообразия обычаев, как мы должны предположить, отвратительны для людей. Мы думаем, что можем понять полигамию как обычай, насильно подчиняющий женщину мужчине. Но что мы скажем о тибетском обычае, согласно которому женщина имеет нескольких мужей? И тем не менее, путешественники по Тибету уверяют нас, что тамошняя семейная жизнь по крайней мере так же гармонична, как и в Европе. Немного подобного чтения скоро приведет любого беспристрастного человека к полному скептицизму, поскольку, по-видимому, нет ни одного факта, на основании которого мы можем сказать, что один брачный обычай лучше или хуже другого. Почти все обычаи содержат в себе безжалостность и нетерпимость к людям, нарушающим местные моральные нормы, но в других отношениях они не имеют ничего общего. Кажется, что это грех географический. От этого заключения только маленький шаг до следующего, а именно что понятие «греха» иллюзорно и что безжалостность, обычно практикуемая в отношении нарушающих обычаи, не необходима. Такой вывод весьма нежелателен для многих, поскольку сознательная жестокость доставляет наслаждение моралистам. Вот почему они придумали Ад.

¹ Известный шведский философ. — *Прим. ред.*

Национализм, конечно, крайний пример горячей веры в сомнительные ценности. Я думаю, точнее сказать, что любой историк, который пишет сейчас историю мировой войны, вынужден делать утверждения, за которые, если бы они были сделаны во время войны, он попал бы в тюрьму в любой из воюющих стран. Опять же, за исключением Китая, нет такой страны, где люди терпимо воспринимают правду о самих себе; в обычные времена правда рассматривается лишь как невоспитанность, но в военное время она считается преступной. Создаются противоположные системы неистовых верований, ложность которых очевидна, поскольку в них верят только те люди, кто разделяет одни и те же национальные пристрастия. Но рациональное рассмотрение этих систем воззрений считается таким же злонамеренным и вредным поступком, как и раньше считалось рациональное рассмотрение религиозных догматов. Если спросить людей о том, почему в таких вопросах скептицизм безнравствен, единственным ответом будет следующий: мифы помогают выиграть войны, поэтому нация, придерживающаяся рациональных взглядов, скорее будет повержена, чем победит. Тот взгляд, что существует нечто позорное в спасении чьей-либо шкуры путем массовой клеветы на иностранцев, насколько я знаю, до сих пор не нашел поддержки среди профессиональных моралистов, за исключением квакеров. Если предположить, что нация, придерживающаяся рациональных взглядов, найдет способ жить вместе и не допускать войны, то ответом будет только оскорбление.

Каким же может быть результат распространения разумного скептицизма? Действия людей совершаются на основе страстей, что сопровождается созданием соответствующих мифов. Психологи изучают индивидуальное проявление этого процесса у сумасшедших, явных и неявных. Человек, страдающий каким-либо расстройством, выдумывает теорию, что он — король Англии, и развивает все виды остроумных объяснений того факта, что он не пользуется тем уважением, которого требует его величественное положение. В этом случае его иллюзию не разделяют соседи, поэтому они заключают больного в сумасшедший дом. Но если вместо того, чтобы отстаивать только собственное величие, он заявляет о величии его нации, его класса

или веры, он завоевывает толпы сторонников и становится политическим или религиозным лидером, даже если для непредвзятого стороннего наблюдателя его взгляды кажутся такими же абсурдными, как и у обитателя психиатрической лечебницы. Таким образом возрастает коллективное безумие, которое следует законам, очень схожим с законами индивидуального безумия. Каждый знает, что опасно спорить с сумасшедшим, который думает, что он — король Англии; но если его изолировать, он может быть побежден. Когда же вся нация разделяет подобную иллюзию, ее гнев того же рода, что и присутствует у сумасшедшего-одиночки, если его претензии оспариваются, но ничего, кроме войны, не может заставить ее подчиниться разуму.

Та роль, которую играют интеллектуальные факторы в человеческом поведении, — это проблема, по которой существует много разногласий между психологами. Есть два довольно разных вопроса: (1) в какой мере убеждения могут выступать в качестве причин поступков? (2) в какой мере убеждения выводимы из логически адекватных фактов или могут быть из них выведены? По обоим вопросам психологи согласны отводить интеллектуальным факторам намного меньше места, чем отведет обычный человек, но внутри этого общего согласия существуют значительные по степени разногласия. Рассмотрим оба вопроса в их последовательности.

- (1) В какой мере убеждения могут выступать в качестве причин поступков? Позвольте нам не обсуждать этот вопрос теоретически, но разрешите взять обычный день обычного человека. Он начинается с утреннего пробуждения, может быть, силой привычки, независимо от убеждений. Он съедает свой завтрак, поспевает к поезду, читает газету и добирается до своего офиса — все в силу привычки. Когда-то в прошлом он сформировал эти привычки, и, по крайней мере при выборе профессии, он руководствовался убеждениями. Возможно, со временем он поверил в то, что работа, предложенная ему, настолько хороша, насколько ему хотелось. У большинства людей убеждения играют роль в первоначальном выборе профессии и, следовательно, опосредовано во всем, что влечет за собой этот выбор.

На службе, если он простой работник, он может продолжать действовать просто по привычке, без активного волевого акта и без явного участия убеждений. Можно подумать, что если он складывает столбики цифр, он верит в арифметические правила, которые применяет. Но это будет ошибкой; эти правила суть только привычки его тела, как привычки игрока в теннис. Они были приобретены в юности, не по интеллектуальной убежденности их соответствия истине, а благодаря школьному учителю, подобно тому, как собака учится сидеть на задних лапах и служить, чтобы получить еду. Я не говорю, что все образование подобного рода, но, конечно, таково основное обучение в начальной школе.

Если, однако, наш друг — компаньон или директор, то, возможно, он вынужден в течение дня принимать трудные принципиальные решения. Возможно, что в этих решениях какую-то роль будут играть убеждения. Он полагает, что некоторые дела будут успешны, а некоторые — нет, что такой-то человек платежеспособен, а этот — на грани банкротства. Исходя из этих соображений, он действует. И это только потому, что он должен действовать на основании скорее убеждений, чем просто по привычке, что он рассуждает как более ответственный человек, чем простой клерк, и способен заработать гораздо больше денег, — при условии, что его убеждения правильны.

В его семейной жизни будет такой же процент ситуаций, когда убеждение является причиной для действия. В обычное время его поведение по отношению к жене и детям будет управляться привычкой или инстинктом, видоизмененным привычкой. В принципиальных случаях: когда он предлагает девушке выйти за него замуж, когда он решает, в какую школу отдать сына, или когда он находит причину подозревать свою жену в неверности, — он не может целиком руководствоваться привычкой. Предлагая девушке выйти за него замуж, он может руководствоваться простым инстинктом или он может находиться под влиянием веры, что леди богата. Если он руководствуется инстинктом, он, без сомнения, верит, что леди обладает всеми добродетелями, и это может казаться ему причиной его поступка, но в действительности это просто другое проявление инстинкта, ко-

того итак достаточно для объяснения его поступка. Выбирая школу для своего сына, он, вероятно, будет действовать во многом так же, как принимая трудные деловые решения; здесь убеждение обычно играет важную роль. Если у него появляются данные, свидетельствующие, что его жена неверна, его поведение похоже на чисто инстинктивное, но инстинкт запускается в действие убеждением, являющимся первой причиной всего, что потом произойдет.

Таким образом, хотя убеждения не ответственны непосредственно за немалую часть наших действий, действия, за которые они ответственны, являются наиболее важными и в значительной степени определяют основную структуру нашей жизни. В частности, наши религиозные и политические действия связаны с убеждениями.

(2) Теперь я перехожу ко второму вопросу, который, в свою очередь, состоит из двух: (а) в какой мере убеждения на самом деле основаны на фактах? (б) насколько возможно или желательно, чтобы они были таким образом обоснованы?

(а) То, в какой мере убеждения основаны на фактах, гораздо меньше предполагаемого. Возьмем деятельность, которая в наибольшей степени близка рациональной: вложение денег богатым финансистом из Лондон-Сити. Вы скоро обнаружите, что его мнение, скажем, по вопросу, поднимется или упадет французский франк, зависит от политических симпатий, и, более того, настолько сильно зависит, что он готов рисковать деньгами ради этого. При банкротствах часто случается, что какой-то сентиментальный фактор оказался действительной причиной крушения. Политические мнения едва ли когда-либо основывались на фактах, за исключением мнений государственных служащих, которым запрещено их высказывать. Это, конечно, исключение. В полемике о тарифной реформе, которая началась несколько лет назад, большинство производителей поддерживали сторону, которая бы увеличила их собственные доходы, показывая, что их мнения действительно были основаны на фактах; однако их высказывания меньше всего позволяли это предположить. В данном случае ситуация усложняется. Фрейдисты приучили нас к «рационализации», то есть к процессу изобретения того, что представляется нам рацио-

нальными основаниями для принятия решения или мнения, что на самом деле довольно иррационально. Но существует, особенно в англоязычных странах, обратный процесс, который может быть назван «иррационализацией». Проницательный человек суммирует более или менее подсознательно «про» и «контра» вопроса с эгоистической точки зрения. (Неэгоистические соображения редко взвешиваются подсознательно, за исключением тех случаев, когда это касается собственных детей.) Придя к здравому эгоистическому решению с помощью бессознательного, человек продолжает выдумывать или заимствовать у других набор весьма здравых фраз, показывая, как он способствует общественному благу ценой безмерной личной жертвы. Любой человек, верящий, что эти фразы отражают реальные причины его действий, должен предположить, что он не совсем способен оценить реальные факты, поскольку его действия не ведут к предполагаемому общественному благу. В этом случае человек представляется менее рациональным, чем он есть; но, что более странно, его иррациональный пласт сознателен, а рациональный пласт — бессознателен. Именно эта черта характеров делает англичан и американцев такими удачливыми.

Проницательность, если она настоящая, принадлежит более к бессознательной, чем к сознательной части нашей натуры. Это, я полагаю, основное качество, необходимое для успеха в бизнесе. С моральной точки зрения, это — скромное качество, так как оно всегда эгоистично; и тем не менее, его достаточно, чтобы удержать людей от наихудших преступлений. Если бы этим качеством обладали немцы, они бы не выбрали неограниченную войну подводных лодок. Если бы этим качеством обладали французы, они бы не вели себя так, как они это сделали в Руре. Если бы этим качеством обладал Наполеон, он бы не возобновил войну после битвы под Амьеном. Можно сформулировать основное правило, для которого существует лишь несколько исключений, что когда люди ошибаются в том, что касается их собственных интересов, то, что они считают разумным, является более губительным для других, чем то, что на самом деле разумно. Следовательно, все, что заставляет людей задуматься над их собственными интересами, служит во благо. Существуют бесчисленные примеры

того, как люди становились счастливыми потому, что по соображения чисто моральным они поступали таким образом, который, как они полагали, противоречит их собственным интересам. Например, среди первых квакеров был ряд лавочников, которые выбрали практику запрашивать за свои товары не больше, чем люди соглашались платить, вместо того чтобы торговаться с каждым покупателем, как это делали все остальные. Они выбрали эту практику потому, что считали ложью запрашивать больше, чем они могут взять. Но выгода покупателей была так велика, что каждый приходил в их магазины, и они богатели. (Я забыл, где я читал это, но если моя память мне не изменяет, это был какой-то надежный источник.) Подобная политика могла основываться просто на пронизательности, но фактически никто не был в достаточной мере пронизателен. Наше бессознательное более недоброжелательно, чем оно нам представляется; поэтому люди, которые в основном делают то, что действительно в их интересах, — это те, кто обдуманно, с моральной точки зрения, делают то, что как они думают, против их интересов. Следом за ними идут люди, которые пытаются обдумывать рационально и сознательно то, что в их собственных интересах, выводя за пределы мысли влияние страстей настолько, насколько это возможно. Третьими идут люди, которые обладают инстинктивной пронизательностью. Самыми последними идут те, чье злорадство уравнивает их пронизательность, заставляя их разрушать жизнь других и в конце концов разрушить самих себя. Эти последние составляют 90 % населения Европы.

Может показаться, что я несколько отклонился от своей темы, но было необходимо отделить бессознательный разум, который называется пронизательностью, от разнообразия сознательного. Обычные методы образования практически не воздействуют на бессознательное, поэтому невозможно научить пронизательности с помощью наших современных методов. Также кажется, что невозможно обучить современными методами этике, за исключением той ее части, которая состоит из простых привычек; во всяком случае, я никогда не замечал никакого благотворного влияния на людей частых увещаний. Следовательно, исходя из наших современных оснований, лю-

бое преднамеренное улучшение должно проводиться интеллектуальными средствами. Мы не знаем, как научить людей быть пронизательными или виртуозными, но мы знаем, до известной степени, как научить их быть рациональными: необходимо только изменить господствующую в каждом конкретном случае практику обучения. Мы можем в будущем учить творить добро путем манипуляции с железами внутренней секреции и стимуляцией или обузданием их выделений. Но в настоящем легче создать рациональность, нежели добродетель, понимая под «рациональностью» научную привычку ума предвидеть последствия наших действий.

(6) Это привело меня к вопросу: в какой мере могут или должны действия человека быть рациональными? Позвольте начать с рассмотрения «могут». На мой взгляд, существуют весьма определенные пределы, ограничивающие рациональность; некоторые наиболее важные области нашей жизни были бы разрушены вторжением разума. Лейбниц в пожилом возрасте рассказывал в переписке, что он только однажды попросил даму выйти за него замуж, и это произошло, когда ему было пятьдесят. «К счастью, — добавил он, — дама попросила меня подумать. Это дало и мне время подумать, и я отозвал свое предложение». Несомненно, его поведение было очень разумно, но я не могу сказать, что восхищаюсь им.

Шекспир соединил «сумасшедшего, влюбленного и поэта», чтобы «в воображении все было слито». Проблема в том, чтобы сохранить влюбленного и поэта без сохранения сумасшедшего. В 1919 году я видел «Троянских женщин» в театре «Олд Вик». Там есть невыносимо патетическая сцена, когда греки убивают Астианакта из страха, что он вырастет и станет вторым Гектором. Едва ли в театре нашлась бы пара сухих глаз, и публика с трудом верила в жестокость греков в пьесе. Однако те же самые люди, которые плакали в театре, в то же самое время действовали с жестокостью, недоступной воображению Еврипида. Позднее они (большинство из них) проголосовали за правительство, которое продлило блокаду Германии после прекращения военных действий и наложило блокаду на Россию. Известно, что эта блокада послужила причиной смерти безмерного числа детей, но

уменьшение населения враждебных стран переживалось как желательное: их дети, как и Астианакт, могли вырасти и превзойти своих отцов. Еврипид—поэт пробудил в воображении публики влюбленного, но влюбленный и поэт были забыты за дверями театра, и сумасшедший (в виде смертоносного маньяка) контролировал политические действия этих мужчин и женщин, которые думали, что они добры и целомудренны.

Возможно ли сохранить влюбленного и поэта без сохранения сумасшедшего? В каждом из нас в различной степени существуют все трое. Так ли тесно они связаны, что если взять под контроль одного из них, другие умрут? Я не верю в это. Я верю, что в каждом из нас есть некая энергия, которая должна найти выход не в разумных действиях, но, может быть, в искусстве страстной любви или страстной ненависти, по обстоятельствам. Респектабельность, постоянство и рутина — вся железная дисциплина современного индустриального общества — обескровила артистический импульс и заключила в тюрьму любовь, так что она не может быть больше благородной, свободной и созидающей, но должна быть или чванливой, или тайной. Контроль был наложен именно на те вещи, которые должны быть свободными, в то время как зависть, жестокость и ненависть расползаются во все стороны с благословения почти всего клана епископов. Наши инстинкты делятся на две составляющие: одни ведут в нашу будущую жизнь и в будущую жизнь наших потомков, другие ведут к разрушению жизни предполагаемых противников. Первые включают и радости жизни, и любовь, и искусство, которое физиологически является ответвлением любви. Вторые включают конкуренцию, патриотизм и войну. Соглашательская мораль делает все, чтобы подавить первую и поощрить вторую. Истинная мораль делает прямо противоположное. Наши поступки в отношении тех, кого мы любим, могут быть с безопасностью предоставлены инстинкту; но наши действия в отношении тех, кого мы ненавидим, должны быть приведены под власть разума. В современном мире те, кого мы действительно ненавидим, — это отдаленные группы, преимущественно другие нации. Мы рассматриваем их абстрактно и обманываем себя, полагая, что

действия, которые в действительности воплощают ненависть, совершаются из любви к справедливости или из-за какого-то подобного возвышенного мотива. Лишь большая мера скептицизма может сорвать покровы, скрывающие от нас эту истину. Достигнув этого, мы сможем приступить к созданию новой морали, основанной не на зависти и ограничении, но на желании полноты жизни и осознании того, что другие люди — это помощь, а не препятствие, тогда безумие зависти будет излечено. Это не утопическая мечта, это было частично реализовано в елизаветинской Англии. Это может быть реализовано завтра, если люди научатся создавать собственное счастье, а не страдания других. Это невыносимо аскетическая мораль, тем не менее, ее принятие вернет на нашу землю рай.

МОРАЛЬНЫЕ ТАБУ

Интервью 1959 г.

Вудро Уайэтт

Лорд Рассел, что вы понимаете под «моральными табу»?

Лорд Рассел

Я имею в виду определенную разновидность морали, состоящую в том, чтобы сформулировать набор правил, в основном, относительно вещей, которые мы не должны делать, никак не обосновывая эти правила. В одних случаях эти основания найти невозможно, а в других — можно, но в любом случае правила рассматриваются как абсолютные, и то, что запрещается этими правилами, вы делать не должны.

А какого рода вещи запрещаются моральными табу?

Это зависит от уровня развития цивилизации. Моральные табу характеризуют примитивный уровень развития разума и человека. Думаю, что это единственно возможная мораль в примитивных племенах, где, например, правилом будет то, что вы не должны есть с одной тарелки с вождем племени. Если вы это сделаете, то, возможно, умрете; по крайней мере, так говорят люди этого племени; и существует множество правил такого рода. Вспоминаю, что король Бенина

ввел правило, согласно которому он не должен был долго смотреть в одном направлении, потому что если бы он посмотрел долго в одном направлении, то в этой части его владений начались бы бури, и поэтому он ввел правило, согласно которому он должен всегда смотреть вокруг себя, в разных направлениях.

Итак, это табу, которые, как я понимаю, характеризуют примитивные сообщества. А что Вы можете сказать о наших собственных моральных табу?

Наша собственная мораль как раз полна различных табу, всевозможных табу, даже в отношении наиболее достойных вещей. Сегодня существует только один грех, который определенно признается грехом и которого я никогда не совершал. Говорят: «Не пожелай жену соседа своего». И я никогда не желал.

Хорошо, но что Вы можете сказать о более существенных повседневных моральных табу? Можете ли Вы привести какие-нибудь примеры?

Конечно. Известно, что большая часть моральных табу сопоставима с тем, что можно назвать рациональной моралью. Например, вы не должны воровать или убивать. Эти предписания полностью согласуются с разумом, но они сформулированы в форме табу и имеют следствия, которых не должны иметь. Например, что касается убийства, то это табу запрещает эфтаназию. Однако, я полагаю, что рациональный человек не был бы против эфтаназии.

Рассматриваете ли Вы как моральные табу предписания типа индуистских о том, что вы не должны есть говядину?

Да, для индуистской морали типично то, что индусы не должны есть говядину. Мусульмане и евреи считают, что нельзя есть свинину. Невозможно найти обоснований для этих запретов, это просто табу.

Возможно, эти табу полезны? Как Вы полагаете?

Некоторые из них — да, другие — нет, все относительно. Иными словами, если вы найдете рациональное обоснование собственной морали, то сможете затем проанализировать различные табу и опре-

делить, какие из них полезны. Однако, должен сказать, что запрет есть говядину точно не приведет ни к чему хорошему.

Хорошо, если вы не являетесь приверженцем какой-либо религии — а Вы таковым не являетесь — и если Вы не слишком задумываетесь над немислимыми моральными табу, то верите ли Вы в существование какой-либо общей системы этики?

Конечно. Однако очень трудно отделить этику от политики в целом. На мой взгляд, корни этики там. Человек склонен делать то, от чего выигрывает он и от чего пострадают окружающие его люди. Если от этого может пострадать значительное количество людей, то они могут объединиться и сказать ему: «Послушай, нам это не нравится, мы считаем, что это не пойдет нам на пользу». В результате формулируется юридический закон, являющийся чисто рациональным суждением. В целом, это метод гармонизации общественных и личных интересов.

Но разве сегодня не считается, скажем, неудобным, если каждый человек будет выступать со своей собственной системой этики, вместо того чтобы принять единую общую систему этики?

Да, это было бы неудобно, если бы это имело место. В действительности же подобные системы не являются совершенно личными, поскольку, как я только что отметил, они включены в правовые отношения и, помимо этого, в систему общественного одобрения или неодобрения. Людям не нравится навлекать на себя общественное неодобрение; таким образом, принятие единой системы морали становится вполне реальным и распространенным явлением.

Как Вы считаете, существует ли грех?

Нет. Думаю, очень трудно определить, что это такое. Если вы имеете в виду чисто нежелательные действия, то, конечно, существуют нежелательные действия. В разряд «нежелательных» я отношу те действия, которые, как я предполагаю, приносят больше вреда, чем пользы; конечно, такие действия имеют место. Однако не думаю, что понятие греха является полезным. Грех — это нечто, что подлежит наказанию, и это наказание определенно хороший и правильный по-

ступок. Так, например, наказание за убийство. И это правильно не только потому, что вы хотите предотвратить убийство, а просто потому, что убийца заслуживает наказания.

Считаете ли Вы, таким образом, что идея греха является своего рода ширмой для многих случаев жестокости и несправедливости?

Да, и, думаю, очень часто. Полагаю, что только жестокие люди могли придумать ад. Людям, обладающим нормальными человеческими чувствами, не понравится мысль о том, что те, кто в земной жизни совершают поступки, осуждаемые моралью их общины, будут страдать вечно, не имея ни единого шанса на исправление. Не думаю, чтобы порядочные люди когда-либо приняли эту идею.

Вы действительно полагаете, что понятие греха дает возможность выразить чьи-то агрессивные эмоции?

Да, я так считаю. Это убеждение лежит в основе того, что Вы могли бы назвать суровой моралью. Оно позволяет Вам безжалостно причинять страдания и боль, а следовательно, это плохое убеждение.

Как же мы сможем выразить неодобрение чему-либо, не предположив, что существует такая вещь, как грех?

Неодобрение само по себе в сочетании с правовыми законами — это, как я полагаю, все, что вы можете сделать. Вы вынуждены иметь определенного рода общественное мнение. Сегодня мы понимаем, насколько это важно, когда читаем историю итальянского Возрождения, породившую теории типа макиавеллиевской. Общественное мнение терпит вещи, которые в большинстве случаев общественное мнение не стерпело бы.

Согласны ли Вы хотя бы с тем, что некоторые поступки безнравственны?

Я не хотел бы использовать это слово. Скажу, что некоторые поступки приносят больше вреда, чем пользы; и если вы знаете, что они приносят больше вреда, чем пользы, то лучше будет, если вы не будете так поступать. Если Вам нравится использовать слово «безнравст-

венный», Вы можете его использовать, но я не считаю это слово правильным и полезным.

Значительная часть моральных табу имеет отношение к сексуальным отношениям. Значительная часть Ваших работ также посвящена сексуальным отношениям. Какой совет могли бы Вы дать людям, желающим вести себя разумно во всем, что касается секса?

Прежде всего и в качестве вступления я хотел бы сказать, что из всех моих работ лишь один процент связан с обсуждением сексуальных отношений, но простые люди настолько интересуются именно этой проблемой, что не заметили остальных девяносто девяти процентов моих произведений. Теперь же я хотел бы сказать, начиная обсуждение этой проблемы, что один процент, на мой взгляд, и есть та разумная доля человеческих интересов, которая должна уделяться сексуальным отношениям. Однако и в этой области я придерживаюсь сформулированного выше подхода. Иными словами, если ваше поведение не вредит людям, то не существует причины для его осуждения. Его также нельзя осуждать на том основании, что некое древнее моральное табу осуждало такое поведение как ошибочное. Вы должны оценить его по сути, выяснить, может ли такое поведение повредить людям. Именно это лежит в основе морали сексуальных отношений, как, впрочем, и любых моральных правил.

Иными словами, изнасилование должно быть осуждено, а обычное прелюбодеяние, которое никому не наносит вреда, может и не осуждаться?

Изнасилование, конечно, должно осуждаться, как и любое другое физическое насилие над человеком. Что касается прелюбодеяния, то нужно проанализировать конкретную ситуацию с тем, чтобы иметь возможность вынести суждение «за» или «против». Вы не должны закреплять ярлык осуждения за определенными ситуациями раз и навсегда.

Считаете ли Вы правильным наличие правил в отношении того, что имеет право быть опубликованным, а что — нет?

По этому вопросу я придерживаюсь, скажем, крайней позиции, с которой, думаю, согласятся немногие. Я считаю, что не должно существовать правил, запрещающих какие-либо публикации. Я думаю так отчасти потому, что если такие правила будут существовать, то недалекие чиновники могут запретить действительно значительные произведения просто потому, что те их шокировали. Это первая причина. Вторая причина заключается в том, что запреты невероятно увеличили интерес к порнографии. Во времена сухого закона я часто бывал в Америке и видел, что там пили гораздо больше, чем до этого закона; то же самое имеет место и в случае порнографии. Приведу пример того, что я думаю о запретах. Древнегреческий философ Эмпедокл считал, что грешно есть лавровые листья, и он жаловался, что может оказаться в аду, потому что он ест лавровые листья. В наше время никто не скажет мне, что грешно есть лавровые листья, но я никогда их не ел, а Эмпедокл, которому говорили, что грешно есть лавровые листья, ел их. Думаю, этот пример хорошо иллюстрирует ситуацию с порнографией.

Вы полагаете, что если напечатать все, что было написано о непристойностях, то интерес людей к этим вещам не увеличится?

Думаю, что он снизится. Предположим, например, что к публикации были разрешены непристойные почтовые открытки. Первые год-два они вызывали бы интерес, а затем они надоели бы людям и никто на них больше не обращал бы внимания.

Вы думаете, что это также применимо к книгам и к другой печатной продукции?

Думаю, да; в пределах разумного. Иными словами, если нечто является произведением искусства или хорошей книгой, то люди будут на это смотреть, будут читать эту книгу, но не потому, что это оценивалось как порнография.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали, — к немислимым правилам моральных табу. Как Вы думаете, какой ущерб они наносят людям в наши дни?

Можно выделить два вида ущерба. Один состоит в том, что обычно моральные табу уходят своими корнями в древность, в совершенно отличные от нашего по своей организации общества, которым соответствовали действительно иные моральные правила, но эти правила часто уже не соответствуют современному обществу. В частности, это относится к искусственному оплодотворению, о котором моралисты прошлого не могли даже пофантазировать. Это одного вида ущерб. Другой состоит в том, что в моральных системах, основывающихся на табу, как правило, сохраняются преступления, характерные для прошлого. Приведу несколько примеров. Рассмотрим человеческие жертвоприношения. На очень ранней стадии своего развития греки стали отказываться от человеческих жертвоприношений и захотели отменить их. Однако существовал один институт, выступавший против отмены человеческих жертвоприношений, а именно Дельфийский Оракул. Отмена этих жертвоприношений привела бы к отказу от суеверий, чего ему не хотелось бы. Поэтому практика человеческих жертвоприношений в Дельфах сохранялась еще долго после того, как остальные греки от нее отказались. Это один пример. Приведу другой, немаловажный, пример. Вскрытие трупов всегда считалось в высшей степени греховным делом. Везалий, выдающийся врач эпохи императора Карла V, понял, что без вскрытия трупов невозможно действительно лечить людей и понять различные болезни. И он вскрывал трупы. Поскольку император Карл V был болезненным человеком, а Везалий был единственным врачом, который ему действительно помогал, то император защищал своего врача в его опытах. Но после того, как Карл V отрекся от престола, некому стало защищать Везалия, и он был осужден за вскрытие тела, которое, как было сказано на суде, еще не было мертвым. В качестве наказания его отправили в паломничество в Святые земли. По дороге его корабль потерпел крушение, и он погиб. И все потому, что существовало моральное табу, запрещающее вскрывать трупы. И в наши дни моральные табу, конечно, приносят ущерб. Возьмем, например, вопрос контроля рождаемости. В определенных слоях общества существуют моральные табу, которые приносят огромный ущерб. Огромный ущерб. Он выражает-

ся в умножении бедности и войн. Он делает невозможным решение многих социальных проблем. Наверное, это самое важное, но существует и множество других примеров вреда, наносимого моральными табу. Несомненный вред приносит табу на развод; оно основывается исключительно на древних традициях, а не на анализе современной ситуации.

ФАНАТИЗМ И ТЕРПИМОСТЬ

Интервью 1959 г.

Вудро Уайт

Каково Ваше определение фанатизма, лорд Рассел?

Лорд Рассел

Я склонен думать, что фанатик — это человек, считающий какой-либо вопрос настолько важным, что он перевешивает все остальное вообще. Например, я полагаю, что всем приличным людям не нравится жестокость по отношению к собакам, но если бы вы думали, что жестокость по отношению к собакам настолько ужасающа, что никакая другая жестокость не идет с ней в сравнение, тогда вы были бы фанатиком.

Как Вы считаете, часто ли в истории человечества случалось так, что большие группы людей оказывались охвачены фанатизмом?

Да, так происходило в большинство периодов в большинстве частей света. Это одна из болезней сознания, которой подвержено общество.

Какие случаи Вы бы назвали худшими?

Итак, думаю, можно упомянуть различные случаи. Возьмем антисемитизм. Это один из ужасных примеров, худшее проявление, настолько ужасное, что тяжело даже думать об этом. Я знаю, что неправильно так говорить, по крайней мере не считается правильным так

говорить, но антисемитизм пришел вместе с христианством, прежде его проявления были очень невелики. В тот момент, когда римское правительство приняло христианство, оно стало антисемитским.

Почему так произошло?

Потому что считалось, что евреи убили Христа, и это стало оправданием ненависти к евреям. Я не сомневаюсь, что существовали экономические мотивы, но это было оправданием.

Как Вы думаете, почему большое число людей охвачено фанатизмом?

Частично это происходит оттого, что фанатизм дает вам удобное чувство взаимодействия. У группы фанатиков, когда они собираются вместе, возникает уютное чувство, что они все друзья. Они восхищаются одними и теми же вещами. Вы можете это увидеть в любой политической партии. В каждой политической партии всегда существует группа фанатиков, и они чувствуют себя друг с другом очень хорошо, и, когда это распространяется и соединяется со склонностью ненавидеть какую-нибудь другую группу, вы получаете хорошо развитый фанатизм.

Но может ли фанатизм временами быть источником хороших действий?

Он служит движущей силой для действий вообще, но я не могу вспомнить ни одного примера в истории, когда бы он был источником для добрых дел. Полагаю, фанатизм всегда служил для плохих целей, потому что он пристрастен, потому что он почти неизбежно включает в себя какую-либо разновидность ненависти. Вы ненавидите людей, которые не разделяют ваш фанатизм. Это почти неизбежно.

Но если он вызван экономическими соображениями, скажем, как крестовые походы, тогда фанатизм исчезает и возможно не приносит вреда?

Не знаю... Я... Я не думаю, что крестовые походы принесли пользу. Крестовые походы, конечно, внутри себя имели два различных

течения: фанатическое и экономическое. Экономическое течение было действительно очень сильным, но оно не стало бы работать без фанатизма. Грубо говоря, фанатизм обеспечивал войска, а экономические мотивы — генералов.

Какую роль Вы отвели бы колдовству в фанатизме?

О, колдовство играло ужасную роль, особенно... примерно с 1450 до 1600 года. Довольно страшную роль. Существовала книга под названием «Молот ведьм», написанная видным духовным лицом и вдохновившая сумасшедшую охоту на ведьм. Прочтя эту книгу, женщины начинали считать себя ведьмами. Я думаю, вполне вероятно, что Жанна д'Арк полагала, что она была ведьма. Конечно, огромное число женщин, которых обвиняли в колдовстве, верили, что они были ведьмами, и жестокость получила чрезвычайно широкое распространение. Сейчас, прочтя работы сэра Томаса Брауна, вы бы сказали, что он кажется очень гуманным и культурным человеком, но он в действительности принимал участие в судах над ведьмами на стороне обвинения и говорил, что отрицание существования колдовства — это форма атеизма, потому что в конце концов Библия говорит: ты не должен позволять ведьме жить. Поэтому, если вы не думаете, что сжигать подозреваемых в колдовстве людей правильно, вы, должно быть, не верите в Библию и, следовательно, вы атеист.

Почему, как Вы думаете, многие люди, которые довольно разумны, во всяком случае внешне, так фанатичны?

Разумность — это относительный термин. Очень мало людей совершенно нормальных. Почти у всех в душе есть уголки, где они ненормальны. Помню, однажды в Калифорнии я ехал на автомобиле в очень дождливый день и подобрал насквозь промокшего пешехода, который осуждал все виды расовых предрассудков. Он сказал, что это самая ужасная вещь, и я полностью был с ним согласен. Затем кто-то из моих спутников упомянул Филиппины, и он сказал, что все филиппинцы отвратительные. Вы видите, что и у него был этот маленький уголок ненормальности.

Почему вы придаете так много значения вопросу фанатизма?

Потому что бóльшая часть зла в этом мире совершается из-за фанатизма.

Но Римская католическая церковь, например, считала, что более важно верить в определенные догмы, чем сохранить жизнь, не веря в них. Существует ли разница между этим положением и тем, что мы думаем сегодня?

Разница в масштабах. Римская католическая церковь не была распространена во всем мире. Существовало огромное количество людей, которых это не могло касаться, но водородная бомба может коснуться каждого.

Вы можете более подробно остановиться на этом?

Да, конечно. Этот вопрос заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее. Я думаю, что напряженность, существующая в отношениях между Востоком и Западом и угрожающая всем нам, является, в основном, следствием фанатической веры в коммунизм или антикоммунизм, смотря о ком идет речь. Обе стороны верят в свои убеждения слишком сильно. Они верят в них таким образом, который я называю фанатическим, то есть предотвращение того, что они считают злом в другой стороне, более важно для них, чем даже продолжение существования человеческой расы, — и это фанатизм. Это тот фанатизм, который угрожает нам всем, фанатизм, который существует с обеих сторон.

Каково Ваше определение терпимости?

Оно зависит от направления ваших мыслей. Терпимость к мнениям, если она действительно настоящая, состоит в ненаказуемости любого мнения, пока оно не ведет к каким-либо криминальным действиям.

Вы можете проиллюстрировать периоды в истории, когда царила терпимость?

Да. Терпимость, на мой взгляд, действительно началась с концом Тридцатилетней войны. В Англии период (веро)терпимости наступил чуть позже из-за того, что к тому времени мы прошли лишь первую половину нашей Гражданской войны, но очень скоро после этой вой-

ны данный период начался и у нас. Первым государством, действительно основывающимся на принципе (веро)терпимости, была Голландия. Все ведущие умы XVII в. в определенные периоды их жизни находили убежище в Голландии, и если бы не существовало Голландии, они были бы просто уничтожены. Англичане были не лучше, чем другие люди того времени. Было парламентское расследование, сделавшее вывод, что Гоббс — очень плохой человек, и было принято решение не публиковать в Англии работы Гоббса. И они не публиковались очень долгое время.

Вы бы назвали древние Афины терпимым государством?

Оно было более или менее терпимым. Оно было более терпимым, чем современные государства до XVIII в. Но оно не было, конечно, абсолютно терпимым. Каждый знает о Сократе, приговоренном к смерти, и кроме него были еще и другие люди. Анаксагор должен был спастись бегством. Аристотель должен был бежать после смерти Александра. Как бы то ни было, Афины не были до конца терпимым государством.

Как тогда понять, какой период был терпимым? Как узнать это?

Вы узнаете это по демократическим свободам. Свободная пресса, свободная мысль, свободная пропаганда. Свобода читать то, что вам нравится, свобода иметь ту религию, которая вам нравится, или свобода не иметь ее.

Но вся эта свобода существует сегодня на Западе, и как быть с тем, что, как Вы только что сказали, фанатизм никогда не был так силен?

Я не думаю, что терпимость действительно существует. Я имею в виду, например, то, что сделали в Америке, где прошли по всем публичным библиотекам и уничтожили любые книги, содержащие информацию о России. Вы не можете назвать это совершенной терпимостью.

Без энтузиазма мы не могли бы действовать. Если мы чересчур преисполнены энтузиазмом, то существует опасность стать фанатиками. Как мы можем быть уверены, что действуем правильно и не ввергаем себя в состояние фанатизма?

Конечно, я не претендую на истину, но, на мой взгляд, вы можете сделать лишь следующее. Вы можете сделать принципом то, что будете действовать только на том основании, которое, как вы полагаете, скорее всего истинно. Лучше воздержаться от действий, если они будут губительны и ошибочны. Я бы сравнил это с сжиганием людей на костре. Думаю, что если общепринятая теология времен гонений была бы совершенно истинной, то сжигание еретиков на костре было бы праведным делом. Но если бы существовала хоть малейшая возможность того, что эта теология неверна, то тогда вы бы делали плохое дело. Я думаю, что мы должны руководствоваться такого рода принципами.

Применимо ли это к политическим партиям или правительствам?

Да, конечно. Я считаю, что каждый, кто принадлежит к политической партии, думает, что другая партия не права, но это не означает, что мы имеем право идти и убивать сторонников другой партии.

Каковы пределы терпимости, и когда терпимость превращается во вседозволенность и хаос?

Я думаю, обычным ответом с позиции либерала был бы следующий: должна существовать абсолютная терпимость по отношению к пропаганде взглядов, которые не противоречат законам, но не должно существовать полной терпимости к защите действий, которые остаются криминальными до того момента, пока не изменен закон. Проиллюстрируем это так: вы можете, например, быть сторонником введения института смертной казни в стране, где она не существует, но вы не должны чувствовать себя свободным до такой степени, чтобы убить любого, кто, как вы думаете, заслуживает этого.

Как Вы думаете, фанатизм толкает мир в пучину? Как нам выбраться из нее?

Волны успокоятся, и поверхность станет ровной, но они утихнут, только когда мир будет находиться в довольно стабильных условиях. До тех пор, пока он находится в очень нестабильных условиях, существует ситуация, благоприятствующая фанатизму, поэтому, я думаю,

нужно попытаться установить некоторую степень стабильности в мире.

Вы думаете, существует какой-нибудь шанс ослабить фанатизм в мире?

О, я думаю, что есть огромный шанс. Полагаю, это зависит от политиков. Думаю, что если бы у нас была система, при которой угроза мировой войны была бы не столь большой, то произошел бы очень быстрый рост терпимости и разумности как на Востоке, так и на Западе. Но, я думаю, пока существует напряженность, это очень сложно.

НАЦИОНАЛИЗМ

Интервью 1959 г.

Вудро Уайэтт

Как Вы думаете, лорд Рассел, национализм — это плохое или хорошее явление?

Лорд Рассел

Необходимо понимать разницу между культурным и политическим аспектами национализма. С точки зрения культуры, необычайное единообразие современного мира — довольно прискорбная вещь. Если вы приезжаете в дорогой отель, то не найдете ничего, что указывало бы вам на то, какой это континент, или какая часть мира, или что-нибудь еще. Все они в точности похожи друг на друга во всем мире, все это немного скучно, и едва ли стоит предпринимать поездку в качестве богатого путешественника. Если вы хотите увидеть другие страны, вам нужно путешествовать как бедняку, и в этом отношении, я думаю, найдется много хорошего сказать в защиту национализма. В защиту сохранения разнообразия — в литературе, в искусстве, в языке и во всех аспектах культурной жизни. Но когда национализм приходит в политичес-

кую жизнь, я думаю, он становится абсолютным злом. Я не думаю, что существует хоть что-то, что может быть сказано в его защиту.

Что бы Вы сказали о целях, основных целях, организации национального государства?

Основные цели — это те, которые само государство называет «защитой», и то, что все другие государства называют «агрессией». Это один и тот же феномен, только каждая сторона дает ему разные названия. Фактически, государство — это прежде всего организация для уничтожения чужаков, это его главная цель. Существуют, конечно, и другие вещи, которые оно делает. Оно дает определенное количество образования, но в курсе этого образования вы усердно стараетесь заставить молодежь думать, что убивать иностранцев — это благородное дело. Взять, например, строки в национальном гимне, которые не так часто исполняются, как во времена моей молодости, где говорится: «Разоблачим их мошеннический обман, сорвем их политические планы и повергнем их». Мы все, бывало, распевали это с большим удовольствием перед каждым иностранцем.

Как «Правь, Британия!»?

Да, и «Правь, Британия!» тоже. Сейчас, с тех пор как Британия прекратила властвовать, мы не можем так же красиво срифмовать: «Управляйте, Соединенные Штаты, Соединенные Штаты, властвуйте», — так как это не будет скандироваться. И таким образом мы все это прекратили.

Вы это имеете в виду, когда говорите о национализме как об опасной вещи?

Я говорю, что он опасен в той его части, в которой он внушает убеждение, что ваша собственная страна великолепна и всегда во всем права, тогда как о других странах, ... можно сказать словами мистера Подснапа у Диккенса: «Иностранные нации, мне жаль об этом говорить, поступают так, как они поступают». Я не думаю, что правильно рассматривать иностранные нации таким образом. Тому есть множество курьезных примеров. Я написал книгу, в ко-

торой речь шла о национализме и было такое высказывание: «Существует, конечно, одна нация, которая объединяет в себе все высшие добродетели, которые каждая нация приписывает себе. Эта та, к которой принадлежит мой читатель». И я получил письмо от поляка, говорящее: «Я так счастлив, что вы признаете превосходство Польши».

Да, я понимаю. Какие еще примеры возникают в этой связи... я имею в виду, можете ли Вы еще проиллюстрировать это?

Да. На совещании Объединенных наций присутствовала очаровательная юная леди, очень увлеченная ездой на велосипеде. Она приехала из Эквадора и однажды, потеряв управление, на велосипеде скатилась вниз с очень крутого холма и чуть не убилась. И мой друг, Гилберт Мюррей, спросил ее: «Вы не испугались, когда летели с этого холма?» И она ответила: «О, нет. Я сказала сама себе: помни, что ты — эквадорка!»

Но это, конечно, можно отнести к любому.

Да. Я иногда рассказывал эту историю, и все смеялись. И я говорил: «Да, но знаете, если бы я упомянул некую другую страну, никто бы не смеялся».

Да. Почему люди хотят быть разделенными на национальные государства?

Это объясняется нашей эмоциональной организацией. Мы подвержены в равной степени и любви и ненависти, и любим проявлять и то и другое. Мы любим наших соотечественников и ненавидим иностранцев. Конечно, мы любим наших соотечественников только тогда, когда думаем об иностранцах. Когда мы об иностранцах забываем, то уже не любим так сильно соотечественников.

Но что же тогда делать со всем этим? Вы говорите, что определенная степень национализма приемлема и правильна. Но как Вы собираетесь определить, что национализм не зашел слишком далеко?

Я не думаю, что это возможно; вы никогда не сможете быть уверены в таких вещах. Но вы можете заявить, и мир должен заявить о том, что если человечество хочет выжить, то армии, военно-морские и воздушные силы должны быть не национальными, а интернациональными. Тогда не будет иметь большого значения, думаете ли вы плохо о какой-нибудь другой стране, учитывая, что вы не сможете уничтожить ее.

Я понял кое-что еще. Иногда, если вы чувствуете, что вы совершаете что-то ради своей страны, например покоряете гору Эверест или изобретаете машину, способную летать в космическом пространстве, у вас будет гораздо больше вдохновения, и вы сделаете это более энергично и эффективно, чем когда вы думаете, что совершаете что-то, руководствуясь туманными глобальными принципами.

Да, действительно, люди хотят иметь довольно ограниченный стимул, но, я думаю, существует множество способов для его поддержания. Я имею в виду, что такие вещи, как, например, экспедицию на Эверест, готовит не страна, но почти всегда какие-нибудь учреждения или группы очень богатых людей или что-то в этом роде, и вы можете совершить это восхождение в их честь так же, как и для славы своей страны.

Но если вы хотите некоторого соперничества и стимула в соревновании, конечно, нация — действительно очень удобный способ добиться этого?

Да. Я совсем не возражаю против соревнования и соперничества, при условии, что оно не приводит к убийству. Я думаю, допустима конкуренция между городами. Если один город строит очень красивую ратушу, в другом думают: «У нас тоже должна быть прекрасная ратуша». Соревнование такого сорта приводит к чему-то хорошему. Манчестер и Ливерпуль, насколько я понимаю, не любят друг друга, но они не содержат частных армий, чтобы вести войну друг с другом.

Расскажите, как вы собираетесь управлять организованным обществом, особенно во времена опасности, кризисов или напряженности, если вы не верите в лозунги из статьи «Моя страна — права или нет»?¹

Если говорить здесь о том, что должно быть фактически, то, как я сказал выше, должна существовать только единая военная сила, интернациональная, а не национальная. В этом случае опасные ситуации, о которых вы говорите, не возникали бы, потому что не было бы возможности для национальной агрессии, и тем самым не было бы нужды в национальной защите.

Но они все же возникают в настоящее время?

Они все же возникают в настоящее время, и вы должны донести до людей мысль, что несмотря на то что будет правильно сопротивляться агрессии, неправильно совершать агрессию. Если никто не будет совершать агрессий, не возникнет поводов и для отражения агрессии. Но я все же думаю, что отражение агрессии — это достаточно правильный поступок.

Возьмем Средний Восток с конца последней войны. Сейчас арабский национализм породил много новых государств и сильное чувство самоуважения и процветания для большого числа арабов. Так хорошо это или плохо?

Пока еще очень трудно об этом говорить. Я думаю, пока это включает в себя повышение самоуважения арабов или заставляет их думать, что они способны на великие достижения — все это хорошо. Но когда национализм подразумевает ненависть к людям, которые не

¹ Думается, что здесь имеется в виду известная статья Дж. Оруэлла: *Orwell G. My Country Right or Left // The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell / Orwell S., Angus I. (eds.) N.-Y.: Harcourt, Brace, and World, 1968, v. 1.* Оруэлл настойчиво пытается сочетать патриотизм и левую идеологию. Вот почему Оруэлл не просто патриот, но «социал-патриот». Патриотизм, пишет Оруэлл в этой статье, «не имеет никакого отношения к консерватизму. В действительности он ему противоположен, поскольку патриотизм означает привязанность к чему-то вечно меняющемуся, что в то же время переживается как мистически неизменное. Патриотизм — мост между будущим и прошлым. Ни один подлинный революционер никогда не был интернационалистом». — *Прим. ред.*

являются арабами, например жителям Израиля, это не может считаться хорошим.

Чего я не понимаю, так это того, как кто-нибудь, действуя иногда в рамках националистических чувств, совершает достойные поступки. Как можно предотвратить их превращение в плохие?

Просто путем объединения правительств. Возьмем, например, случай Англии и Шотландии. Англия и Шотландия находились в состоянии войны друг с другом в течение столетий, я подчеркиваю, столетий, и с каждой стороны границы поддерживалось и считалось правильным ненавидеть людей на другой стороне границы. А затем, из-за чисто династической случайности, правительства были объединены, и эта ненависть исчезла.

Вы имеете в виду то, что у них оказался один и тот же король?

Да.

По ошибке?

Да.

Насколько, по вашему мнению, расовое предубеждение связано с национализмом?

Конечно, это его составная часть. Я имею в виду, что расовое предубеждение возникает, если существует расовое различие между двумя соседствующими нациями. Расовое предубеждение возникает и усиливает национализм каждой нации. Это не одно и то же, расовое предубеждение отличается от национализма, но оно очень легко вступает в союз с ним.

Как Вы считаете, расовые предубеждения усилились за последние пятьдесят лет?

Да, я полагаю, это так, но я не совсем уверен. Я... я не знаю, возьмем, например, Редьярда Киплинга, сделавшего очень много для поощрения британского империализма. Он говорил о «малых племенах, не знающих закона», и все его книги внушали, что любой, кто не был белым — или можно даже сказать, что любой, кто не был британцем, был в чем-то неполноценным.

Мы все знаем, что американцы и европейцы страдают от расовых предрассудков. Как Вы думаете, азиаты и африканцы страдают от них меньше?

Нисколько. И фактически из-за того, что это довольно ново для них, они, вероятно, страдают от расовых предрассудков в настоящий момент больше. Я думаю, что и африканский, и азиатский национализм в настоящий момент гораздо сильнее, чем тот, который существует среди европейцев, потому что они только почувствовали к нему вкус. Я думаю, что это очень, очень большая опасность. Я думаю, национализм, не говоря уже о напряженности и угрозе войны между Востоком и Западом, — это величайшая опасность, с которой человек столкнулся в наше время.

Что Вы думаете о такой ситуации: иногда, когда с другими нациями плохо обращаются, люди идеализируют их?

Да, это так. Это устойчивый шаблон: когда некоторые нации, или классы, или еще кто-нибудь несправедливо притесняются, люди из добрых, человеческих побуждений начинают думать, что они должны быть в высшей степени добродетельными и совершенно очаровательными людьми. И когда, наконец, эти нации или классы получают свободу, они, по мере роста их могущества, сами начинают творить все то зло, которое до этого совершали их угнетатели.

Это неизбежная схема?

Нет, нет. Это не неизбежно, и это не всегда случается. Я... я думаю, за пример того, что это происходит не всегда так, можно взять Индию. Я думаю, Индия, с тех пор как она стала свободной, обошлась без того зла, которое так часто случается с освобожденными людьми.

Почему Вы думаете, что национализм кажется сейчас гораздо более опасным, чем когда-либо прежде?

О, это все из-за образования. Образование приносит ужасно много вреда. Я иногда думаю, что было бы лучше, если бы люди были все еще неспособны читать и писать. Потому что огромное большинство из них, когда они научатся читать и писать, становятся открыты для пропаганды, а в каждой стране пропаганда контролируется государ-

ством и представляет собой то, что нравится государству. А что нравится государству, так это ваша готовность совершить убийство, когда вам прикажут.

Минуту назад Вы говорили, что, по Вашему мнению, национализм — это худшая из вещей, существующих в мире. Вы имели в виду, что он даже опаснее, чем коммунизм?

Ну, я не думаю, что это большая опасность, чем напряженность между Востоком и Западом, которая, я думаю, — величайшая опасность в мире. Но я думаю, что если напряженность между Востоком и Западом будет устранена, то национализм будет таковой опасностью. Национализм угрожал бы человечеству больше, чем мирное распространение коммунизма.

Есть ли какое-нибудь еще решение проблемы национализма, чем, скажем, угроза вторжения с Марса?

Да, это остановило бы его сразу. Тогда бы у нас появился планетарный национализм нашей планеты против других планет. В школах мы бы учили, насколько более прекрасна наша планета, чем этот жалкий Марс, о котором мы не знаем ничего и поэтому можем вообразить любое количество присущих ему пороков, так что это будет очень простое решение. Но я боюсь, что мы не можем рассчитывать на это. Я думаю, мы должны надеяться, что у людей все же появятся позитивные цели — цели обеспечения процветания своей собственной и других стран, а не негативные цели раздоров.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА

Первая публикация в 1935 г.

ПРИ СРАВНЕНИИ нашего века с веком, скажем, Георга I мы наблюдаем основательные изменения интеллектуального порядка, которые являются следствием изменения общей атмосферы в политике. В определенном смысле мировоззрение двухсотлетней давности может быть названо «рациональным», а мировоззрение, наиболее характерное для нашего времени, может быть названо «антирациональным». Но я бы хотел использовать эти слова, не подразумевая полного принятия одного мировоззрения или полного неприятия другого. Кроме того, важно помнить, что на политические события очень часто влияют теории прежних времен: существует обычно значительный интервал между появлением теории в виде книги и ее практическим воздействием. Английская политика в 1860 г. находилась под влиянием идей, высказанных Адамом Смитом в 1776 г.; немецкая политика сегодня — это реализация теорий, изложенных Фихте в 1807 г.; русская политика с 1917 г. — это воплощенные (в жизнь) идеи Манифеста Коммунистической партии 1848 г. Таким образом, чтобы понять современную эпоху, необходимо обратиться к более раннему времени.

Широко распространенная политическая доктрина имеет, как правило, два различных истока. С одной стороны, существуют интеллектуальные предшественники: люди, которые выдвинули теории, основанные, благодаря развитию или реакции, на предшествующих теориях. С другой стороны, существуют экономические и политические условия, которые предрасполагают людей принимать взгляды, соответствующие определенным настроениям. Это не единственное обстоятельство, объясняющее часто встречающееся пренебрежение интеллектуальным наследием. В особых случаях, которые нас и интересуют, в различных странах послевоенного мира существуют определенные основания для недовольства, которые располагают людей, живущих в этих странах, к восприятию определенной общей философии, выработанной в более раннее время. Я предлагаю сначала рассмотреть эту философию, а затем проанализировать причины ее сегодняшней популярности.

Бунт против *разума* начинался как бунт против *рассуждения*. В первой половине XVIII в., когда умами людей правил Ньютон, существовало широко распространенное мнение, что познание представляет собой открытие простых общих законов, из которых посредством дедукции могут быть выведены заключения. Многие забывали, что ньютоновский закон гравитации основывался на столетних тщательных наблюдениях, и полагали, что общие законы могут быть просто открыты в природе. Существовала естественная религия, естественное право, естественная мораль и так далее. Предполагалось, что эти отрасли знания состоят из убедительных выводов, сделанных на основании очевидных аксиом в стиле Евклида. Политическим итогом распространения этого мнения стала доктрина Прав Человека в том виде, в каком она проповедовалась во время Американской и Французской революций.

Но в тот самый момент, когда Храм Разума, казалось, был почти завершен, под него была подложена бомба, и в результате все сооружение взлетело на воздух. Человеком, подожившим эту бомбу, был Давид Юм. Его «Трактат о человеческой природе», опубликованный в 1739 г., имел подзаголовок «Попытка распространить эксперименталь-

ный метод рассуждений на моральные проблемы». Этот подзаголовок целиком объясняет его намерение, но только наполовину — его исполнение. Намерением была замена наблюдения и индуктивного метода на дедукцию, происходящую из кажущихся самоочевидными аксиом. По складу ума он был законченным рационалистом, хотя скорее бэконизанского, чем аристотелевского толка. Но почти беспримерное сочетание пронизательности с интеллектуальной честностью привели его к несомненным и разрушительным заключениям: индукция — это логически необоснованная привычка, а вера в причинность немногим лучше, чем суеверие. Из этого следовало, что наука, наряду с богословием, должна быть разоблачена как собрание несбыточных надежд и иррациональных убеждений.

В учении Юма рационализм и скептицизм мирно сосуществовали. Скептицизм предназначался только для исследований и был забыт в делах практических. Кроме того, практическая жизнь управлялась, насколько это было возможно, именно теми методами науки, которые ставил под сомнение его скептицизм. Такой компромисс был возможен только для человека, который был в равной степени и философом, и земным человеком; есть также и оттенок аристократического торизма в сохранении эзотерического неверия для посвященных. Мир отказался принять доктрины Юма во всей их полноте. Последователи Юма отвергали его скептицизм, тогда как немецкие оппоненты Юма подчеркивали скептицизм как неизбежный результат исключительно научного и рационального мировоззрения. Таким образом, в результате знакомства с учением Юма британская философия стала поверхностной, а немецкая философия — антирациональной; и в том и другом случае из-за боязни невыносимого агностицизма. Европейская мысль никогда не возвратит себе свою прежнюю искренность; среди преемников Юма здравомыслие означало поверхностность, а глубина — некоторую степень сумасшествия. Старые споры, начатые в свое время Юмом, продолжают в большинстве недавних философских дискуссий по проблемам квантовой физики.

Философия, характерная для Германии, начинается с Канта и начинается как реакция против философии Юма. Канту было предподре-

делено верить в причинность, Бога, вечность, моральный закон и так далее, но он сознавал, что философия Юма сделала это довольно сложным. Поэтому он придумал разницу между «чистым» и «практическим» разумом. «Чистый» разум касался всего, что может быть доказано, а таких вещей не так много; «практический» разум имел отношение к тому, что необходимо для добродетели, а таких вещей очень много. Конечно, очевидно, что «чистый» разум был просто разумом, тогда как «практический» разум был предрассудком. Таким образом, Кант вернул в философию обращение к чему-то осознанному как явление, находящееся вне сферы теоретической рациональности, что изгонялось из школ с самого зарождения схоластики.

Даже более важной фигурой, чем Кант, с нашей точки зрения, был его непосредственный преемник — Фихте, который, пройдя путь от философии к политике, дал жизнь новому движению, ставшему национал-социализмом. Но прежде чем начинать разговор о нем, следует добавить кое-что еще о концепции «разума».

Ввиду неудачи найти ответ на проблемы, поставленные Юмом, «разум» не мог более рассматриваться как нечто абсолютное, и любое рассуждение, сделанное на разумных основаниях, осуждалось с теоретической точки зрения. Тем не менее, очевидна разница, к тому же очень существенная, между настроением, скажем, философских радикалов и таких людей, как ранние мусульманские фанатики. Если мы называем первый склад ума разумным, а второй безрассудным, то становится очевидным, что за недавнее время имел место рост неразумности.

Я думаю, то, что мы на практике имеем в виду, когда говорим о разуме, можно определить с помощью трех характеристик. Во-первых, разум полагается скорее на убеждение, чем на силу; во-вторых, он стремится убедить с помощью аргументов, которые, по мнению человека, использующего их, являются совершенно обоснованными; и в-третьих, при формировании определенного мнения он использует в наибольшей степени наблюдение и индукцию, а интуицию — в наименьшей степени. Первая из этих характеристик берет начало в практике Инквизиции; вторая — в таких методах, как британская

военная пропаганда, которую хвалил Гитлер на том основании, что пропаганда «должна тем глубже опускаться с интеллектуальных высот, чем больше количество людей, вниманием которых она должна овладеть»; третья запрещает использование предпосылки типа той, что сделал президент Эндрю Джексон относительно Миссисипи: «Господь Всемогущий предполагал, что эта великая долина будет принадлежать одному народу», которая была очевидной для него и его слушателей, но не было столь легко доказуемым для того, кто сомневался в нем.

Опора на разум, охарактеризованный таким образом, предполагает определенную общность интересов и взглядов между кем-либо и его аудиторией. Миссис Бонд действительно пыталась опереться на разум, когда кричала своим уткам: «Подойдите и вы будете убиты, чтобы быть нафаршированными и понравиться моим покупателям», но, в общем, обращение к разуму — вещь неэффективная в отношении тех, кого мы собираемся уничтожить. Любители мяса не пытаются найти аргументов, которые казались бы вескими для овцы, и Ницше не пытается убедить массы населения, которые он называет «неумелыми и неприспособленными». Не делает этого и Маркс, пытаясь заручиться поддержкой капиталистов. Как показывают эти примеры, взывать к разуму легче, когда власть полностью подчинена олигархии. В Англии XVIII в. важны были мнения только аристократов и их друзей, а эти мнения всегда могли быть представлены в рациональной форме другим аристократам. Когда количество политических избирателей становится больше и разнообразнее, все сложнее обращаться к их разуму, поскольку уменьшается число общепризнанных принципов, лежащих в основе возможного согласия. Если невозможно найти таких предпосылок согласия, то люди склонны полагаться на собственную интуицию; а поскольку интуиция у разных групп разная, то опора на нее ведет к борьбе и власти политиков.

В этом смысле выступления против разума — феномен, время от времени повторяющийся в истории. Ранний буддизм был разумным, его поздние формы и индуизм, заменивший буддизм в Индии, не были таковыми. В Древней Греции орфики восстали против гомеровской

рациональности. От Сократа и до Марка Аврелия выдающиеся люди в древнем мире были в основном рационально мыслящими. После Марка Аврелия даже консервативные неоплатоники были полны предрассудков. За исключением мусульманского мира, требования разума были в забвении вплоть до XI в., после которого, благодаря схоластике, Возрождению и науке, они стали господствующими. Противодействие началось с Руссо и Уэсли, но было сдержано триумфом науки и техники в XIX в. Вера в разум достигла своего максимума в 60-е гг.; потом она стала постепенно уменьшаться и уменьшается до сего дня. Рационализм и антирационализм сосуществовали с начала греческой цивилизации, и каждый раз, когда один из них, казалось бы, становился господствующим, начинался новый виток развития его противоположности.

Современное выступление против разума в значительной степени отличается от большинства предшествующих. Начиная с движения орфиков, обычной целью в прошлом было спасение — сложное понятие, включающее в себя и добродетель, и счастье, и достигалась эта цель, как правило, благодаря трудному самоотречению. Целью иррационалистов нашего времени является не спасение, а власть. Они, следовательно, развивают этику, которая противоположна этике Христианства и Буддизма, и из-за своей страсти к господству они неизбежно включаются в политическую деятельность. Их представители среди писателей — это Фихте, Карлейль, Мадзини, Ницше, при поддержке таких авторов, как Трейчке, Редьярд Киплинг, Хьюстон Чемберлен и Бергсон. Противопоставлены этому движению сторонники Бентама и социалисты, которые могут рассматриваться как два крыла одной партии: оба космополитические, оба демократические, оба призывают к экономической независимости. Они отличаются *inter se* по средствам, но не по целям, тогда как новое движение, которое достигло своей кульминации уже в идеях Гитлера, не только отличается целями от обоих указанных выше движений, но отличается и от всей традиции христианской цивилизации.

Цель, которую, по мнению почти всех иррационалистов, на основе учений которых сформировался фашизм, должен преследовать госу-

дарственный деятель, наиболее ясно выразил Ницше. Сознательно противопоставляя себя христианству, а также утилитаристам, он отвергает доктрины Бентама относительно счастья и «наибольшего счастья для наибольшего числа людей». «Человечество, — говорит он, — несомненно, скорее средство, чем цель... человечество — просто материал для опыта»¹. Цель, которую он предлагает, — это величие исключительного человека: «Цель — достигнуть этой огромной энергии величия, которая может создать человека будущего средствами дисциплины и также посредством уничтожения миллионов неумелых и неприспособленных, который тем не менее может избежать разрушения в виде страданий, созданных вследствие этого, подобных которым никогда прежде не видели». Следует заметить, что эта концепция цели не может считаться сама по себе противоположной разуму, так как вопросы целей не подвержены рациональному обсуждению. Нам это может *не нравиться* — мне лично это не нравится, — но мы не можем *опровергнуть* это после того, как Ницше смог доказать это. Существует, тем не менее, естественная связь с иррациональностью, поскольку разум требует беспристрастности, тогда как культ великого человека всегда имеет в качестве меньшей предпосылки утверждение: «Я великий человек».

Все основатели той школы мысли, из которой вырос фашизм, имеют определенные общие характеристики. Они ищут добро скорее в воле, чем в чувстве или знании; они ценят силу больше, чем счастье; они предпочитают принуждение дискуссии, войну — миру, аристократию — демократии, пропаганду — научной беспристрастности. Они поддерживают спартанскую форму аскетизма в противоположность христианской форме, т. е. они рассматривают аскетизм как средство достижения господства над другими, а не как самодисциплину, которая способствует добродетели и дает счастье только в другом мире. Позднее некоторые из них прониклись популярным дарвинизмом и считали борьбу за существование источником появления высших существ; но это скорее борьба между расами, чем между личностями, такая, которую поддерживали апостолы свободной

¹ Ницше Ф. Воля к власти. М.: «RIFLE-book», с. 341. — *Прим ред.*

конкуренции. Удовольствие и знание, рассматриваемые в качестве целей, кажутся им чрезмерно пассивными. Удовольствие они подменяют славой, а знания — прагматическим утверждением, что то, чего они желают, истинно. У Фихте, Карлейля и Мадзини эти доктрины еще окутаны мантией традиционного моралистического ханжества; у Ницше они впервые выступают неприкрыто и бесстыдно.

Фихте получил меньшую, чем ему надлежит, долю кредита в открытии этого великого движения. Он начинал как абстрактный метафизик, но затем показал даже определенно деспотичный и эгоистичный характер. Вся его философия развивалась из предположения «Я — это Я» или, как он говорит:

«Эго само себя постулирует, и оно есть в результате этого простого утверждения себя, это и действующая сила, и результат действия, активность и то, что является результатом действия, Я есть выражает делодействие (*Tathandlung*). Эго есть, потому что оно само себя постулировало».

Эго, согласно этой теории, существует потому, что оно выражает волю к существованию. Теперь представляется, что нон-Эго также существует потому, что этого желает Эго, но нон-Эго, порожденное таким образом, никогда не станет действительно внешним по отношению к Эго, которое определяет его постулирование. Людовик XIV говорил: «Государство — это я», Фихте говорил: «Вселенная — это я». Как заметил Гейне, сравнивая Канта и Робеспьера, «в сравнении с нами, немцами, вы, французы, банальны и посредственны».

Позднее Фихте действительно объяснял, что когда он говорит «Я», он имеет в виду «Бог», но это не вполне убеждает читателя.

Когда, в результате битвы при Йене, Фихте пришлось бежать из Берлина, он начал думать, что слишком энергично утверждал нон-Эго в лице Наполеона. По возвращении в 1807 г. он представил свое знаменитое «Обращение к немецкому народу», в котором впервые была изложена доктрина национализма. Это обращение начинается с объяснения того, что немцы выше всех остальных современников, потому что только они имеют чистый язык (язык без примесей). (Рус-

ские, турки и китайцы, не говоря уже об эскимосах и готтентотах, тоже имеют чистые языки, но они не упоминаются в исторической книге Фихте.) Чистота немецкого языка делает немцев исключительно способными к глубоким размышлениям. Фихте заключает, что «иметь характер и быть немцем, без сомнения, значит одно и то же». Но если немецкий характер нужно ограждать от иностранного развращающего влияния и если немецкий народ должен быть способен действовать как единое целое, то должен быть новый тип образования, который будет «формировать немцев в единое тело». Новое образование, говорит он, «должно состоять существенным образом в том, чтобы полностью уничтожить свободу воли». Он добавляет, что воля — «это неотъемлемая сущность человека».

Не нужно внешней торговли помимо того, что является абсолютно необходимым. Нужна всеобщая военная служба: каждый обязан сражаться не за материальное благосостояние, не за свободу, не в защиту конституции, но под влиянием импульса «жадного пламени высшего патриотизма, которым объята нация, как покровом вечности, за который благородный человек радостно пожертвует собой, а подлый человек, который существует единственно ради других, тем более должен пожертвовать собой».

Эта доктрина, говорящая, что «благородный» человек — цель человечества и что «неблагородный» человек не может предъявлять свои права на что-либо, — это суть современных нападков на демократию. Христианство учило, что каждый человек имеет бессмертную душу и что в этом отношении все люди равны. Теория «прав человека» была только развитием христианской доктрины. Утилитаризм, несмотря на то, что он не допускал абсолютных «прав» для личности, придавал одинаковое значение счастью как одного человека, так и другого; таким образом, он приводил к демократии, так же, как и доктрина естественных прав. Но Фихте, являясь своего рода политическим кальвинистом, выделял определенных людей как избранных и признавал негодными всех остальных.

Сложность, конечно, состояла в том, чтобы узнать, кто является избранным. В мире, в котором доктрина Фихте была бы повсеместно

принята, каждый человек думал бы, что он «благородный», и присоединился бы к определенной партии людей, подобных ему самому, чтобы разделить часть своего величия. Эти люди могут принадлежать к его нации, как в случае с Фихте, или к его классу, как это происходит у коммунистического пролетариата, или к его семье, как у Наполеона. Не существует объективного критерия «благородства», кроме успеха в войне, поэтому война — необходимый результат этой доктрины.

Мировоззрение Карлейля, в основном, выводимо из мировоззрения Фихте, который имел на него сильное и единовластное влияние. Но Карлейль добавил нечто, что с тех пор стало характерной чертой всей школы: разновидность социализма и заботу о пролетариате, в основе которой на самом деле лежала неприязнь к капитализму и *нуворишам*. Карлейль делал это так хорошо, что ввел в заблуждение даже Энгельса, чья книга об английском рабочем классе 1844 г. упоминает его с наилучшей похвалой. Учитывая это, мы едва ли можем удивляться тому, что множество людей поверили в социалистический фасад национал-социализма.

Карлейль, на самом деле, все еще продолжает одурачивать людей. Его «культ героя» звучит очень возвышенно. Мы нуждаемся, говорит он, не в выборах парламента, а в «королях-героях, да и весь мир не без героев». Чтобы понять это, нужно изучить воплощение данных идей в действительности. Карлейль в книге «Прошлое и настоящее» показывает аббата XII в. Самсона как пример, но любой человек, не желающий принимать это на веру, прочитав «Хроники Жослина Бракелонда», обнаружит, что аббат был беспринципным негодяем, сочетавшим в себе пороки деспотичного лендлорда с недостатками мелочного крючкотворца-стряпчего. Другие герои Карлейля, по меньшей мере, так же сомнительны. Кромвелевская резня в Ирландии подвигла его на следующее замечание: «Но во времена Оливера (Кромвеля) продолжала существовать вера в Божью кару, во времена Оливера не было еще безумной тарабарщины «упразднения Главного наказания», жан-жаковской филантропии, и всеобщая притворная чувствительность в этом мире все еще так же полна греха... Только в

последнем декадентском поколении..., может быть, такая беспорядочная мешанина Добра и Зла во всеобщую слащавость окажет воздействие на нашу землю». О большинстве других его героев, таких как Фридрих Великий, Д-р Франсиа и губернатор Ирландии, необходимо сказать, что их общей характеристикой была жажда крови.

Те, кто все еще думают, что Карлейль был в некотором смысле более или менее либералом, должны прочесть его главу о демократии в книге «Прошлое и Настоящее». Большая ее часть занята восхвалением Вильгельма Завоевателя и описанием славной жизни, которой наслаждались крепостные в его время. Затем следует определение свободы: «Истинная свобода человека состояла в том, чтобы понять правильный путь (или его силой заставляли понять этот путь) и идти по нему». Затем он переходит к утверждению, что демократия «означает отчаяние найти героев, чтобы управлять народом, и довольствуется только желанием иметь их». Глава заканчивается утверждением, сделанном красноречивым пророческим языком, о том, что когда демократия исчерпает свое существование, все равно останется проблема, а именно «поиск правительства вашими Истинными Руководителями». Есть ли во всем этом хоть одно слово, под которым бы не подписался Гитлер?

Мадзини был более умеренным человеком, чем Карлейль, с которым он расходился во мнениях по поводу культа героев. Не отдельный великий человек, но нация была объектом его поклонения, и, несмотря на то, что он ставил Италию выше всех, он отводил определенную роль и каждой европейской нации, за исключением ирландской. Тем не менее, Мадзини, как и Карлейль, полагал, что долг должен быть превыше счастья, даже всеобщего счастья. Он думал, что Бог открыт для любого человека, что правильно; необходимо только, чтобы каждый подчинялся закону морали так, как он его чувствует в своем собственном сердце. Мадзини никогда не признавал, что разные люди могут искренне по-разному понимать предписания морального закона или что он на самом деле требует того, чтобы другие действовали в соответствии с его откровением. Он ставил мораль над демократией, говоря: «Простое голосование большинства не утверждает

верховную власть, если оно очевидно противоречит высшим моральным заповедям... воля людей священна, когда она толкует и применяет моральный закон, она недействительна и бессильна, когда отделяет себя от закона и только представляет капризы». Это также мнение и Муссолини.

Один-единственный важный элемент был с тех пор добавлен к доктрине этой школы, а именно: псевдодарвинистская вера в «расу». (Фихте сделал немецкое превосходство вопросом языка, а не биологической наследственности.) Ницше, который, в отличие от своих последователей, не был националистом или антисемитом, применял теорию только в отношении различных индивидуумов: он хотел, чтобы неполноценным людям препятствовали иметь детей, и надеялся, с помощью методов собаководства, вывести расу сверхлюдей, у которых будет вся власть и для чьей только пользы будет существовать остальное человечество. Но в дальнейшем писатели с похожими взглядами пытались доказать, что все превосходное связано с принадлежностью к их собственной расе. Ирландские профессора пишут книги, чтобы доказать, что Гомер был ирландцем; французские антропологи предоставляют свидетельства того, что кельты, а не тевтоны, были источником цивилизации в Северной Европе; Хьюстон Чемберлен доказывает во всех подробностях, что Данте был немцем и что Христос не был евреем. Подчеркивание расы было повсеместным среди англо-индусов, от которых империалистическая Англия подхватила эту заразу благодаря Редьярду Киплингу. Вместе с тем антисемитские настроения никогда не были значимы в Англии, хотя англичанин Хьюстон Чемберлен был по большей части ответственен за создание фальшивого исторического базиса для этих настроений в Германии, где они существовали еще со времен Средневековья.

О расе, если в это понятие не вмешивать политику, достаточно было бы сказать, что ничего политически важного о ней не известно. Как вероятность можно принять то, что существуют генетические психические различия между расами, но определенно можно сказать, что мы еще не знаем, в чем эти различия заключаются. Во взрослом человеке влияние окружающей среды скрадывает наследственность. Бо-

лее того, расовые различия среди различных европейцев не столь явны, как между белыми, желтыми и черными людьми. Не существует отчетливых физических характеристик, по которым можно было бы с уверенностью выделить представителей различных современных европейских наций, так как все мы произошли в результате смешения различных племен. Если даже какой-то один народ и достигнет умственного превосходства, каждая цивилизованная нация сможет выставить вполне обоснованное утверждение, которое докажет, что все притязания одинаково необоснованны. *Возможно*, что евреи стоят ниже немцев по развитию, но также возможно, что немцы по своему развитию находятся ниже евреев. Использование же в таком вопросе псевдодарвинистского языка совершенно антинаучно. К чему бы мы ни пришли в будущем, в настоящем у нас нет достаточных оснований для того, чтобы отдавать предпочтение одной нации в ущерб другой.

Все это движение, начиная с Фихте, служит методом поддержания чувства собственной исключительности и жажды власти посредством утверждений, в пользу которых не говорит ничего, кроме того, что они тешат чье-то самолюбие. Фихте нуждался в доктрине, которая заставила бы его чувствовать превосходство над Наполеоном; Карлейль и Ницше были слишком болезненны, поэтому искали компенсации в мире фантазии; британский империализм эпохи Редьярда Киплинга возник из-за стыда за потерю промышленного лидерства; а гитлеровское безумие нашего времени — это паутина мифа, в котором немецкое Эго пытается противостоять Версалию. Ни один человек не рассуждает здраво, когда его самолюбие жестоко задето, и те, кто умышленно унижают нацию, должны быть благодарны только сами себе, если она становится нацией безумных.

Это навело меня на мысль о тех причинах, которые лежат в основе широкого распространения иррациональной и даже антирациональной доктрины, анализируемой нами в данной статье. Во все времена существуют всевозможные теории, проповедуемые всевозможными пророками, но популярными становятся те, которые учитывают настроения, создаваемые обстоятельствами времени. Доктрины совре-

менных иррационалистов, как мы видели, характеризуются следующим: подчеркиванием *воли* как противоположности мысли и чувству; прославлением силы; верой в интуитивное «постулирование» предположений в противовес наблюдениям и индукции. Это состояние ума — естественная реакция тех, кто имеет привычку управлять современными механизмами, такими как аэропланы, а также тех, у кого меньше власти, чем прежде, и нет возможности найти какое-либо рациональное основание для восстановления своего прежнего превосходства. Индустриальное общество и война, создавая привычку к механической силе, становятся причиной огромных перемен в экономической и политической власти, и поэтому приводят большие группы людей в состояние практического самоутверждения. Отсюда и рост фашизма.

Сравнивая мир 1920 г. и 1820 г., мы обнаруживаем, что увеличилась власть у части крупных промышленников, наемных рабочих, женщин, еретиков и евреев. (Под «еретиками» я подразумеваю тех, чья религия не принадлежала к господствующей в их стране.) Соответственно, происходила утрата власти монархов, аристократии, священнослужителей, нижней прослойки среднего класса и мужчин в противоположность представительницам женского пола. Крупные промышленники, хотя и стали сильнее, чем в любой другой предыдущий период, чувствуют себя небезопасно из-за угрозы социализма, и особенно из-за страха перед Москвой. Заинтересованные в войне — генералы, адмиралы, авиаторы и фирмы, производящие оружие, — находятся в сходной ситуации: сильные в настоящий момент, но под угрозой «отвратительной шайки» большевиков и пацифистов. Некоторые слои общества уже потерпели поражение: короли и знать, лавочники, люди, оппонирующие религиозной терпимости и сожалеющие о днях мужского господства на женщинами. Похоже, они определенно потерпели крушение, экономическое и культурное развитие не оставило им места в современном мире. Естественно, они были недовольны, а в количественном отношении их было довольно много. Ницшеанская философия была психологически искусно приспособлена к их душевным потребностям, и очень мудро, что капиталистичес-

ты и милитаристы использовали ее для сплочения поверженных в партию, которая должна поддерживать средневековую реакцию в отношении всего, за исключением промышленности и войны. Что касается промышленности и войны, то здесь все должно было быть современно в техническом отношении, но не в распределении сил и власти после достижения мира, который сделал социалистов опасными для существующих магнатов.

Таким образом, иррациональные элементы в нацистской философии существуют, говоря политическим языком, благодаря необходимости заручиться поддержкой той части населения, у которой больше нет никакого *raison d'être*¹, в то время как относительно разумные элементы приносят промышленники и военные. Первые элементы — «иррациональные», потому что едва ли возможна ситуация, когда мелкие торговцы, например, смогут реализовывать свои надежды, и фантастические верования — это их единственное прибежище от безысходности. *Per contra*², надежды промышленников и военных могут быть реализованы фашистскими методами и едва ли каким-либо другим путем. Тот факт, что их надежды могут осуществиться только через разрушение цивилизации, делает их не просто иррациональными, но сатанинскими. Эти люди составляют лучшую, с интеллектуальной точки зрения, и худшую, с моральной точки зрения, часть данного движения; остальные, ослепленные блеском славы, героизма и самопожертвования, становятся невосприимчивыми к своим настоящим интересам и, охваченные эмоциями, позволяют использовать себя для достижения чужих целей. Такова психопатология нацизма.

Я беседовал с промышленниками и военными, поддерживающими фашизм как разумное учение, но их здравомыслие весьма относительно. Тиссен полагает, что посредством нацистского движения он может уничтожить социализм и одновременно невероятно расширить свой рынок сбыта. Однако сейчас, кажется, нет достаточных оснований полагать, что он прав, так же как думать, что были правы его предшественники в 1914 г. Ему нужно раздуть немецкую самоуве-

¹ Средство или смысл к существованию (франц.) — Прим. ред.

² Напротив (лат.) — Прим. ред.

ренность и националистические чувства до очень опасной степени, наиболее возможным результатом чего будет еще одна неудачная война. Даже начальный огромный успех не принес бы окончательной победы; сегодня, как и двадцать лет назад, немецкое правительство забывает о существовании Америки.

Есть один очень важный элемент, говорящий против нацизма, хотя он может рассматриваться как поддержка реакции, — я имею в виду организованную религию. Философия движения, получившего высшее выражение в нацизме, является в некотором смысле логическим развитием протестантизма. Этика Фихте и Карлейля — кальвинистская, и у Мадзини, который всю свою жизнь находился в состоянии оппозиции к Риму, была совершенно лютеровская вера в непогрешимость индивидуального сознания. Ницше страстно верил в ценность индивида и считал, что герой не должен подчиняться власти; в этом он развивал протестантский дух бунта. Можно было бы ожидать, что протестантская Церковь поддержит нацистское движение, и до определенной степени она так и сделала. Но во всех пунктах, общих для протестантизма и католицизма, оно противоречит новой философии. Ницше — явный антихристианин, и по прочтении сочинений Хьюстона Чемберлена создается впечатление, что христианство — это деградировавший предрассудок, появившийся среди полукровок-космополитов Востока. Отказ от смирения, любви к ближнему, кротости противоречит учению Госпела; и антисемитизм, как теоретический, так и практический, с трудом согласуется с религией еврейского происхождения. По этим причинам нацизм и христианство вряд ли будут друзьями, и вполне вероятно, что их антагонизм может привести к падению нацизма.

Существует еще одна причина, по которой современный культ безумия, будь то в Германии или еще где-нибудь, несовместим с традиционной формой христианства. Вдохновленное иудаизмом, христианство приняло понятие Истины, связанное с добродетелью Веры. Понятие и добродетель уцелели, подвергнувшись «искреннему сомнению», и, как все христианские добродетели, сохранились среди викторианских атеистов. Но постепенно влияние скептицизма и рекла-

мы сделало безнадежным делом поиски истины, но очень выгодным — защиту лжи. Интеллектуальная честность, таким образом, была уничтожена. Гитлер, объясняя нацистскую программу, говорит:

«Национальное государство смотрит на науку, как на средство увеличения национальной гордости. Именно с этой точки зрения должна преподаваться не только мировая история, но и история цивилизации. Изобретатель должен быть великим не просто как изобретатель, но даже более — как соотечественник. Восхищение любым великим деянием должно совмещаться с гордостью, потому что его успешный создатель — это представитель нашей собственной нации. Мы должны выделять величайших из массы великих имен в немецкой истории и ставить их в пример молодежи таким впечатляющим образом, чтобы они смогли стать опорой непоколебимых националистических чувств».

Концепция науки как поиска истины настолько полностью исчезла из сознания Гитлера, что он даже не спорит с этим. Как мы знаем, теория относительности считалась плохой, так как была придумана евреем. Инквизиция отвергала доктрину Галилея, потому что считала ее неверной, но Гитлер принимает или отвергает доктрины по политическим причинам, не принимая во внимание их истинность или ложность. Бедный Уильям Джеймс, который придумал эту точку зрения, был бы в ужасе от того, как ее используют; но если однажды отказываются от понятия объективной истины, то ясно, что вопрос «во что я должен верить?» будет решаться, как я писал в 1907 г., «обращением к военной силе и суду больших батальонов», а не методами теологии или науки. Государства, чья политика основывается на выступлении против разума, должны, следовательно, оказаться в состоянии конфликта не только с образованием, но и с церковью, везде, где уцелело истинное христианство.

Важным элементом в причинах бунта против разума является то, что многие способные и энергичные люди не имеют выхода для своего властолюбия и поэтому становятся опасны. В прошлом маленькие государства давали возможность осуществлять политическую власть большему количеству людей, а небольшой бизнес давал боль-

шему количеству людей почувствовать экономическую власть. Рассмотрим вопрос о громадном населении, которое спит в пригородах и работает в больших городах. Добираясь в Лондон на поезде, человек проезжает мимо огромных районов маленьких деревень, населенных семьями, которые не чувствуют никакой солидарности с рабочим классом. Мужчина в семье не участвует в местных делах, так как он отсутствует весь день, подчиняясь приказам своих работодателей; единственный выход для его инициативы — это возделывание садика по выходным. В политическом плане он завидует всему, что делается для рабочего класса, но, хотя он чувствует себя бедняком, снобизм мешает ему принять методы социализма и профсоюзов. Его предместье может быть таким же густонаселенным, как какой-нибудь известный город античности, но его социальная жизнь апатична, и у него нет времени интересоваться ей. Для такого человека, если у него достаточно духа для выражения недовольства, фашистское движение может явиться освобождением.

Уменьшение разумности в политике — это результат двух факторов: с одной стороны, существуют классы и типы людей, для которых мир не предоставляет никаких возможностей, но которые не видят надежды и в социализме, потому что они не являются наемными рабочими; с другой стороны, существуют талантливые и могущественные люди, чьи интересы противоречат интересам общества в целом и которые поэтому могут сохранить свое влияние при помощи поощрения разного вида истерии. Антикommунизм, страх перед иностранной военной мощью и ненависть к иностранной конкуренции — этим пугают чаще всего. Я не имею в виду того, что ни один рационально мыслящий человек не может испытывать эти настроения; я говорю о том, что эти настроения используются таким образом, чтобы устранить разумное обсуждение практических вопросов. Две вещи, в которых мир нуждается больше всего, — это социализм и мир, но обе они противоречат интересам наиболее могущественных людей нашего времени. Не сложно сделать шаги, ведущие к ним (миру и социализму), *кажущиеся* противоположными интересам большей части населения, и простейший путь это сделать — вызвать массовую исте-

рию. Чем больше опасность социализма и мира, тем больше правительства развращают душевную жизнь подвластных им людей; чем сильнее экономическая нужда в настоящем, тем больше желание страдающих уйти от интеллектуально трезвого взгляда на жизнь в объятья чего-то иллюзорного и обманчивого.

Лихорадка национализма, которая возрастала, начиная с 1848 г., представляет собой одну из форм культа безумия. Отказались от идеи универсальной истины: есть английская истина, французская истина, немецкая истина, черногорская истина и истина княжества Монако. Сходным образом, существует истина для наемных рабочих и истина для капиталистов. Единственно возможными средствами выбора между этими разными «истинами», если рациональное убеждение будет безнадежно, является война и соперничество в пропагандистском безумии. Пока глубокие конфликты между нациями и классами, поразившие наш мир, не будут разрешены, трудно ожидать, что человечество вернется к рациональному складу ума. Сложность в том, что пока преобладает безумие, решение наших проблем может быть достигнуто только случайно. Если разум, будучи безличным, делает возможным всеобщее сотрудничество, то безумие, представляя обычно страсти индивидов, делает неизбежной борьбу. Именно по этой причине рациональность, в смысле обращения к универсальному и безличному понятию истины, имеет первостепенную важность для благосостояния человечества не только тогда, когда она господствует, но также, и даже больше, в те менее счастливые времена, когда она презирается и отвергается, как напрасная мечта людей, у которых не хватает мужества убить в тех случаях, когда они не могут согласиться с оппонентом.

ВЛАСТЬ

Интервью 1959 г.

Вудро Уайэтт

Лорд Рассел, что заставляет людей желать власти?

Лорд Рассел

Предположу, что исходные импульсы, в результате которых у людей появилось желание обладать властью, приходится на периоды голода в человеческой истории, когда люди хотели быть уверенными в том, что у них будет пища и они не умрут, а это требовало власти.

Какие формы власти появились у человечества с того времени?

Существует два способа классифицировать власть. Первая и наиболее очевидная, как я думаю, форма власти заключается в прямой власти над человеческим телом. Это власть армии и полиции. Затем существует власть вознаграждений и наказаний, называемая экономической властью. В конце концов, существует власть пропаганды, власть убеждения. Полагаю, что это три основных формы власти.

Лорд Рассел, можете ли Вы сказать, что существуют хорошие и плохие мотивы для желания обладать властью?

Отвечу точнее: практически каждый человек, обладавший в мире сколь-либо значительным влиянием, был подвержен разного рода

любви к власти. И это характерно как для святых, так и для грешников. Думаю, что это характерно для любого активного человека.

Не случается ли довольно часто так, что человек, желающий сделать добро, также желает власти, потому что он скорее тщеславен?

Да, это случается слишком часто, и все потому, что любовь к власти сама по себе перевешивает желание получить то или другое. Вот почему лорд Эктон был, в целом, прав, говоря, что власть развращает, потому что удовольствие от обладания властью растет вместе с опытом власти. Возьмем пример Кромвеля. Не сомневаюсь, что Кромвель пришел в политику, имея похвальные намерения, желая сделать определенные, по его мнению, весьма важные для страны вещи. Но по прошествии некоторого времени, что он пребывал у власти, он стал желать только власти. Вот почему на смертном одре он сказал, что боялся впасть в немилость. Конечно. Думаю, каждый энергичный человек желает власти. Однако я желал бы только одной власти — власти над мнениями.

Не думаете ли Вы, что та власть над мнениями, которой Вы обладаете, развратила Вас?

Мне об этом неизвестно. Не мне об этом судить. Думаю, что это должны делать другие люди.

Позвольте вернуться к трем формам власти. Возьмем сначала физическую власть. Власть авторитета — полиция, управленческий аппарат; не думаете ли Вы, что все это также нуждается в контроле?

Конечно, необходимо иметь возможность остановить людей, обладающих властью, если они начинают поступать неправильно. Именно в этом и состояла идея импичмента. Вы должны остановить человека, если он, по всей видимости, поступает неправильно, и очень важно, что это должно существовать. Очень важно.

Не думаете ли Вы, что несмотря ни на что, власть сегодня зашла слишком далеко? Люди не имеют достаточной защиты от произвола властей и полиции и т. п.?

Думаю, что это, конечно, верно, но не так уж просто понять, что нужно делать в такой ситуации. В современном мире решения должны приниматься очень быстро. Вы должны оставить возможность принимать решения в руках немногих людей, таким образом выстроить защиту от их власти не так просто.

А как бы поступили Вы?

Это зависит оттого, какую область нашей жизни вы рассматриваете. Должен сказать, что, например, опыт многих современных государств показал, что власть полиции действительно очень опасная вещь. Во всех странах, где коммунисты пытались прийти к власти, не являясь большинством, первое, что они пытались захватить, было управление полицией. Затем они могли уже сажать за решетку всех, кто был им неуютен, и фабриковать свидетельские показания так, как было им нужно, поэтому я думаю, что власть полиции может быть очень опасной вещью, и это уже доказано историей. Поэтому я хотел бы во всех странах видеть две полиции: одну для доказательства вины, другую — для доказательства невинности.

Не будет ли это слишком сложно и дорого для государства?

Конечно, может быть и так. Но предположим, например, что вас несправедливо осудили как убийцу. Налогоплательщик оплатил все расходы, связанные с доказательством того, что вы убийца, а вы (за свой собственный счет) доказали (оплатив все расходы по этому доказательству), что вы — не убийца. Все это не выглядит справедливым. Будет лучше, если девяносто девять виновных человек избежат наказания, чем один невинный человек будет наказан. Однако наши дела основываются на противоположном принципе: лучше наказать девяносто девять невинных людей, чем один виновный избежит наказания, потому что мы думаем, что налогоплательщик должен платить за доказательство вины, а конкретный человек — за доказательство невинности.

Правильно, но невинные осуждаются не так часто. Действительно ли лучше для государства расходовать огромные средства

для того, чтобы каждый раз доказывать снова и снова, что кто-либо мог быть ошибочно осужден?

Прежде всего, мы не знаем, как часто осуждаются невинные. Полиция не хотела бы раскрывать подобные факты. Но судя по всему, мы можем судить, что это может происходить часто. Мы действительно не знаем этого. Во всяком случае, огромные расходы государства не будут превышать тех расходов, которые сейчас используются на поиск доказательств и свидетельских показаний.

Поговорим теперь о действиях правительства. Думаете ли Вы, что правительства не должны обладать свободой принимать решения столь быстро, чтобы не обращаться к избирателям и т. п.? И если так, то не оборачивается ли это невероятными потерями в эффективности деятельности правительства?

Что ж, возможно. В мире и сегодня существует множество стран, в которых невозможны референдумы или что-либо подобное. Вопросы войны и мира, наиболее важные вопросы, решаются очень быстро. Потребуются существенные изменения в работе всех организаций во всем мире, чтобы решения о войне или мире принимались обдуманно и неторопливо. Было бы замечательно, если бы это было возможно.

Выиграем ли мы в целом от некоторой доли неэффективности?

Конечно, в том, что касается неправильных действий, неэффективность лучше. Такова человеческая натура (или таковой она является по сей день), что существует множество неправильных действий, которые люди стремятся выполнять весьма эффективно. Думаю, можно было бы сказать, что человечество выживало до сих пор именно благодаря неэффективности своих действий, но в наши дни неэффективность снижается, и человечеству грозит вымирание.

Каким образом лень и неэффективность действий помогли человечеству выжить?

Уменьшением способности людей убивать друг друга. Если вы умный и эффективный в своих действиях убийца, то вы убьете много людей. А если вы глупый убийца, то вы будете совершать ошибки, и вас поймают. К сожалению, убийцы становятся все умнее и умнее.

Обратимся теперь к другому виду власти — к экономической власти. Думаете ли Вы, что Маркс преувеличивал важность экономической власти?

Прежде всего, Маркс выделял экономическую власть по отношению к другим видам власти. Во-вторых, введенный в заблуждение состоянием дел в Англии в 1840-х гг., он думал, что именно собственность, а не контроль, дает власть. Оба этих убеждения привели его к изобретению такого способа избавления от всех бед человечества, который доказал свою абсолютную ошибочность.

На Ваш взгляд, насколько важна экономическая власть?

О, важность экономической власти действительно велика, но это только одна из форм власти. Не могу сказать, чтобы она была более важной, чем власть армии или власть пропаганды. Приведу пример. Помните, как королева Боадицея восстала против римлян. Она восстала потому, что Сенека дал ей займы деньги под очень высокий процент, и она просто не могла найти столько денег. Это случилось потому, что в то время Сенека обладал экономической властью. Но после того как Боадицея была окончательно побеждена римской армией, сам Сенека был осужден на смерть императором Рима, и это уже проявление не экономической, а военной власти.

Как Вы считаете, экономическая власть сама по себе нуждается в контроле?

Да, думаю, что любая власть нуждается в контроле, потому что власть морить голодом целые регионы мира — вещь весьма нежелательная. Думаю, что экономическая власть некоторых регионов Ближнего Востока прекратить, при желании, добычу и поставку нефти — совершенно неприемлемая вещь.

А насколько важна власть пропаганды?

Эта форма власти невероятно важна, что осознавалось во все времена человеческой истории. Говорят, что кровь мучеников есть фундамент церкви. Имеется в виду, что кровь мучеников является огромной пропагандистской силой. Люди верят, что широко известное есть истина, и она победит. Пропаганда невероятно важна для всех форм

власти. Несомненно, что христианская религия победила только силой пропаганды, в отсутствие какой-либо экономической или военной силы.

Как Вы считаете, всегда ли власть пропаганды — это плохая вещь?

Конечно, нет. Нет. Плохо, когда неправильные и истинные воззрения смешиваются в одну кучу, но я определенно считаю, что власть пропаганды — не всегда плохая вещь. Тогда нужно было бы сказать, что образование в целом — плохая вещь, поскольку образование представляет собой определенный вид пропаганды.

Думаете ли Вы, что власть пропаганды также нуждается в контроле? Не оказываются ли люди с помощью средств массовой информации в таком состоянии, что уже не могут ясно отдавать отчет даже в своих действиях?

Конечно, пропаганда нуждается в жестком контроле. Я понимаю, что мнение большинства русских о том, что происходит в западных странах, весьма и весьма далеко от истины, и дело обстоит таким образом именно благодаря пропагандистскому контролю над образованием, существующим в коммунистических странах. В некоммунистических странах несколько менее жесткий контроль, но все равно он существует, имея целью отучить людей мыслить самостоятельно и заставить их мыслить так, как считают нужным правительства этих стран.

А что Вы думаете о Западе? Нуждается ли в контроле пропаганда на Западе?

Конечно. Не в столь жестком контроле, но нуждается, потому что в том, что преподается в школах и университетах, вы не обнаружите свободного и непредвзятого соревнования между различными точками зрения; определенные точки зрения распространяются в ущерб другим.

И, в целом, насколько важна проблема использования и злоупотребления властью в человеческой жизни?

Полагаю, что эта проблема обладает огромным значением. На самом деле, как я думаю, в этом состоит основное различие между хо-

рошим и плохим правительствами. Хорошее правительство использует власть в определенных пределах, взвешенно и подконтрольно, а плохими правительствами она используется неразборчиво. Думаю, что это очень важный вопрос.

Считаете ли Вы, что в целом демократическая система на Западе выработала довольно разумный баланс между нуждами правительства принимать решения быстро и самостоятельно и ответственностью правительства перед своим народом за то, что принятые им решения отвечают чаяниям народа?

Конечно, наша система намного лучше тоталитарной. Намного лучше. По той причине, что мы обладаем определенными механизмами воздействия на власть. Однако я полагаю, что должны существовать другие, более непосредственные и быстрые механизмы воздействия на власть, чем редкие периодические общие выборы. В современном мире, где все так взаимосвязано, этого недостаточно, и мы должны обладать бóльшим. Думаю, что возможности более быстрого воздействия на власть лежат в сфере развития практики референдумов.

Не считаете ли Вы, что референдумы не слишком оперативный и сложный способ воздействия на власть?

Да, проведение референдумов требует много организаторских усилий и времени. Но лучше референдумы, чем система, при которой правительство в любой момент может свергнуть страну в катастрофу, ни с кем не посоветовавшись.

СВОБОДОМЫСЛИЕ И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА

(Лекция, прочитанная в 1922 году в память Конвея)

Монкур Конвей, в память которого мы собрались сегодня, посвятил свою жизнь двум великим целям: свободе мысли и свободе личности. С тех пор в отношении обеих этих целей многое было достигнуто, но многое и утрачено. Новые опасности, несколько иные по форме, чем прежде, угрожают и той и другой свободам и, несмотря на то, что на их защиту может стать энергичное и бдительное общественное мнение, через сотню лет и той и другой может быть гораздо меньше, чем сейчас. Цель моей речи — обратить внимание на новые опасности и рассмотреть способы, как избежать их.

Позвольте начать с попытки разъяснить значение выражения «свободная мысль». Оно имеет два смысла. В своем самом узком смысле это выражение подразумевает мышление, не принимающее догм традиционной религии. В этом смысле человек — «вольнодумец», если он не христианин, не мусульманин, не буддист, не сионист и не член любой другой конфессии, исповедующий какую-либо унаследованную религию. В христианских странах человек называется «вольнодумцем», если про него нельзя сказать решительно, что он верит в Бога, хотя этого недостаточно, чтобы считать человека «вольнодумцем» в буддистской стране.

Я все же не хотел бы преуменьшать значение свободомыслия в этом аспекте. Сам я не принадлежу ни к одной существующей религиозной конфессии и надеюсь, что любое религиозное верование прекратит со временем свое существование. Равно как я не верю и в то, что религия способствовала распространению добра в мире. Хотя я готов признать, что в определенное время и в определенных странах она имела некоторый положительный эффект, и я отношу его к периоду становления человеческого разума и к тому этапу развития, который мы уже переросли.

Существует также и более широкий смысл выражения «свободная мысль», который, я считаю, имеет еще большее значение. В самом деле, вред, нанесенный традиционными религиями, кажется особенно ощутимым в свете того факта, что они препятствовали свободной мысли в этом широком смысле. И этот смысл, в отличие от узкого, не так просто определить, и было бы неплохо потратить некоторое время на выяснение его сути.

Когда мы говорим о чем-либо как о свободном, наше понимание неопределенно до тех пор, пока мы не сможем сказать, *от чего* оно свободно. Что-нибудь или кто-нибудь свободный, если он не подвергается какому-либо внешнему принуждению, и чтобы быть точными, мы должны определить, что это за принуждение. Таким образом, мысль «свободна», если она свободна от какого-либо вида часто присутствующего внешнего контроля. Некоторые виды контроля, которые должны отсутствовать, если мысль «свободна», довольно очевидны, но другие более трудно уловимы или скрыты.

Начнем с наиболее очевидных. Мысль не свободна, если на сторонников или оппонентов того или иного мнения накладываются различные правовые наказания, либо существует возможность для выражения только одного мнения или отсутствия мнения по определенным вопросам. Даже такой элементарный вид свободы до сих пор существует лишь в очень немногих странах мира. В Англии по закону о богохульстве незаконно выражать неверие в христианскую религию, хотя на деле этот закон не применяется для богатых. Такое незаконным считается преподавание учения Христа о непротивле-

нии злу. Поэтому любой, кто желает избежать участи преступника, должен выражать согласие с учением Христа, но должен избегать говорить, о чем это учение. В Америке никто не может попасть в страну без официального заявления, что он не является последователем анархизма и против полигамии; он также не должен быть сторонником коммунистов. В Японии незаконно выражать неверие в божественность Микадо. Таким образом, путешествие вокруг света может оказаться весьма рискованным предприятием. Последователь Мухаммеда или Толстого, большевик или христианин не может предпринять его без того, чтобы не стать в какой-то момент преступником, или он должен молчать о том, что считает важным и истинным. Это, конечно, относится только к пассажирам третьего класса; пассажирам первого класса разрешается верить во все, во что они ни пожелают, ограждая их от оскорбительной навязчивости.

Ясно, что элементарным условием свободы мысли является отсутствие правовых наказаний на выражение мнений. Ни одна великая держава еще не достигла этого уровня, хотя большинство из них с этим утверждением не согласятся. Убеждения, за которые все еще можно подвергнуться гонениям, кажутся большинству настолько чудовищными и безнравственными, что общий принцип терпимости не применяется к ним. Но именно нетерпимость к инакомыслию сделала возможным в свое время ужасы инквизиции. Было время, когда протестантизм казался таким же злом, каким сейчас кажется большевизм. Пожалуйста, не делайте из этого замечания заключение, что я либо протестант, либо большевик.

Тем не менее, в современном мире правовые наказания в наименьшей степени мешают свободе мысли. Два наиболее существенных препятствия — это экономические наказания и искажение фактов. Очевидно, что мысль не может быть свободна, если следование определенным убеждениям не дает возможности зарабатывать на жизнь. Ясно также, что мысль не свободна, если все аргументы одной стороны в споре всегда представляются как можно более привлекательными, тогда как аргументы противоположной стороны можно обнаружить только при целенаправленном поиске. Оба этих препятствия

существуют в каждой известной мне большой стране, кроме Китая — последнего островка свободы. Именно об этих препятствиях я буду вести речь: об их теперешнем состоянии и значении, о вероятности их увеличения и возможности их сокращения.

Мы можем сказать, что мысль свободна, когда она ставится в условия свободной конкуренции наряду с другими убеждениями, т. е. когда каждый может изложить свою точку зрения и когда ни юридические, ни материальные преимущества или неудобства не влияют на убеждения. Это идеал, который по различным причинам никогда не может быть достигнут. Но можно приблизиться к нему гораздо ближе, чем мы находимся сейчас.

Три случая из моей собственной жизни могут послужить примером того, как в современной Англии чаши весов склонились в сторону христианства. Я упоминаю их потому, что многие люди совершенно не сознают те неудобства, которые они испытывают, открыто исповедуя агностицизм.

Первый инцидент произошел на раннем этапе моей жизни. Мой отец был свободомыслящим человеком, но умер, когда мне было только три года. Желая, чтобы я вырос без религиозных предрассудков, он назначил моими опекунами двух таких же свободомыслящих людей. Суд, тем не менее, пренебрег его волей, и я был воспитан в христианской вере. Я боюсь, результат был разочаровывающим, но это не вина закона. Если бы отец захотел, чтобы я воспитывался как маглетонианист или как адвентист седьмого дня, судьи и не подумали бы возражать. Родители имеют право предопределять любой мыслимый предрассудок, который будет внушаться их детям после их смерти, но не имеют права завещать, чтобы их дети были, по возможности, защищены от суеверий.

Второй случай произошел в 1910 г. В то время я хотел баллотироваться в парламент от либеральной партии, и члены фракции рекомендовали меня определенному избирательному округу. Я выступил с речью в Либеральной Ассоциации, которая отнеслась ко мне благосклонно, и мое принятие казалось делом решенным. Но, будучи спрошенным о своих убеждениях на небольшом закрытом предвыборном

фракционном совещании, я ответил, что я агностик. Они спросили, может ли этот факт обнаружиться, и я сказал, что это возможно. Меня спросили, не хотел бы я время от времени посещать церковь, и я ответил, что нет. В результате они выбрали другого кандидата, который был избран обычным порядком и с тех пор был членом парламента, а сейчас стал членом правительства.

Третий инцидент произошел сразу же после этого. Я был приглашен Тринити колледжем Кембриджа стать лектором, но не членом совета колледжа. Разница не в деньгах, а в том, что член совета колледжа имеет право голоса в правлении колледжа и не может быть уволен во время его членства в совете колледжа, за исключением серьезного аморального проступка. Основной причиной того, что мне не предложили участия в совете, было то, что клерикальная партия не желала увеличения антиклерикальных голосов. В результате у них была возможность уволить меня в 1916 г., когда им не понравились мои взгляды на войну¹. Если бы я был в материальном плане зависим от работы в колледже, то мне пришлось бы голодать.

Три эти случая иллюстрируют тот ущерб, который наносится людям, открыто заявляющим о своем свободомыслии, даже в современной Англии. Любой другой человек, придерживающийся этих же взглядов, мог бы поделиться похожими случаями из своего собственного опыта, но часто более серьезного характера. В конечном счете, люди не слишком состоятельные не смеют говорить откровенно о своих религиозных убеждениях.

Отсутствие свободы, конечно, не связано только или даже главным образом с религией. Вера в коммунизм или свободную любовь ставит человека в гораздо более невыгодное положение, чем агностицизм. Не только вредно придерживаться этих взглядов, но и гораздо сложнее предать гласности аргументы в их пользу. С другой стороны, в России преимущества и недостатки прямо противоположны: привилегии и власть достигаются теми, кто исповедует атеизм, коммунизм и свободную любовь, и нет никакой возможности для распро-

¹ Следует добавить, что позднее, когда военные страсти поостыли, они снова назначили меня.

странения противоположных взглядов. В результате в России одна группа фанатиков абсолютно уверена относительно определенной совокупности сомнительных истин, тогда как в остальной части мира другая группа фанатиков чувствует такую же уверенность относительно диаметрально противоположной совокупности столь же сомнительных утверждений. И с той и с другой стороны такая ситуация порождает войны, разочарования и преследования.

Уильям Джеймс когда-то проповедовал «волю к вере». Я, со своей стороны, хотел бы проповедовать «волю к сомнению». Ни одно из наших убеждений не является абсолютной истиной, все они несут на себе по крайней мере отпечаток неопределенности и заблуждения. Методы увеличения степени истинности наших убеждений хорошо известны: они состоят в попытке выслушать все стороны, в попытке установить все относящиеся к делу факты, в сдерживании наших собственных пристрастий в спорах с людьми, имеющими противоположные пристрастия, и в готовности отказаться от любой гипотезы, в случае если доказано, что она неверна. Использование таких методов практикуется в науке, и они составляют основу научных знаний. Каждый истинный ученый готов признать, что любое современное научное знание, несомненно, требует изменений (коррекции) по мере развития науки. Тем не менее, этого достаточно для реализации большинства, хотя и не всех, целей научного исследования на практике. В науке, в которой только и можно обнаружить нечто приближающееся к подлинному знанию, установки людей относительно полны сомнений.

В религии и политике, напротив, несмотря на то, что все еще не существует ничего похожего на научный подход к знаниям, все считают *de rigueur*¹ иметь догматичное мнение, поддерживаемое насаждением голода, тюрем и войны и тщательно охраняемое от аргументированной конкуренции с любым другим мнением. Если бы только было возможным, чтобы люди взглянули на эти проблемы с точки зрения пытливого агностика, девять десятых всего зла современного

¹ Строго необходимым (франц.) — Прим. ред.

мира можно было бы исправить. Войны бы стали невозможны, потому что каждая сторона осознавала бы, что не правы могут быть обе стороны. Преследования прекратились бы. Образование ставило бы своей целью расширение и развитие мышления, а не его ограничение. Для работы бы подбирались люди, способные делать ее, а не потому, что они льстят иррациональным догмам стоящих у власти. Таким образом, одного только рационального сомнения будет достаточно для того, чтобы достичь золотого века.

Совсем недавно у нас был великолепный пример научного подхода к теории относительности и ее восприятию миром. Эйнштейн, германо-швейцарско-еврейский пацифист, был назначен германским правительством профессором, занимающимся научными исследованиями, в первые дни войны 1914–1918 гг.; его предсказания были подтверждены английской экспедицией, наблюдавшей затмение Луны 1919 г. вскоре после прекращения военных действий. Теория Эйнштейна изменяет всю теоретическую основу традиционной физики, она почти так же разрушительна для ортодоксальной динамики, как теории происхождения Дарвина для «Книги Бытия». И тем не менее физики повсюду высказывали готовность принять теорию Эйнштейна, поскольку для нее существовало множество подтверждающих свидетельств. Но никто из них, и меньше всех сам Эйнштейн, не требует, чтобы за ним осталось последнее слово. Он не возводил монумент безошибочной догмы, вечной на все времена. Существуют проблемы, которых он не может разрешить; его доктрина, в свою очередь, будет изменена, как была изменена теория Ньютона. Это критическое, недогматическое восприятие и есть настоящая позиция науки.

Что бы произошло, если бы Эйнштейн выдвинул что-нибудь столь же новое в сфере религии или политики? Англичане нашли бы в его теории элементы пруссачества; антисемиты сочли бы это сионистским сюжетом; националисты всех стран посчитали бы, что она заражена трусливым пацифизмом, и провозгласили бы ее не более чем простой уловкой для уклонения от военной службы. Все старомодные профессора обратились бы в Скотланд Ярд с просьбой запретить ввоз его сочинений. Учителя, относившиеся к нему с симпатией, были

бы уволены. Он (тем временем) был бы захвачен правительством какой-нибудь отсталой страны, где стало бы незаконно учить еще чему-нибудь, кроме его доктрины, которая бы выросла до размеров мистической догмы, никому не понятной. В конце концов, вопросы истинности или ложности его доктрины решались бы на поле битвы, без всяких попыток поиска каких-либо новых подтверждающих или опровергающих свидетельств. Это и есть логическое следствие «желания верить» Вильяма Джеймса.

Необходимо не только желание верить, но и желание познать, что есть совершенно противоположное.

Если допустить, что условие рационального сомнения стало бы насущной необходимостью, то стало бы важным узнать, почему в мире так распространена иррациональная уверенность. В основном это следствие унаследованной нами иррациональности и доверчивости обычного человека. Но эти семена интеллектуального первородного греха питаются и взращиваются и другими факторами, среди которых три играют ведущую роль, а именно: образование, пропаганда и экономическое давление. Давайте рассмотрим каждый из них.

(1) ОБРАЗОВАНИЕ. Начальное образование во всех развитых странах находится в руках государства. Государственным чиновникам известно, что часть материала, который они предписывают преподавать, является ложной, многие другие вещи также признаются ложными или, во всяком случае, сомнительными любым непредвзято рассуждающим человеком. Возьмем, например, преподавание истории. Каждая нация стремится в школьных учебниках истории лишь к самовосхвалению. Когда человек пишет автобиографию, ожидается, что он проявит определенную скромность; но когда нация пишет свою историю, то здесь нет пределов хвастовству и тщеславию. Когда я был молод, школьные учебники учили, что французы безнравственны, а немцы — добродетельны; сейчас они учат противоположному. Ни в том ни в другом случае нет и малейшего намека на правду. В немецких школьных учебниках описание битвы при Ватерлоо построено таким образом, что Веллингтон предстает практически разбитым и лишь Блюхер спасает ситуацию; английские учебники рассматрива-

ют Блюхера как полководца, практически никак не повлиявшего на исход битвы. Авторы и тех и других учебников знают, что они не говорят всей правды. Американские школьные учебники обычно были пропитаны антибританскими настроениями; начиная с войны 1914–1918 гг., они стали в той же степени пробританскими, не заботясь об истине ни в том ни в другом случае¹. И прежде, и сейчас одной из основных целей образования в Соединенных Штатах было превращение пестрой группы детей иммигрантов в «хороших американцев». Очевидно, что никому в голову не приходит, что «хороший американец», так же как «хороший немец» или «хороший японец», должен быть *по определению* плохим человеком. «Хороший» американец или американка — это человек, воспитанный в духе веры в то, что Америка — это лучшая страна на земле, и с энтузиазмом защищающий эту точку зрения во всех спорах. Если предположить, что такие утверждения верны, то рационально мыслящий человек не должен оспаривать их. И если они истинны, то должны преподаваться везде, а не только в Америке. Подозрительно то, что таким предположениям никогда не верят за пределами той страны, которая их прославляет. Тем временем вся государственная машина в различных странах направлена на то, чтобы заставить верить беззащитных детей в абсурдные истины, цель которых — вдохновить их даже на смерть в защиту чьих-то зловещих интересов, внушая им, что они борются за правое дело. Это только один из бесчисленных способов осуществления образования: не давать истинных знаний, а сделать людей легко поддающимися воле их хозяев. Без тщательно отработанной системы обмана в начальной школе было бы невозможно сохранить уловки демократии.

Прежде чем оставить тему образования, я приведу другой пример из американской жизни² — не потому, что Америка в чем-то хуже, чем другие страны, а потому, что она наиболее современна и наглядно демонстрирует те опасности, которые растут быстрее, чем исчезают другие. В штате Нью-Йорк нельзя открыть школу без государствен-

¹ См.: The Freeman, 15 Febr. 1922 г., p. 532.

² См.: The New Republic, 1 Febr. 1922, pp. 259 ff.

ной на то лицензии, даже если она целиком поддерживается на частные средства. Недавний закон постановил, что лицензия не может быть дана той школе, «где окажется, что преподаваемые знания включают ознакомление с доктриной, провозглашающей, что законное правительство может быть свергнуто с помощью насилия или других незаконных средств». Как подчеркивает «Нью репаблик», не имеет значения, о какой форме законного правительства идет речь. Закон, следовательно, объявил бы незаконным преподавание во время последней войны доктрины о том, что правительство кайзеровской Германии должно быть свергнуто с помощью силы; а также незаконным считалось бы поддерживать Колчака или Деникина в их борьбе против советского правительства. Такие выводы, конечно, не предусматривались и стали результатом плохой разработки закона. Истинная суть разъяснялась в другом законе, принятом в то же время и обязательном для учителей государственных школ. Этот закон гласит, что сертификаты, дающие право преподавать в таких школах, должны выдаваться только тем, кто в «достаточной степени проявил лояльность и покорность в отношении правительств данного штата и Соединенных Штатов». Отказано должно быть тем, кто защищал — не имеет значения где и когда — «форму правления, отличную от формы правления штата или Соединенных Штатов». Комитет, разработавший эти законы, как цитирует «Нью репаблик», установил, что преподаватель, «не одобряющий существующую социальную систему, ... должен быть отстранен от места» и что «только тому человеку, кто не стремится поддерживать теорию социальных изменений, можно вверить задачу воспитания у молодых и взрослых людей чувства гражданской ответственности». Итак, согласно закону штата Нью-Йорк, Христос и Джордж Вашингтон были бы слишком неустойчивы морально, чтобы доверить им образование молодежи. Если бы Христос пришел в Нью-Йорк и сказал: «Позвольте маленьким детям прийти ко мне», президент нью-йоркского школьного совета ответил бы: «Сэр, у меня нет доказательств того, что вы стремитесь бороться с теорией социальных изменений. На самом деле, я слышал, говорят, что Вы защищаете то, что Вы называете царством небесным, несмотря

ря на то, что наша страна, слава Богу, республика. Очевидно, что политический строй Вашего царства небесного существенно отличается от такового в штате Нью-Йорк, поэтому Вы не будете допущены к детям». Если он не сделает такого заявления, то он не выполнит свой долг как должностное лицо, руководствующееся законом.

Эффект, производимый такими законами, очень серьезный. Чтобы подтвердить этот довод, давайте предположим, что правительство и социальная система штата Нью-Йорк — самые лучшие из когда-либо существовавших на этой планете; и тем не менее, даже в этом случае, и то и другое, по-видимому, могло бы быть усовершенствовано. Любой, кто согласен с этим очевидным утверждением, не способен по закону преподавать в школе штата. Таким образом, закон предписывает, что учителя в школе должны быть либо лицемерами, либо дураками.

Растущая опасность, примером которой служит закон Нью-Йорка, является следствием сосредоточения власти в руках одной организации, будь то государство, или трест, или объединение трестов. В случае с образованием власть находится в руках государства, которое может оградить молодежь от знакомства с любой доктриной, которая его не устраивает. Я верю, что существуют еще люди, считающие, что демократическое государство едино со своим народом. Это, тем не менее, только иллюзия. Государство — это совокупность чиновников, разных в зависимости от поставленных целей, получающих приличный доход до тех пор, пока поддерживается *status quo*. Единственное изменение в *status quo*, которое они могли бы допустить, — это усиление бюрократии и власти бюрократов. Поэтому, естественно, они должны использовать все возможности, вплоть до вооруженных волнений, благодаря которым приобретается инквизиторская власть над их подчиненными, включая право заставлять голодать противостоящих им. Что касается духовной жизни и такого ее аспекта, как образование, здесь такое положение дел губительно. Оно уничтожает любые возможности прогресса, свободы и творческой инициативы. И все же это естественный результат того, что все начальное образование находится под влиянием одной-единственной организации.

Религиозная терпимость победила до определенной степени потому, что люди прекратили считать религию настолько важной для себя, как когда-то. Но в политике и экономике, которые заняли место, ранее принадлежавшее религии, появилась растущая тенденция к преследованиям, которые ни в коей мере не специфичны для какой-то определенной партии. Преследование инакомыслия в России более сурово, чем в любой капиталистической стране. Я встречался в Петербурге с выдающимся русским поэтом Александром Блоком, который потом скончался от лишений. Большевики позволили ему преподавать эстетику, но он жаловался, что они настаивали на преподавании «с марксистских позиций». Он так и не смог установить связь теории ритмичности с марксизмом, хотя чтобы избежать голода, он делал все возможное, чтобы найти ее. Конечно, с тех пор как большевики пришли к власти, в России стало невозможно печатать что-нибудь критическое о догмах, на которых основан их режим.

Пример Америки и России иллюстрирует вывод, к которому мы, похоже, пришли, а именно: до тех пор, пока люди продолжают фанатично верить в важность политики, свободное мнение по поводу политических проблем будет невозможно, и существует большая опасность, что отсутствие свободы будет распространяться и на другие области, как это произошло в России. Только некоторая степень политического скептицизма может оградить нас от этой беды.

Вряд ли можно предположить, что чиновники, ответственные за образование, желают, чтобы молодежь стала образованной. Напротив, их задача, не развивая умственных способностей, просто сообщать информацию. Образование должно преследовать две цели: во-первых, давать определенные знания — чтение и письмо, языки и математика и так далее; во-вторых, выработать такие умственные привычки, которые позволят людям овладевать знаниями и формулировать обоснованные суждения. Первое мы можем назвать информацией, навыком, второе — интеллектом. Полезность информации допускается и практически, и теоретически; без грамотного населения современное государство невозможно. Но полезность интеллекта допускается только теоретически, а не практически; нежелатель-

но, чтобы обычные люди размышляли, так как людей, которые размышляют, сложно контролировать и они создают административные сложности. Только стража, выражаясь языком Платона, может думать, остальные подчиняются или следуют за лидерами, как стадо овец. Эта доктрина, часто продолжающая существовать в подсознании, успешно переживает нововведения политической демократии и часто радикально искажает все национальные системы образования.

Страна, достигшая наибольших успехов в том, что касается преподавания информации, а не развития интеллекта, это последнее приобретение современной цивилизации — Япония. Начальное образование в Японии, можно сказать, превосходно с точки зрения обучения. Но помимо обучения оно имеет и другую цель: научить поклоняться религиозному культу Микадо, ставшему сегодня гораздо более влиятельным, чем в прежние времена, когда Япония еще не была модернизированной державой¹. Таким образом, школы одновременно дают знания и поощряют религиозные предрассудки. Поскольку мы не испытываем благоговения перед культом Микадо, мы ясно видим все абсурдное в японском образовании. Наши собственные национальные религиозные предрассудки так естественно и глубоко пустили в нас корни, что мы уже не обладаем в отношении них тем трезвым взглядом, как в отношении суеверий японцев. Но если бы путешествующий японец отстаивал тезис, что наши школы учат религиозным предрассудкам, столь же неблагоприятным для развития умственных способностей, как вера в божественность Микадо, я полагаю, что он бы был способен предоставить очень убедительные аргументы.

В настоящий момент я не в силах найти лекарство от болезни, но могу постараться поставить диагноз. Мы сталкиваемся с тем парадоксальным фактом, что образование стало одним из основных препятствий к развитию интеллекта и свободе мысли. Такое положение обусловлено, в первую очередь, тем, что государство присвои-

¹ См.: Prof. Chamberlain (Tokyo). The Invention of a New Religion. The Rationalist Press Association Ltd., 1940.

ло себе монополию в этом вопросе, но это далеко не единственная причина.

(2) **Пропаганда.** Наша система образования выпускает из школ молодых людей, способных читать, но по большей части не способных самостоятельно оценивать происходящее или формировать независимое мнение. Затем на протяжении всей оставшейся жизни их «пичкают» утверждениями, имеющими своей целью убедить их поверить во всяческие абсурдные заявления о том, что пилюли Бланка лечат все болезни, что Шпицберген — теплый и плодородный остров и что немцы едят трупы. Искусство пропаганды, практикуемое современными политиками и правительствами, имеет своим источником искусство рекламы. Психологическая наука во многом обязана рекламодателям. В прежние дни большинство психологов думали, что человек не мог бы убедить многих людей в высоком качестве его собственных товаров, просто настойчиво утверждая, что они превосходны. Опыт, тем не менее, показывает, что они ошибались. Если бы я однажды встал бы в людном месте и стал бы утверждать, что я самый скромный из живущих на этом свете, надо мной бы посмеялись; но если бы у меня было достаточно денег, чтобы поместить такое же заявление на бортах автобусов и на рекламных щитах вдоль основных линий железных дорог, люди бы вскоре поверили, что я болезненно скромен. Если бы я пришел к хозяину небольшого магазина и сказал: «Посмотри на своего конкурента через дорогу, он собирается заполучить твой бизнес; не думаешь ли ты, что было бы неплохой идеей оставить свое дело и, встав посреди дороги, попытаться застрелить его, пока он не застрелил тебя?» — если бы я сказал такое, любой мелкий владелец магазина посчитал бы меня сумасшедшим. Но когда государство всюду трубит об этом, мелкие владельцы заражаются энтузиазмом и приходят в совершенное удивление, когда обнаруживают впоследствии, что бизнес потерпел убытки. Пропаганда, осуществляемая средствами, успешно зарекомендовавшими себя в рекламе, стала одним из признанных методов правительств всех развитых стран, и особенно тем методом, с помощью которого создается общественное мнение.

Практикуемая сейчас пропаганда приносит два совершенно разных вида вреда. С одной стороны, тем, что в основном обращается скорее к иррациональным причинам убеждений, чем к серьезным аргументам; с другой стороны, тем, что дает несправедливое преимущество тому, кто может получить больше гласности либо из-за своего богатства, либо из-за власти. Со своей стороны, я склонен думать, что вокруг того факта, что пропаганда обращается больше к эмоциям, чем к разумным доводам, поднимается слишком большая суета. Грань между эмоциями и разумом не столь четкая, как думают некоторые. Более того, умный человек сможет предоставить достаточно рациональный аргумент в пользу любой позиции, у которой есть хоть один шанс быть принятой. По любому реальному вопросу всегда существуют достаточные аргументы с обеих сторон. Определенные искажения фактов могут быть запрещены юридически, но это ни к чему не обязывает. Простые слова «персиковое мыло», которые ничего не означают, побуждают людей покупать этот товар. Если где-нибудь они будут заменены на слова «лейбористская партия», миллионы людей будут голосовать за лейбористскую партию, хотя реклама не говорит ни о каких ее достоинствах. Но даже если обе стороны в споре были бы ограничены соответствующим законом в отношении используемых ими высказываний, которые бы оценивались на соответствие и обоснованность комиссией выдающихся логиков, основное зло, приносимое современной пропагандой, осталось бы. Предположим, что по такому закону имеются две партии, с одинаково хорошими шансами, одна из которых имеет возможность потратить миллион фунтов на пропаганду, тогда как другая только сто тысяч. Очевидно, что аргументы в пользу более богатой партии стали бы гораздо более широко известны, чем аргументы в пользу более бедной партии, и, следовательно, более богатая партия победила бы. Эта ситуация усугубляется, когда одна из партий правящая. В России правительство обладает почти полной монополией на пропаганду, но в этом даже нет необходимости. Преимущества, которыми оно обладает перед его оппонентами, будут по большей части достаточными для победы, если только не сложится исключительно неблагоприятная ситуация.

Возражения против пропаганды вызывают не только ее обращение к безрассудству, но в еще большей степени то преимущество, которое дается ею богатым и власть имущим. Равенство возможностей — необходимое условие, если речь идет о свободе мысли; а равенство возможностей может быть гарантировано только законами, разработанными для этой цели, хотя нет оснований ожидать увидеть их принятыми. Впрочем, панацею следует искать преимущественно не в таких законах, а в улучшении образования и в выработке скептического общественного мнения. В настоящий момент я, тем не менее, не буду заниматься обсуждением лекарств.

(3) Экономическое давление. Я уже упоминал о некоторых аспектах этого препятствия для свободы мысли, но теперь хотел бы обсудить это с более общих позиций, так как наблюдается тенденция к его усилению, если не будут сделаны определенные шаги по его нейтрализации. Самый яркий пример экономического давления, применяемого против свободы мысли, мы наблюдаем в Советской России, где до НЭПа правительство могло заставить и заставляло голодать людей, чье мнение его не устраивало, например Кропоткина. Но в этом отношении Россия лишь в чем-то впереди других стран. Во Франции во время дела Дрейфуса любой учитель мог бы потерять свою должность, если он был за Дрейфуса вначале и против него в конце. Я сомневаюсь, что и в Америке в настоящее время университетский профессор, даже выдающийся ученый, сможет получить место, если он будет критиковать «Стандарт Ойл Компани», так как все президенты колледжей получают или надеются получить пожертвования от мистера Рокфеллера. Американские социалисты — во всех отношениях заметные люди, и им чрезвычайно трудно получить работу, если только они не обладают исключительными способностями. Стремление трестов и монополий, существующее везде, где индустриализм хорошо развит, контролировать всю промышленность, ведет к сокращению числа возможных работодателей, так что становится все легче и легче делать секретные черные списки средством, заставляющим голодать любого, не подчиняющегося большим корпорациям. Рост монополий в Америке приносит не меньше зла, чем государственный социализм в России. С точки зре-

ния свободы, для человека нет разницы, государство или трест являются его единственным возможным работодателем.

В Америке, наиболее промышленно развитой стране, и в меньшей степени в других странах, которые примерно близки к американским условиям, среднему гражданину, если он желает зарабатывать себе на жизнь, следует избегать проявлений враждебности по отношению к определенным высокопоставленным людям. И эти высокопоставленные люди считают себя вправе требовать поддержки собственных взглядов на религию, мораль и политику от своих служащих, по крайней мере внешне. Человек, открыто отрицающий христианское учение, или стремящийся к либерализации законов о браке, или возражающий против власти больших корпораций, чувствует себя очень неуютно в Америке, если только ему не посчастливилось быть известным писателем. Такого рода ограничения на свободу мысли неизбежно появляются в каждой стране, где экономическая организация достигла уровня практической монополии. Поэтому обеспечение свободы в стремительно развивающемся мире стало сейчас гораздо более сложным делом, чем в XIX в., когда свободная конкуренция все еще была реальностью. Тот, кого волнует свобода разума, должен воспринимать эту ситуацию целиком и полностью, осознавая, что те методы, которые хорошо работали, когда капитализм был еще в младенчестве, теперь исчерпали себя.

Существуют два простых принципа, которые если они были бы приняты на вооружение, могли бы решить практически все социальные проблемы. Первый — это то, что образование должно научить людей принимать утверждения только в том случае, когда существуют некоторые основания думать, что они истинны. Второй принцип состоит в том, что работу следует давать, руководствуясь лишь тем, способен ли человек выполнять ее.

Рассмотрим сначала второй пункт. Привычка рассматривать религиозные, моральные и политические взгляды человека прежде, чем назначить его на определенный пост или предоставить ему работу — это современная форма преследования, и она, похоже, становится так же эффективна, как в свое время инквизиция. Старые свободы могут

быть узаконены, но это мало что значит на практике. Если на практике определенная точка зрения заставляет человека голодать, то для него небольшим утешением будет знать, что его взгляды не наказуемы по закону. Существует некое общественное настроение против голодающих людей, не принадлежащих к англиканской церкви или придерживающихся довольно неортодоксальных взглядов на политику. Но едва ли кто-то настроен против неприятия атеистов или мормонов, крайних коммунистов или людей, выступающих в защиту свободной любви. Таких людей относят в разряд безнравственных, и считается даже естественным отказывать им в приеме на работу. Люди почти еще не осознают тот факт, что это неприятие в высокоразвитом промышленном государстве равносильно самой суровой форме преследования.

Если такая опасность будет должным образом понята, то станет возможным пробудить общественное мнение и добиться того, что убеждения человека не будут учитываться при назначении его на пост. Жизненно важна защита меньшинств. Поскольку даже самые ортодоксальные из нас сами могут в один прекрасный день оказаться в меньшинстве, мы все заинтересованы в ограничении тирании большинства. Лишь общественное мнение может разрешить эту проблему. Социализм лишь в некоторой мере обострил ее, поскольку он искоренил возможности, которые сегодня появляются с помощью независимых работодателей. Каждое увеличение в размерах промышленного предпринимательства усугубляет ее все сильнее и сильнее, поскольку сокращает число независимых работодателей. Борьба должна вестись точно так же, как она велась за религиозную терпимость. И как в том, так и в другом случае ослабление силы веры, похоже, является решающим фактором. Когда люди были убеждены в абсолютной правоте католицизма или протестантизма, то они были согласны подвергаться преследованиям на основании догм этих учений¹. Когда люди практически не сомневаются в своих современных

¹ Думается, здесь имеется в виду следующее: когда люди абсолютно убеждены в истинности каких-либо положений, например, религиозных, то отступая, даже случайно, от них или начав сомневаться в истинности этих положений, они сами склонны рассматривать себя как еретиков, т. е. склонны к бессмысленному самобичеванию. — *Прим. ред.*

воззрениях, они будут преследоваться от имени этих же взглядов. Некоторый элемент сомнения необходим для практики, но не для теории терпимости. И это приводит меня к другому пункту, касающемуся целей образования.

Если бы в мире существовала терпимость, то в школе должны были бы прививать привычку анализировать факты и не принимать утверждения, считать которые истинными нет оснований. Например, необходимо учить искусству чтения газет. Школьный преподаватель должен отбирать некоторые случаи, которые произошли много лет назад и в свое время породили много политических страстей. Затем он должен показать школьникам, как по-разному освещали газеты тот или иной вопрос, и дать беспристрастный отчет того, что произошло на самом деле. Он должен показать, как из тенденциозных оценок разных сторон опытный читатель может понять, что произошло на самом деле, и он должен помочь понять им, что все, что пишут в газетах, более или менее ложно. Циничный скептицизм, который стал бы результатом такого обучения, сделал бы детей в их последующей жизни защищенными от тех призывов к идеализму, с помощью которых приличных людей склоняют содействовать планам негодяев и подлецов.

Таким же образом должна преподаваться и история. История наполеоновских кампаний 1813 и 1814 годов, например, может изучаться по газете «Монитор» (Moniteur). Можно представить, каково было удивление парижан, когда они увидели, как войска Союза прибывают под стены Парижа, после того как (согласно официальным бюллетеням) они побеждались Наполеоном в каждой битве. В более старших классах ученикам следует предложить сосчитать количество покушений на Ленина, совершенных Троцким, чтобы научиться презирать смерть. Наконец, они должны быть ознакомлены с историей, одобренной правительством, и их следует попросить сделать заключение по поводу того, что французская школьная история говорит о наших войнах с Францией. Все это было бы куда лучшей тренировкой гражданственности, чем избитые моральные максимы, с помощью которых, как полагают некоторые, можно было бы привить понятие гражданского долга.

Нужно, я думаю, признать, что беды в мире происходят по причине моральных пороков в той же степени, что и от недостатка ума. Но до сих пор человеческая раса не открыла никаких методов искоренения моральных пороков; проповеди и увещания только добавляют лицемерия к предыдущему списку пороков. Умственные способности, напротив, легко улучшить методами, известными каждому знающему преподавателю. Следовательно, до тех пока не будут открыты какие-либо методы обучения добродетели, мы вынуждены искать прогресса скорее на пути совершенствования умственных способностей, чем морали. Одно из основных препятствий для развития интеллекта — доверчивость, а доверчивость можно в значительной мере уменьшить с помощью разоблачения широко распространенных форм лжи. Доверчивость — гораздо большее зло в наши дни, чем прежде, потому что благодаря росту образования стало гораздо легче, чем это было когда-либо, распространять ложь через средства массовой информации, находящиеся в руках власть предержащих. Отсюда и увеличение тиражей газет.

Если бы меня спросили, как убедить мир принять эти два принципа, а именно: **(1)** что работа должна предоставляться людям, исходя из их деловых качеств; **(2)** что целью образования должно стать излечение людей от привычки принимать утверждения, для которых нет подтверждающих свидетельств, то я могу сказать только, что это должно осуществляться посредством формирования просвещенного общественного мнения. А просвещенное общественное мнение может быть создано только усилиями тех, кто желает, чтобы оно существовало. Я не верю, что экономические перемены, за которые так ратуют социалисты, сами по себе приближают нас к избавлению от тех пороков, о которых мы говорили. Я думаю, что как бы ни изменился политический строй, направление экономического развития будет все больше осложнять сохранение свободы разума, если только общественное мнение не будет настаивать на том, что работодатель не должен контролировать ничего в жизни служащего, кроме его работы. Свободу в образовании при желании можно легко сохранить, сократив функции государства в контроле и оплате и ограни-

чив инспектирование строго определенной инструкцией. Но в таком случае, как говорят факты, образование может перейти в руки церкви, поскольку, к сожалению, церковь гораздо более обеспокоена обучением своим верованиям, чем свободомыслящие люди своим сомнениям. Тем не менее, это могло бы обеспечить свободное поле и сделать возможным либеральное образование, если бы этого действительно желали.

Я призывал на протяжении всей этой речи к распространению научного подхода, который совершенно отличается от знания научных результатов. Научный подход способен преобразовать человечество и обеспечить решение всех наших проблем. Научные результаты в виде различных механизмов, отравляющего газа и желтой прессы могут привести к гибели нашей цивилизации. Курьезная антитеза, которую марсиане смогут созерцать с забавной беспристрастностью. Но для нас это вопрос жизни и смерти. От его решения зависит, будут ли наши внуки жить в более счастливом мире или истребят друг друга с помощью научных методов, оставляя, быть может, в руках негров и папуасов будущие судьбы человечества.

РОЛЬ ИНДИВИДА

Интервью 1959 г.

Вудро Уайт

Что Вы имеете в виду, когда говорите о роли индивида?

Лорд Рассел

Я думаю, в первую очередь, о деятельности, которую индивид осуществляет не как член какой-либо организации, а каким-то иным образом. Я полагаю, что существует огромное множество важных и очень полезных, желательных видов деятельности, которые до сих пор индивид осуществлял без помощи организации и которые становятся все более и более зависимы от организаций. Великие мужи науки прошлого, такие как Коперник, Галилей, Ньютон, Дарвин, не зависели от очень дорогой аппаратуры. Они были способны и делали свою работу индивидуально. Но возьмем современного астронома. Я встречался с выдающимся астрономом современности, когда был в Калифорнии, и его работа, будучи превосходной и очень полезной, полностью зависела от очень, очень мощных телескопов, которые были подарены его обсерватории неким очень богатым человеком. И он объяснил мне во время обеда, что, само собой разумеется, у него была возможность заниматься своей работой только потому, что он был в хороших отношениях с этим очень, очень богатым человеком.

И каково Ваше решение этой проблемы?

Я не думаю, что существует какое-нибудь решение этой заслуживающей особого внимания проблемы, кроме всеобщего заинтересованного желанья в развитии познания. Конечно, в большой степени это только надежда, но я не вижу, что еще мы можем сделать.

Каким образом кто-либо получает право и возможность использования этого чрезвычайно дорогого оборудования?

Вы сможете использовать его только путем голосования коллег. К счастью, в науке довольно легко оценить человеческие способности. В искусстве все совсем по-другому. Поэт, или художник, или архитектор, удовлетворяющий вкусам своих современников, вряд ли будет значительным новатором в своей области и, напротив, крупные новаторы не нравятся своим современникам, то есть в искусстве это очень сложно.

Но может ли кто-нибудь пойти немного дальше в культурной и научной свободе (freedom), и что точно это значит по степени важности для общества?

Какое-то время назад я пришел к заключению, что, вообще говоря, важный импульс, стимулирующий наше поведение, может быть разделен на творческий и собственнический. Я называю импульс творческим, когда его цель — создать что-то, чего никто не смог бы сделать и что не было бы заимствовано у кого-нибудь еще. Я называю его собственническим, когда он состоит в приобретении чего-либо для себя, чего-то, что уже есть, как, например, буханка хлеба. И тот и другой выполняют свои функции, и человек должен быть в достаточной степени собственником, чтобы выжить, но по-настоящему важный импульс, когда мы говорим о сфере свободы (liberty), — творческий. Если вы пишете поэму, вы не можете помешать другому человеку писать поэму. Если вы пишете картину, вы не можете помешать другому писать картину. Это творческие вещи, и они не делаются за счет кого-то другого. И я думаю, что такие вещи должны иметь абсолютную свободу.

Вы полагаете, что свобода в науке и культуре (freedom) уменьшается?

Да, она почти неизбежно уменьшается; я полагаю, , возможно, не в такой степени в художественной сфере, но уж точно в научной — по причинам, о которых я уже говорил прежде. Аппаратура в науке сейчас настолько дорога, что человек не может быть Галилеем со своим собственным телескопом. Вы сами не можете построить современный телескоп.

Да, но сегодня, несомненно, существует большое преимущество в том, что многие люди, сделавшие научные открытия в прошлом, опасались, что они лишатся головы, тогда как сейчас этого можно не опасаться.

Я думаю, это не совсем верно. Мы, как правило, не отрубам им головы, но если они находятся в политической немилости, как это очень часто бывает, у них не будет доступа к необходимым лабораториям.

Но действительно ли существовала когда-нибудь свобода (freedom) в науке и культуре?

Нет, я так не думаю. Нет, я не думаю, что когда-нибудь она существовала. Фактически люди, которые делают важные открытия в любых направлениях, где бы то ни было, почти неизменно вызывают огромное противостояние общества.

Вы можете привести такие примеры?

Коперник. Вы говорили о Галилее. Им обоим пришлось нелегко из-за их открытий. И Дарвин, конечно, в свое время воспринимался как совершенно безнравственный человек. Так думают почти обо всех, кто делает важное открытие.

Разве это не правильно в какой-то мере, что люди, выдвигающие предположения, которые могут быть, а могут и не быть, важным шагом вперед, сталкиваются с сильной оппозицией? В этом случае они могут проверить свои предположения, и у нас не будет ложных теорий, которые нам навязывают.

Я не думаю, что это предотвратит появление ложных теорий, потому что правительства во всех частях света, как я слышал, предпочитают именно такие теории и поощряют их. По-настоящему ценные теории будут встречены яростной атакой оппозиции. Я думаю, это во многом отвечает на ваш вопрос. Если оппозиция не очень сурова — это стимул, но если она очень сурова, то нет. Если вам отрубить голову, это чрезвычайно уменьшит ваши умственные способности.

Почему, как Вы думаете, многие открытия так шокировали людей?

Из-за того, что они заставляют людей ощущать собственную незащищенность. Каждое человеческое существо, так же как и любое животное, хочет жить в безопасной для него среде — среде, где вы не будете подвергаться неожиданному риску. И когда кто-то говорит вам, что что-то, во что вы всегда верили, на самом деле неверно, это для вас оказывается ужасным шоком, и вы думаете: «О! Я не знаю, на каком я свете. Когда я думаю, что ставлю свою ногу на твердую землю, то, возможно, это не так». И вы впадаете в ужас.

Ну, это в действительности скорее влияет на открытия в области мысли, чем в практической науке. Я имею в виду, что никто не будет возражать, если будет изобретена машина для полетов на Луну.

Нет. Но все же люди, по меньшей мере некоторые, хотя и не столь многие, как я бы того ожидал, будут остерегаться машины, которая могла бы уничтожить человеческую расу, которая тоже является частью науки.

Да, но это довольно разные вещи, не так ли? Я имею в виду, что многие последние открытия, такие как, скажем, телевидение, на самом деле не шокировали людей.

Это новейшее изобретение, но открытия, на которых основывались новые изобретения, очень часто производили эффект в области мысли совершенно противоположный, чем в области техники, и это в общем довольно сильно шокировало людей.

Вы придаете необыкновенное значение вопросу роли индивида. Почему для Вас это так важно?

Потому что все важные человеческие открытия, известные с начала нашей истории, совершались благодаря личностям, большинство из которых сталкивалось с яростной общественной оппозицией.

Вы думаете, что страх перед общественным мнением остановил многих людей от совершения хороших и разумных поступков?

Да, общественное мнение имело очень большое влияние, особенно во времена волнений, когда вокруг царило состояние массовой истерии. Очень многие люди боялись идти против истеричной толпы, и в результате плохие вещи торжествовали там, где этого не должно было быть.

Вы думаете, это касается ученых и людей искусства?

Да, я так думаю. Я думаю, что у ученых есть преимущество, так как иногда они могут доказать, что они правы, а художники не могут доказать этого. Художник может только надеяться на то, что другие люди будут думать так, поэтому я считаю, что художник находится в гораздо более трудной ситуации, чем ученый. Но и ученый в современном мире тоже, без сомнения, испытывает трудности, так как он может делать открытия, которые не устраивают правительство, и в этом случае его ожидают неприятности.

О, Вы думаете, он не сможет избежать их в Западном мире?

Он может или не может. Это будет зависеть частично от его известности, частично от степени доказательства, которым он располагает, и частично от степени неудобства, которое он доставляет властям.

Как быть с людьми, которые являются скорее мыслителями, а не художниками или учеными, разрабатывающими практические вещи?

Конечно, это вопрос степени. Огромное количество мыслителей стараются не выражать публично мнения, которые принесут им оскорбления.

А что с другими людьми, которые не подпадают под эти категории?

Приведу в пример очень известный случай, который произошел в Америке после первой мировой войны. Речь идет о двух людях — Сакко и Ванцетти, обвиненных в убийстве. Свидетельств против них было явно недостаточно, и после того как они были осуждены, небольшая группа людей была назначена исследовать улики. Среди них был президент Гарварда, и он и другие решили, что Сакко и Ванцетти были виновны, и последние были казнены. Я думаю, что все, кто исследовал обстоятельства дела со всей беспристрастностью, понимали, что они не настолько убедительны, чтобы привести к осуждению.

Вы думаете, даже президент Гарварда знал, что они были невиновны?

Я думаю, он должен был знать. Я не могу этого утверждать, потому что не могу заглянуть ему в душу. Но я полагаю, он должен был знать.

И все дело было только в общественном мнении?

Да.

Сейчас мы подошли очень близко к главной теме, к тому, каким количеством свободы (liberty) должен пожертвовать человек, чтобы жить в организованном обществе. Что вы скажете по этому поводу?

Я думаю, что сохранение социального порядка весьма важно. Мы должны иметь, по возможности, мир, в котором люди не воруют, не убивают друг друга и так далее и в котором изнутри вы до некоторой степени защищены средствами полиции. Я думаю, что такого рода ограничения на свободу необходимы, особенно в очень перенаселенном обществе. Рассмотрим это, например, на правилах дорожного движения. Когда я был молод, автомобилей не было, вы могли ездить где угодно и как угодно и не беспокоиться. Сейчас же существует разработанный кодекс правил, которые вы должны соблюдать, и если вы этого не делаете, то это вызовет большие проблемы как для вас, так и для других. Причиной является увеличение количества населения в мире, в целом, а также, полагаю, и определенные национальные

свободы, которые будучи в прошлом чрезвычайно ценными, сегодня стали опасными, так же как это было бы, если бы вы ездили по дорогам, не соблюдая правила движения.

Как Вы считаете, необходимы ли какие-то новые ограничения на свободу (liberty)?

Да, конечно. Необходимы ограничения на национальную свободу, ведь есть некоторые вещи, которые просто абсурдны. Аргументы, которые использовали социалисты в защиту национализации природных ресурсов, превратились сейчас в аргументы в защиту интернационализации природных ресурсов. Наиболее очевидный пример этого — нефть. Несколько абсурдно, что очень небольшие территории, на которых оказались очень большие запасы нефти, должны быть единственными владельцами этой нефти.

Как Вы считаете, нужно ли расширять сферу свободы (liberty)?

Необходимо расширение свободы в интеллектуальной сфере и, если бы это было возможным, уменьшение в той сфере, которую я называю собственнической.

РАССЕЛ Бертран

ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ

Перевод с английского

Козловой Е. Н., Назаровой О. А., Сычевой С. Г.

Корректор *Юрьева Л. Н.*

Оригинал-макет [*Лыков Д.*]

Художественное оформление *Жегло С.*

В оформлении использованы рисунки *Дениски Назарова*

Издатель *Олеся Назарова*

Идея–Пресс

Дом интеллектуальной книги

ЛР № 071525 от 23 октября 1997

Подписано в печать 3.02.99.

Формат 60×90/16. Объем 15 п. л. Гарнитура Оффицина.

Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 3175

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554–21–86